

ИСТОРИЯ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

мир северной деревни начала XX века
в письменных свидетельствах
местных жителей

Корба

Оз. Булозь

Оз. Сегозеро

Оз. Выгозеро

Коркоя

Перогуба

Повенець

Выгозерской

Оз. Саалозеро

Оз. С...

Тобузерскі

Рускія

ПЕТРОЗАВОДСКЪ

Пудож

Саммиль

Самми

Мадожское

ОЛОНЕЦЪ

ВЫТЕГР

озеро

Ладейное Поле

Кур

Шльинское я

Новая Мадога

Мондра

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Пулково

Чухвинь

Мойда

Вольской

Холмогоры

ОНЕГА

Карпо

Вясицкая

Сійскій

Турзовская

Колезскій

Корвалъскій

Усть Вала

Гаменье

Боревскій

Воскресенской

ШЕНКУРСКОЕ

Швановская

Можикскій

КРАСНОБОРСКОЕ

КАРГОПОЛЬ

Оз. Лаха

Чадрана

Шильской

Вельскъ

Оз. Воже

Никольской

Георгиев

Никелской

Константиновское

ТОТЬМА

Кирилловъ

Кадниковъ

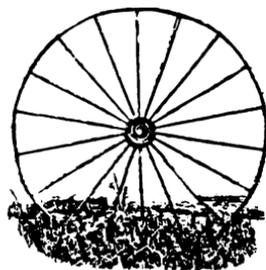
Предтегенскій

***В том-то и сила,
что прошло да было.***

ИСТОРИЯ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

**Мир северной деревни начала XX века
в письменных свидетельствах
сельских жителей**

**Товарищество Северного Мореходства
Архангельск - Москва
2011**

УДК 94(470.1/.2-22)«19»(082)
ББК 63.3 (2Рос-12)6-21ю1я43
И 907

Составитель, научный редактор

В.Н. Матонин, к.и.н., доцент Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова

Рецензенты

Н.М. Терехин, доктор философских наук, профессор,

В.И. Коротаев, доктор исторических наук, профессор,

Н.В. Дранникова, доктор филологических наук, профессор

Художественный редактор

С.В. Рапенкова, к.т.н.

Редактор

И.М. Кудрявина

И 907 История от первого лица. Мир северной деревни начала XX века в письменных свидетельствах сельских жителей : сборник / сост., науч. ред., [авт. вступ. ст., заключ.] В.Н. Матонин. — Архангельск; Москва: Товарищество Северного Мореходства, 2011. — 360 с.: ил.

Дневник крестьянского мальчика Яши Пронина и письменные воспоминания сельских жителей Архангельской и Вологодской областей, опубликованные в этой книге, рассказывают о жизненном укладе северной деревни начала - середины XX века. Сборник адресован историкам, этнографам, краеведам и широкому кругу читателей.

Рукопись подготовлена к изданию с помощью директора Центра технического обслуживания «СЦ КОПИЯ» Александра Анатольевича Розова и при поддержке гранта РФФИ № 11-06-98800Р-север-а «Комплексные исследования российской общественной и благотворительной деятельности в Евро-Арктическом регионе в прошлом и настоящем».

ISBN 978-5-85879-746-3

© Матонин В.Н., составление, вступительная статья, заключение, 2011

© Рапенкова С.В., оформление, 2011

© Товарищество Северного Мореходства, 2011

© ОАО «ИПП «Правда Севера», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	7
ПООНЕЖЬЕ	11
<i>Тронин Я.И. Дневник. 1915–1924 г.</i>	17
<i>Тривалихин А.Я. Последний старик</i>	51
КАРГОПОЛЬЕ	93
<i>Шшишкин А.К. Кенозёры и Кенозеро</i>	99
<i>Морозов Н. Не стирают память годы</i>	149
<i>Митяков И.М. На память потомкам</i>	155
ВОЛОГОДЧИНА	187
<i>Турундаевский А.А. Наша семья</i>	191
Заключение	356

Авторы-составители сердечно благодарят

Ольгу Максимовну Зайцеву,

Татьяну Евгеньевну Мосягину,

Елену Флегонтовну Шатковскую,

Владимира Алексеевича Любимова,

сотрудников фондов Архангельского областного краеведческого музея
за предоставленные для публикации материалы.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

История в человеке и человек в истории — эта сюжетная линия объединяет дневник Яши Пронина, воспоминания Алексея Привалихина, Афанасия Шишкина, Николая Морозова, Ивана Митякова, Александра Турундаевского. Крестьянские дневники и письменные свидетельства сельских жителей — явление бесценное как человеческий документ и редкое как исторический источник. Наедине с листом бумаги и своей совестью, без наводящих вопросов, подразумевающих ответ, без микрофонов, без намерения создать литературное произведение, наши авторы говорили правду. Уникальность этой книги — в исповедальности. Между строк читается желание оправдаться и понять, что происходит или уже произошло в стране, подвести жизненные итоги.

В отличие от устного повествования, письменный язык имеет специфику, определяемую жанром, социальным положением, профессией, степенью начитанности и образованности писателя. В оригинале публикуемых текстов могут отсутствовать знаки препинания. Не всегда текст разделяется на абзацы. Встречаются повторения слов, злоупотребления канцеляризмами, грамматические ошибки. Незначительная литературная редакция не искажает авторский стиль и лексику. Пропущенные фрагменты обозначены многоточием, отсутствующие, но предполагаемые слова даны в квадратных скобках. В дневнике Яши Пронина сохранены графика и грамматика. Они красноречивы по отношению к известному уровню грамотности современных ровесников восьмилетнего ученика сельской церковно-приходской школы. Записки Ивана Митякова изданы в сокращении. Повествования сопровождаются комментарием со ссылкой на характер и местонахождение публи-

куемых источников. Сплошной текст разделен на фрагменты, каждому из которых дано название, подчеркивающее главную мысль или основное содержание рассказа.

За исключением дневника Яши Пронина и незначительной части записок Алексея Привалихина, воспоминания сельских жителей публикуются впервые¹. Дневник Яши Пронина, мемуары Алексея Привалихина и Николая Морозова обнаружены во время историко-этнографических экспедиций. Тетрадь Афанасия Шишкина и рукописная книга Ивана Митякова находятся в фондах Архангельского областного краеведческого музея. С воспоминаниями Александра Турундаевского составитель познакомился благодаря его внучке.

В характере текстов отразилось время их создания от 1915-го до начала 1990-х гг. Очевидны, с одной стороны, идеализация сельской жизни, с другой, желание подчеркнуть необходимость социальных и политических перемен в деревне.

В Архангельской и Вологодской губерниях в конце XIX – начале XX вв. частное землевладение почти отсутствовало. Обширные земельные площади были непригодны для сельского хозяйства. В начале XX в. развитие торговли и необходимость платить налоги требовали от крестьян значительных денежных средств. Многие мужчины уходили зимой на отхожие промыслы² в Петербург, Архангельск, Карелию. Уровень жизни в сельской местности повышался, но одновременно усиливалось экономическое расслоение сельской общины. Со временем возрастало значение лесной промышленности, но в каждой местности складывалась своя ремесленная или промысловая специализация, дополнительная по отношению к сельскому хозяйству.

¹ Пронин Я. Дневник / публикация В.Н. Матониной // Онежская старина. Историко-краеведческий сборник. Онега, 1995. Вып. 1. С. 78-104; Привалихин А.Я. Воспоминания в двух тетрадях // Там же. С. 62-77.

² Отхожий промысел — временная, сезонная работа (в городах или других сельскохозяйственных районах), на которую уходили крестьяне, не порывая со своим основным хозяйством.

После Германской войны (1914–1918 гг.) деревенская жизнь «надломилась». Разрушительной силой традиционного уклада стали ветераны войны, ссыльные, новая сельская интеллигенция (учителя земских училищ) и сельская молодежь. В период НЭПа (в начале 1920-х гг.) у крестьян появляются надежды на возрождение деревенской жизни без разрушения вековых традиций. Создаются успешно действующие кооперативы, ТОЗы (Товарищества совместной обработки земли), трудовые артели. После коллективизации 1929–1931 гг. история в сознании сельских жителей разделилась на два периода — «до колхозов» и «после колхозов». Разорение деревенских храмов, репрессии по отношению к духовенству и кулакам (наиболее зажиточной и дееспособной части сельского населения) расшатали вековые устои хозяйствования. В ходе «культурной революции» христианские идеалы подменялись коммунистической идеологией, а православный культ пролетарской культурой. Перемены в духовной сфере происходили одновременно с модернизацией хозяйственной деятельности: с внедрением новых способов «ужения наваги», попытками сеять пшеницу там, где она прежде не росла, выращиванием турнепса, а в 1960-е гг. — кукурузы. Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) ухудшила демографическую ситуацию. На женские плечи легли трудности оборонных работ, лесозаготовки, восстановление разрушенного сельского хозяйства. Из-за налогов на собственность стало невыгодно держать в личном хозяйстве не только крупный рогатый скот, но и овец, кур, коз («сталинских коров»). В 1950–1960-е гг. начинается укрупнение колхозов. Деревенские жители получили паспорта и возможность уехать в города. До войны единственно законными причинами, позволяющими выйти из колхозной «крепостной неволи», для молодых людей была служба в армии, а для девушек — работа в няньках. В деревнях, объявленных «неперспективными», закрывались магазины, медпункты, школы. Семьи колхозников вынуждены были переезжать в районные центры и перевозить дома. Изменилась психология сельских жителей. Образ жизни сельскохозяйственного рабочего подразу-

мевал ограниченное законодательством трудовое время, узкую специализацию и отчуждение производителей от результатов деятельности — «продуктов труда». По призыву коммунистической партии молодежь устремилась поднимать целинные земли в Казахстане. Жили в палатках. Работали, не жалея сил. Количество первых урожаев было выше ожиданий, но значительная часть зерна погибла из-за невозможности вывезти его с хлебных токов и обработать. Государственная политика 1970-х гг., направленная на возрождение сельского хозяйства, была половинчатой и более декларируемой, нежели осуществляемой реально. Ни материальное стимулирование, ни помощь города не могли заставить сельских жителей трудиться лучше и добросовестнее, чем «до колхозов», а также в 1930-1940-е гг. Напряженная работа требовала внятных духовных или идейных мотивировок, а их уже не было.

Перестройка конца 1980 - начала 1990-х гг. ударила по совхозам. Земледелие в природных условиях Архангельской области признано нерентабельным. Полиресурсная экономика превратилась в моноресурсную. Центры хозяйственной деятельности постепенно перемещались из районных городов — в областные центры — Архангельск и Вологду, а позднее — Москву.

Людские ресурсы на Русском Севере казались неисчерпаемы. Последовательное уменьшение народонаселения в сельской местности можно объяснить войнами, раскулачиванием, тяжелыми условиями сельской жизни, востребованностью рабочей силы в городах.

Документальные свидетельства о северной русской деревне включают в себя описание земель, примыкающих к реке Онеге, Каргополья и окрестностей Вологды. В системе современного административного деления — это территория Архангельской и Вологодской областей.

Река Онега течет через холмистую равнину, «вылепленную ледником», и впадает в Белое море. Глинистые берега покрыты густыми хвойными лесами, чередующимися с болотами. Земли неплодородные, «тощие». В укладе крестьян Поонежья преобладали общинные (коллективистские) традиции. Местные жители отличались ярко выраженным консерватизмом. Они использовали архаические орудия труда и способы производства. Даже на ровных пожнях траву косили горбушей (короткой изогнутой косой), а не литовкой (косой с длинной прямой ручкой). Землю пахали деревянной сохой. Сохраняли трехпольную систему землепользования. Суровый климат воспитывал в местных жителях упорство и трудолюбие. За неторопливое упорство жители соседних волостей называли онежан «тяжкодумами».

Годовой хозяйственный цикл работ соответствовал кругу двенадцатых церковных праздников, с которыми связаны многочисленные приметы и наблюдения за природой: «Два Егория с водой, значит, будет год худой» (6 мая и 16 ноября); «Если Вербница с вербами, Троица — с листьями, Илья — с просвирыю», «Егорий — с водой, Никола — с травой» (6 мая и 22 мая). Хлебопашество сочеталось со скотоводством («Корова — на дворе, так и хлеб — на столе») и с отхожими промыслами в зимнее время. Хозяйства крестьян были крепкими, семьи — большими (по десять и более человек). Средняя по уровню благосостояния семья держала 10-15 овец, одну-две коровы, лошадь. Деревенские дома были пятистенками с взвозами над хлевом. Тягловая (государственная) земля распределялась на земельные пай по количеству работников — мужчин и женщин: «на душу» и «полдуши». Участки, освобожденные от мелколесья и кустарника («чищанины», «росчисти», «копанины»), были частной собственностью. Налогом не облагались. По мере развития в деревне товарно-денежных отношений уровень жизни

крестьян возрастал, но усиливалось экономическое расслоение крестьянской общины. Самоуправление менялось в сторону бюрократической формализации сельских устоев¹. Община объединяла людей не только по месту жительства, но и, прежде всего, вокруг храма. Общественное мнение всегда стояло на стороне вдов, сирот и тех, кто нуждался в помощи. Труд «в помощь» не считался унижительным. В Верховье, где жил автор дневника Яша Пронин, по примеру многих других сел была устроена «магазея» — страховой фонд зерна на случай неурожая, пожара, несчастного случая. Ключи от магазии хранил староста, один из наиболее уважаемых крестьян. Мужчины величали друг друга по имени и отчеству, женщин — по имени. Отец в семье имел полновластные полномочия. Неуважение к супруге и грубость мужа общество осуждало. Хозяйственные вопросы обсуждались дома за вечерним чаем, распределялись обязанности на следующий день. Общинная жизнь не сковывала личной инициативы крестьянина.

Домашние обязанности разделялись на мужские и женские. Спать крестьяне ложились, когда стемнеет. Вставали до зари. Первыми поднимались женщины: задавали скоту корм, ставили квашню, готовили завтрак. Осенью и зимой «цапали на картах» шерсть, ткали, вышивали. Мужчинам зимой надо было привезти в хлев сено, о дровах позаботиться. Мужчины, если не уходили «в бурлаки» (на заработки), промышляли охотой, рыбалкой или занимались кустарными промыслами. В город на ярмарку возили рыбу, мясо, масло, творог, масло. Во всякое время года работа была разнообразной, требующей сноровки, смекалки, мастерства. С Законом Божьим, грамотой и арифметикой дети знакомились в церковно-приходской школе. Образование можно было продолжить в гимназии, а затем — в университете.

Автор публикуемого дневника — мальчик из села Верховье Мардинской волости Онежского уезда Архангельской губернии Яша Пронин (1907 г.р.). Он начал вести дневник в возрасте восьми

¹ Камкин А.В. Общественная жизнь северной деревни XVIII в. Вологда, 1990. С. 75.

лет, будучи учеником второго класса церковно-приходской школы. В семье крестьянина Ивана Петровича Пронина (1889–1969) было десять детей, но из них выжили только трое. Яша — Яков Иванович — умер в возрасте 21-го года от аппендицита. По словам его сестры Татьяны Ивановны Саловой (Прониной), отец наказал сыну ежедневно записывать дела и события, чтобы выработать красивый почерк и стать писарем или десятником сплавной конторы. Дневник приучил мальчика осмысленно относиться к жизни и к своему поведению².

Форму игр, забав и серьезных занятий детям подсказывали возраст и время года. Игра незаметно становилась трудом. Когда на гумне молотили рожь или ячмень, дети перерезали на снопах вязки, трясли снопы, «подавали на солому». Старшие дети занимались с младшими. Младшие — нянчили тряпичных кукол. Бабушки и дедушки мастерили внучатам «ходила» (ходули), вырезали деревянных коней или свистки из ивы.

Записи Яши Пронина позволяют взглянуть на крестьянскую жизнь глазами ребенка. По характеру ошибок и описок у восьмилетнего автора дневника можно судить об уровне образования, которое давала церковно-приходская школа, об особенностях местного диалекта. Слова, которые для ребенка имели большое значение, он писал с заглавной буквы, но иногда у мальчика не хватало терпения дописать фразу до конца.

Воспоминания Алексея Яковлевича Привалихина (1918–1994(?)) из деревни Чижиково Мардинской волости Онежского уезда Архангельской губернии полностью публикуются впервые.

Чижиково относилось к Кожскому приходу Мардинской волости Онежского уезда. В приход входило восемь деревень: Макарьино, Усть-Кожа (Чирковская), Семёновская (Глотова), Филимоновская (Кислуха), Ефимовская (Остров), Сидоровская, Петровская (Верхний Двор) на р. Коже; Чижиково на р. Онеге. В 1920 г. на

² Рукопись в настоящее время находится у Ольги Максимовны Зайцевой, дочери Татьяны Ивановны Саловой, в селе Верховье Онежского района Архангельской области.

территории бывшего Кожского прихода насчитывалось 1073 жителя, дворов — 248. Эти деревни в свое время относились к Кожеозерскому Богоявленскому монастырю. Люди занимались земледелием, скотоводством, рыболовством, заготовкой и сплавом леса. В Чижиково шили лучшие в районе лодки.

В 1991 г., собирая материал для выставки «Мардинская старина»³ (автор — Владимир Антонович Шапошник), мы спустились на лодке из Каргополя по реке Онеге. В Чижикове познакомились с Алексеем Яковлевичем Привалихиным. Беседа была содержательной, но, к сожалению, краткой. Мы спешили засветло найти стоянку и поставить палатки. Алексей Яковлевич рассказывал интересно и увлекательно. Я попросил его записать воспоминания. «Хорошо, — ответил Привалихин, — только бумаги у меня нет. Присылайте бумагу». Так появилось несколько тетрадей с повествованиями о деревенской жизни и автобиографическими заметками. Алексей Яковлевич писал не очень понятным почерком, без знаков препинания, но именно так, как говорил, — на одном дыхании. В сборнике Онежского историко-мемориального музея «Онежская старина» опубликован фрагмент его записок⁴. Долгое время тетради 1991-1992 годов не были полностью расшифрованы, но эту работу я считал своим долгом по отношению к чижиковскому мастеру-лодочнику и удивительному человеку — Алексею Яковлевичу Привалихину⁵. Вечная ему память!

³ Шапошник В.А. Мардинская старина. Годовой круг русских крестьян Мардинской волости Онежского уезда Архангельской губернии второй половины XIX - начала XX в. Каталог выставки. Онега, 1994.

⁴ Привалихин А.Я. Воспоминания в двух тетрадях / публикация В.Н. Матонина // Онежская старина. Историко-краеведческий сборник. Онега, 1995. Вып. 1. С. 62-77.

⁵ Письма находятся в личном архиве В.Н. Матонина.

1943 года 28 декабря 1
сегодня ходили
калешы и борозлись
сванькой, Смято-
шой, зуринькой,
Смишккой, и ходи-
ли санкой, вь-
луть, я бродили,
снегомъ, ~~и~~
и

Страница из дневника Якова Пронина.
Семейный архив Прониных (с. Верховье)

Яков Иванович Пронин

ДНЕВНИК. 1915-1924 гг.

1915 года, 28 декабря

Сегодня ходили колесы и боролись сванькой, Сматюшой, згринькой, Смишкой и ходили санкой в луг¹. Я бродилъ снегомъ сегодня.

Приехалъ тата. Мне привесъ 10 тетрадокъ и козулю, и книгъ 6, катанцы, пинжакъ.

Сегодня ходили славить Христа. Выславили 22 копейки. Хлебъ покупали ухарловыхъ.

Сегодня снимались на карточки убарышовыхъ² статою, смамой, збабушкой, здедушкой, сережой, санкой, згостями.

Сегодня боролись на деревни собаки, ели кишки. Ванька Пудовъ³ недавал ись⁴.

Сегодня накатали⁵ серегу барышова. Он насъ накаталъ и пошелъ домой. Мы пошли колеси и играли ухоранкомъ⁶ солешей, сколькой, серегой, сванькой, состепкой. Ходили колеси.

Отец (тата) приехал, прочитал начало Яшиного дневника и остался недоволен: то, что происходило в течение нескольких дней, написано за один раз, под одним числом, не ручкой, а простым карандашом. Отец предложил Яше написать черными чернилами, красивым почерком, распределив события по тем дням, в которые они происходили.

¹ Алеша — Алексей Михайлович Рогалев, товарищ Яши. Погиб во время Великой Отечественной войны. Ванька — Иван Матвеевич Варламов — сосед, троюродный брат Яши. Гринька — Григорий Рогалев. Жил на ст. Мудьюга. Анка — шестилетняя родная сестра Яши. «Луг» — название местности за селом.

² Барышovy — соседи. Сергей Барышов — товарищ Яши.

³ Пудовы — прозвище («уличная фамилия») Толстоноговых.

⁴ Есть.

⁵ Накатать — наподдавать.

⁶ Ухоранком — в прятки.

23 декабря 1915 года

Ходили надеревню играть. Сегодня приехалъ изархангельска тата. Мне козулю и десеть тетрадокъ, пинжакъ, 6 книг, стрекозей и одну книгу.

24 декабря 1915 года

Сегодня ходили колеси и приготавлиались къ празднику.

25 декабря

Ходили въ церковь. Ходили славить Христа сфетей⁷, солешой. Выславили по двадцать две копейки.

26 декабря

Были Гости, и ходили сниматься съ гостями накарточки.

27 декабря

Вцерковь ходили. Снимались накарточку съ татой, мамой, дѣдом, бабой, сережкой, Анютой.

28 декабря

Ходили зъ бабушкой въ луг стречать тату и маму сеномъ. Тата даль намъ коня, и мы зъ бабушкой поехали домой.

29 декабря

Ходили надеревню играли и ксереги.

30 декабря

Ходили кфети и ходили пожерди сфетей, солешой. И ходили къ ваньки, кфети.

31 декабря

Ходили ксереги. Онъ показываль намъ карточки.

⁷ Федя — Федор Васильевич Григорьев, двоюродный брат Яши, крестник и любимчик отца.

1 января 1916 года

Ходили ксереги и ходили навечеринку къ параскови кпудовой⁸.

2 января 1916 года

Сегодня свежили быка. Я гонял собакъ. Оне ели кишки. Ходили колешы и ходили на лыжахъ.

3 января

Ходили кфети и счаливали схором⁹ снегъ.

4 января

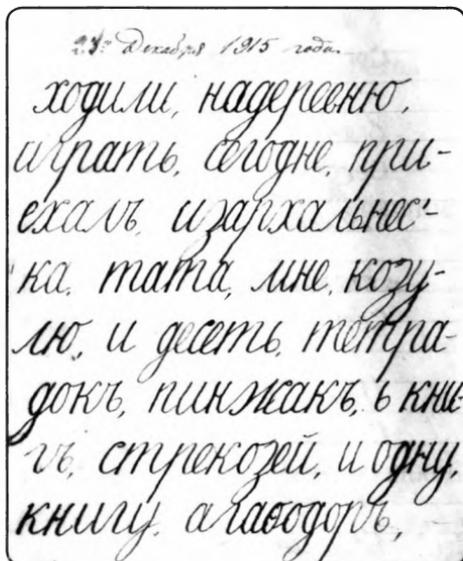
Сегодня Горела¹⁰ изба. Мужыки тушили лопатами, баграми, снегомъ и водой, машиной.

5 января 1916 года

Ходили вцерковь.

6 января 1916 года

Ходили в церковь и ходили кпешки¹¹.

Страница из дневника Якова Пронина.
Семейный архив Прониных (с. Верхове)

⁸ Для вечеринки снимали избу у одинокой женщины. Мыли пол. Приносили хозяйке в подарок полено дров или праздничную шаньгу. В одном селе было одновременно две вечеринки: большая и малая — для взрослых и детей.

⁹ Сбрасывать с крыши.

¹⁰ Заглавными буквами Яша обозначает слова и события, которые для него наиболее значительны. Пожары в деревнях были большим бедствием. В данном случае пострадал Евгений Ефимович Артамонов.

¹¹ Пешка — Петр Александрович Борисов, товарищ Яши.

7 января

Сегодня мама мне пять коробок. Игралъ грамофонъ.

8 января

Сегодня уехалъ вархангельско тата, и галились¹² скуской, смишкой¹³.

9 января

Сегодня учили читать и складъ писать.

11 января 1916 года

Сегодня учили читать, писать и ходили смотреть цыгановъ. Лаяла собака¹⁴.

12 января

Сегодня учили читать, писать. Сережа¹⁵ обожокъ руку, и была у барабановыхъ свадьба.

13 января 1916 года

Сегодня учили читать пословянскому, и делалъ ящик, и давалъ шить кучеру¹⁶ бахилы, и катались.

14 января

Сегодня учили читать и писать задачи.

¹² Кидались снегом.

¹³ «Куська» — Кузьма Матвеевич Варламов — сосед и троюродный брат Яши. Погиб во время Великой Отечественной войны.

¹⁴ В святочные дни, в сумерки, девушки и парни собирались нечетным числом на скрещении дорог. Присаживались на овечью шкуру и чертили вокруг себя горелой лучиной три черты — «медну, оловянну и железну»: «За три черты черт не ходит, лешего не водит, а водяному дела нет». Гадали, слушая звуки. Колокольчик забрякает — «свадьба едет». Собака лает или воет — не к добру.

¹⁵ Сергей Иванович Пронин, родной брат Яши. Погиб во время Великой Отечественной войны.

¹⁶ Прозвище сапожника.

15 января

Сегодня учили читать, писать и делали избушку¹⁷ сфетей.

16 января

Сегодня учили читать и писать.

23 января

Ходили в церковь и делали горку.

24 января

Сегодня учили читать и писать.

26 января

Сегодня учили читать, писать.

27 января

Сегодня учили читать, писать, и был венец¹⁸. Стреляли. Женился Ондрей варламовъ. И галились сванькой. Меня Ванька билъ.

28 января

Учили читать, писать.

29 Января

Сегодня учили читать, писать.

30 Января

Ходили смотреть, как гуляли.

31 Января

Ходили вцерковь и галились спешкой.

¹⁷ Домик из снега.

¹⁸ Венчание в церкви.

1 Февраля 1916 года

Сегодня учили писать.

2 Февраля 1916 года

Ходили в церковь, и играли басками¹⁹.

3 Февраля

Сегодня учили читать, писать.

7 Февраля

Сегодня ходили в церковь, и бабушка носила Сережу. Катались погорки.

8 Февраля

Сегодня учили читать, писать.

9 Февраля

Сегодня учили читать, писать и складь.

13 Февраля

Сегодня в церковь. И дали прорсиву²⁰. И ходили делать горку.

14 Февраля

Ходили в церковь. Катались начунках²¹.

15 Февраля

Сегодня учили читать, писать и складь.

16 Февраля

Сегодня учили читать, писать.

¹⁹ Косточками.

²⁰ Просфора — богослужебный литургический хлеб, употребляемый в православии для таинства Евхаристии и для поминания живых и мёртвых.

²¹ Чунки — длинные хозяйственные сани, на которых катались с горки по несколько человек одновременно.

Дети на санях. Фото нач. XX в. Российский этнографический музей

17 Февраля 1916 года

Сегодня Учили читать, писать — и насъ распустили. И катались сфонарем²².

18 Февраля

Сегодня катались на доски нагорки.

1916 года, 19 Февраля

Играли ухоранкомъ, и катались Ухарловыхъ на доски, и видели барабановыхъ молодыхъ. Они пьяны. Мы санкой катались сфонарем.

20 Февраля

Сегодня дядюшка Василий уехалъ наобозерску²³ замайой. Привесь тату и маму.

²² С фонарем катались в санях, запряженных лошадьми.

²³ Станция Обозерская.

Семья Прониных. Слева направо: Яша (Яков Иванович), дедушка — Петр Федорович, бабушка — Анна Иванова, брат — Сережа, отец — Иван Петрович, сестра — Анка, мать — Анна Иванова. Декабрь 1915 г. Семейный архив Прониных (с. Верховье)

21 Февраля

Сегодня ходили в церковь и играли ухоранкомъ.

[Рукой отца дописано: Ъздили въ грихневу²⁴ въ верховцы. Гоняли лошадей на смотрь].

22 Февраля

Сегодня Угонили коня²⁵. И галились спешкой.

23 Февраля

Сегодня учили читать, писать и складь. Я срывал здровника снегъ²⁶.

24 Февраля

Сегодня учили читать, писать и складь, и играли чижомъ. Тата Ъздил вберезово забревнами и возилъ доски и дрова.

26 Февраля

Сегодня ходили каяться.

27 Февраля

Ходили к причасью и играли чижом.

28 Февраля

Сегодня ходили в церковь и играли ухоранкомъ.

29 Февраля

Учили читать, писать и складь. Уехал тата, и играли чижомъ.

1 Марта

Сегодня учили читать, писать и складь и играли чижомъ.

²⁴ Деревня Грихново.

²⁵ Коня, вероятно, забрали для нужд фронта (уже два года Россия воевала с Германией).

²⁶ Над буквой «е» в слове «снегъ» отец написал — Ъ в соответствии со своими представлениями об орфографии.

2 Марта

Сегодне учили читать, писать и складъ.

3 Марта

Сегодне училъ наблюдатель, читать, писать и складъ.

4 Марта

Сегодне учили читать, писать и склад и играли чижомъ.

5 Марта

Сегодне учили читать, писать и складъ.

6 Марта

Сегодне ходили вцерковъ и играли чижомъ.

7 Марта

Сегодне я неходилъ в училищю. Я немогъ.

8 Марта

Сегодне я некуда неходилъ.

9 Марта

Сегодне учили читать, писать и складъ.

13 Марта

Сегодне я никуда неходилъ²⁷.

14 Марта

Сегодне я некуда неходилъ.

23 Марта

Сегодне умерла Анка. Я стал оправляться.

²⁷ Отец дописал: «Боленъ».

24 Марта

Сегодня хоронили анку. Чужихъ обѣдало 15 человекъ.

25 Марта

Сегодня я в церковь не ходилъ.

26 Марта

Сегодня я делалъ палку, и вынимали окольные²⁸.

27 Марта

Сегодня я ходилъ ссережой кокрыльцу.

28 Марта

Сегодня мы ссережой кололи палки.

29 Марта

Сегодня бабушка Мне зделала двѣ палки.

30 Марта

Сегодня мы ходили ссережой кокрыльцу.

31 Марта

Сегодня я Сережи колоть палки.

1 Апреля

Сегодня незамогъ сережа.

2 Апреля

Сегодня приехалъ тата.

4 Апреля

Сегодня уѣхали зафершаломъ, и мы здедушкомъ катали бревна.

²⁸ Зимние рамы.

5 Апреля

Сегодня мы збабушкой ходили заводой.

6 Апреля

Сегодня играли чиркой спѣшкой, ссанькой.

7 Апреля

Сегодня ходили запрутъемъ и плели плетки.

8 Апреля

Ходили...

Нонь неписал. Праздновали Пасху.

15 Апреля

Папа уехалъ въ Лодьму. Дома жилъ две недели. Приезжалъ заработчими.

16 Апреля

Сегодня я звониль²⁹. И ломали переходъ³⁰. Мы бегали рабкой³¹. Несло ледъ.

17 Апреля

Несло ледъ. Робята и роспускали ручей³². Боролись светей. Онъ два, а я его три.

18 Апреля

Учили читать, писать и складъ. И былъ иванъ василевичъ - смотрель Сережу. И ходили загнилой³³.

²⁹ В светлую Пасхальную неделю мальчишки соревновались, кто сколько раз на колокольню поднимется и в колокола позвонит. Пасху праздновали три дня на одном берегу реки Мудьюги (притока Онеги) и три — на другом.

³⁰ Переход через реку.

³¹ Бегать рабкой — играть в догонялки.

³² Отводили воду, строили запруду.

³³ За глиной.

19 Апреля

Учили читать, писать и складь. И играли чиркой спешкой, ссанькой. И ходили копать корешков спешкой, сортюгой³⁴, ссерегой.

20 Апреля

Сегодня учили читать, писать и складь. Я облаживалъ книжки и писалъ письмо.

21 Апреля

Учили читать, писать, арифметику и дрались светей, и играли чиркой сванькой, спешкой, ссанькой, светей.

22 Апреля

Учили читать, писать и Арифметику.

23 Апреля

Ходили вцерковь и приводили кокресту. Былъ Молебень. И копали корешки солей, светей. И ходили имать бревен впагну³⁵.

24 Апреля

Делали переходъ, и играли косою огородой, и бросали щопье. Ходили с стетой светей влесь за прутьемъ вхемерово³⁶, и спровожали павла пилича на войну.

25 Апреля

Ходили вучилищо. Учили читать, писать и арифметику и ходили вберезово спешкой смотреть плотовъ³⁷.

³⁴ Ортюга — троюродный брат Яши — Артемий Яковлевич Варламов. Погиб во время Великой Отечественной войны.

³⁵ Павна — старое русло реки, заливаемое водой во время весеннего разлива.

³⁶ Хемерово — название леса в полутора километрах от Верховья. Местные крестьяне верили, что в этом лесу живет Хемеровский — леший, из-за которого легко можно заблудиться в лесу.

³⁷ Смотреть, как сплавляют лес.

26 Апреля

Учили читать, писать и арифметику. Батюшко велель выучить все уроки.

27 Апреля

Учили читать, писать и арифметику и галились гнилой ссерегой, светей. Мне Серега папаль три раза, а мы светей — пять.

28 Апреля

Учили читать, писать и арифметику и ходили Вберезово спешкой, ссанькой. С мамой ходили ставить креста.

30 Апреля

Учили читать, писать и арифметику. Сегодня я никуда не ходиль.

1 Мая

Галились сванькой, спешкой, светей, згринькой и хоронили пивяку.

2 Мая

Учили читать, писать и арифметику и поехали поить коня. Онъ побрель. Фетя соскочиль. Мама забрела имения сняла. Карька³⁸ розпрегла, и вытащили телегу, и Ъздили здедушкомъ.

3 Мая

Учили читать, писать и арифметику. Мама пахала новокопку³⁹.

³⁸ Карька — кличка коня.

³⁹ Новое поле, очищенное от мелколеся. За новокопки налог не платили. В общественный фонд эта земля не входила.

4 Мая

Голубались сфетей, спешкой, ссанькой. Я оголублился⁴⁰ и повалил. И ходил вберезово.

5 Мая

Учили читать, писать, и насъ распустили. Бабушка ходила пасти коровь. Мама Ъздила наберезово сеять.

6 Мая

Играли рюхами сванькой, состепкой, солешой, сфетей, сколькой.

7 Мая

Голубались уборисовыхъ спѣшкой, ссанькой и галились сванькой, состепкой.

8 Мая

Ходили вцерковь и ходили копать корешковь.

9 Мая

Ъздил к празднику. Наулицу некуда неходилъ.

10 Мая

Играли рюхами и ходили вхемерово сортюгой, солешой, состепкой, сфетей и нашли робенка⁴¹.

[Позднее дописано: Все робята ходили Босикомъ поснегу... Дѣдушку за работу обчесвенаго моста дали 75 коп.]

⁴⁰ Укачался до головокружения.

⁴¹ Нашли мертвого младенца, оставленного зимой в снегу.

Прядение шерсти.

Фото Н. Блохина 1980-х гг.

11 Мая

Пасли збабушкой коровь.

12 Мая

Шоль снегъ, и играли басками, и галились сфетей тюкачами, и я уего взять палку.

13 Мая

Галились вдвери снегомъ и сфетей пилили рюхи, и мама мыла поль, и голубались спешкой, ссанькой.

14 Мая

Видяли жарава⁴² и ходили вберезово, и ездили наплотки сванькой.

15 Мая

Видяли два жарава и семь утокъ, сову и убивали дроздовъ сванькой, сфетей и вберезови играли ухоранкомъ.

16 Мая

Пилили здедушкомъ рюхи, и дрова, и собирали щопу, и играли спешкой рюхами.

17 Мая

Мама ъздила сеять. Дедушко ходиль вправление. Я некуда неходиль.

18 Мая

Играли рюхами сванькой, солешой, спешкой, ссанькой.

⁴² Журавля.

19 Мая

Ходили вчерковь. Выдавали лиски⁴³. И играли ухоранкомъ сфетей, спешкой.

20 Мая

Ездили смамой сеять, и уминя былъ огонь, и играли ухарловыхъ рюхами.

21 Мая

Мне дедушко зделал ходила⁴⁴, и робята доставали галочьих чипашовъ⁴⁵ и ходили находилахъ.

22 Мая

Ходили вчерковь. Ходиль находилахъ. И ходили вберезово сванькой, сфетей.

23 Мая

Играли рюхами и ходили запрутъемъ сванькой драть дубу⁴⁶. [Позже записано: Мама везла учительницу. Она дала 40 коп.].

24 Мая

Ходиль кпешки. Былъ пожар. Лазали кваньки нахоромы.

25 Мая

Ездили смамой пахать. Гремель громъ и шоль градъ крупной.

[Позднее записано: Нашалощки⁴⁷ копали ново поле].

⁴³ Листки — табель с годовыми оценками.

⁴⁴ Ходули.

⁴⁵ Птенцов.

⁴⁶ Драть дубу — снимать кору с ивы. Кора использовалась для выделки (дубления) кож.

⁴⁷ Название местности.

Ходили на большой песок⁴⁸. Видяли уточьих чипашовъ со-
степкой, сфетей, спешкой.

26 Мая

Ходили драть дубу сфетей, спешкой, ссанькой и ходили на-
большой песокъ.

27 Мая

Драли дубъ спешкой, ссанькой. Сережа порато⁴⁹ незамог⁵⁰.
Его носили вбайну⁵¹. А мы намылись укапитоновыхъ збабушкой
смамой.

28 Мая

Играли уфети рюхами и ходили клисниковымъ.

29 Мая

Ходили вберезово. Играли рюхами сортюгой, сванькой, соле-
шой, состепкой, сколькой.

30 Мая

Ходили вберезово, и ходили везово, и дрались спешкой,
сванькой, съегоркомъ, сондрейкомъ. А понамъ фетя, ванька пудовъ
ходилъ. Допервого часу таскали березки⁵².

31 Мая

Играли рюхами сванькой, солешой, сколькой, сортюгой и хо-
дили вност⁵³.

⁴⁸ Название местности.

⁴⁹ Сильно.

⁵⁰ Заболел.

⁵¹ В баню.

⁵² В Троицу молодые березки украшали цветными лоскутками. Срубленные в мел-
колесье деревья крепили к изгороди, обвязывали цветным лоскутками.

⁵³ Ходили по снежному насту, который можно было найти в лесных ложбинах.

1 Июня

Играли рюхами. Ребята удять, а у меня неть уды. Бабушка мне соскала леску⁵⁴.

2 Июня

Ходили удить набольшой песокъ и играли рюхами. И ходили набольшой песокъ спешкой мыть бахилы. У меня мама...

3 Июня

Ходили набольшой песокъ копать гнездовъ сфетей, спешкой ссанькой. И ходили загнилой.

4 Июня

Ходили замолодянками спешкой, и играли рюхами сванькой, солешой, состепкой.

5 Июня

Ходили вцерковь, и голубались уваньки уалексеева, и играли ухоранкомъ.

6 Июня

Мама уехала ссережой вархангельскъ кфершалу. Ходили забатагами.

7 Июня

Сегодня ломали укольки уварламова избу и делаль я себе трос⁵⁵. Ходили завонявками⁵⁶ состепкой, спешкой.

8 Июня

Ходили замолоденьками сфетей, степкой, спешкой.

⁵⁴ Скрутила леску из ниток или из волос лошадиного хвоста.

⁵⁵ Трость.

⁵⁶ Вонявки — молодая трава.

9 Июня

И играли ухоранкомъ сфетей, спешкой.

10 Июня

Ходили набольшой песок и играли палочкой.

11 Июня

Дрались сфетей. Я некуда неходиль.

12 Июня

Ходили завонявками, и ходиль влавку закрючками. Копали гнезда⁵⁷.

13 Июня

Ходили смотреть гнездовъ. Ходили завонявками сфетей, состепкой. И играли уфети насараи ухоранкомъ. Я у нихъ упаль подлифвенцу⁵⁸.

14 Июня

Ходиль кстепки и ходили завонявками кмельницы сфетей, состепкой. Видели ласточек и ходили кфети.

15 Июня

Ходиль влавку закрючками. Мне непродали. И ходили Везово завонявками збабушкой, спашей, фетей, и ходили находилахъ.

16 Июня

Ходили набольшой песокъ играть палочкой сфетей, сванькой кгнездамъ. Вылетали ласточки. И рвали пучки. Ходили находилахъ сванькой, сфетей.

⁵⁷ Разоряли гнезда ласточек.

⁵⁸ Под лестницу.

17 Июня

Ездили збабушкой к празнику наотвальню⁵⁹. Дедушко мне зделалъ ходила. Спешкой, ссанькой ... зареку запрутьемъ и ходили находилахъ.

18 Июня

Ходили набольшой песокъ. Играли палочкой и купались на харловомъ берегу. И ходили удить сфетей, состепкой.

19 Июня

Ходили кцерквы. Ходили запучками збабушкой, стетой смарьей, сфетей. И ходили удить. И купались сванькой, сфетей. И ходили находилахъ.

21 Июня

Ходили набольшой песокъ. Играли палочкой и купались на харловомъ берегу, и был огонь.

[Далее следует попытка каллиграфически написать: «Ученикъ второго класса 1915 года Яковъ Ивановичъ Пронинъ»].

22 Июня

Ходили купались набольшой песокъ сванькой, сфетей. На харловомъ берегу былъ огонь. Я обожокъ ногу.

23 Июня

Сегодня некуда неходилъ. Вечеромъ ходилъ заборщомъ⁶⁰ ссерегой, сванькой. Пришолъ в первом часу ночи.

⁵⁹ Отвальню — отвальный обед отправляющихся на летний рыбный промысел.

⁶⁰ В ночь накануне Иванова дня собирали травы: борщовку, клевер, лекарственные растения. В совокупности травы назывались «борщ». Ивановский борщ подкладывали новотельным коровам. Борщ заваривали водой и омывали вымя. Только после этого выдоенное молоко можно было пить. В бутылочки собирали «ивановскую росу». Чтобы стать красивее, девушки умывались ивановской росой.

24 Июня

Уъхала бабушка. Мы ей спровожали спешкой, ссанькой.

25 Июня

Ходили набольшой песокъ купаться. Ходили взареку запучками сванькой, сфетей.

26 Июня

Ходили вцерковь. И приехали гости тетушка Марфа и матушка Анна⁶¹. И купались сфетей, и ходили налугъ. Ходили на гумно.

27 Июня

Галились на казенной пожни⁶² и боролись сванькой, смишкой, сваськой, и купались вомуту, и ходили вхемерово задидюльками⁶³.

28 Июня

Ходили задидюльками сванькой, спешкой, состепкой, сортюгой и играли. Набольшой песокъ играли палочкой.

29 Июня

Приехала мама. Мне привезла чернилъ и дала гостинець. Я кзаутрини и кобедни неходиль. Сегодня я некуда неходиль. У меня нога больна.

30 Июня

Сегодне точили унась косы и играли унась ухоранкомъ сванькой, сфетей, состепкой. Больше некуда неходиль.

⁶¹ В Верховье был сборный праздник — Онуфриев день. Из окрестных деревень приходили родственники, чтобы посетить часовню святого.

⁶² Казенная пожня (луг) — место около церквей для народного гулянья.

⁶³ Дидюльки — растения, из которых изготавливали трубки для стрельбы горохом.

Сбор колосков. Фото Н. Блохина 1970-х гг.

1 Июля

Ездили нашалошку пахать смамой и здедукомъ. Мама пахала большо поле. Мне — грядку. Мы здедушкомъ ломали веники.

Далее дневник прерывается. Часть тетрадей утрачена.

22 Октября 1916 года

Шла погода⁶⁴. К церкви я неходилъ. Мама меня непустила.

23 Октября

Ходил в церковь, и служили молебень. Въ Харловомъ училище показывали картины⁶⁵, а я небылъ. Я наулицу неходилъ.

⁶⁴ Дождливая и ветреная погода.

⁶⁵ Живые картины.

24 Октября

Учили читать, писать и арифметику. Быль батюшко у меня.
Неспрашиваль.

25 Октября

Учили читать, писать, арифметику, и был батюшко. Я роска-
зываль Жертвоприношение Исаака. Дедушко Ъздил за сеномъ.
Мама мыла Поль. Ледъ несло.

Нищий

Знаваль я нищаго. Какъ тень
Съ утра, бывало, целый день
Старикъ под окнами Бродиль
И подаяние Просиль.
Но все, Что въ день насобираль,
Бывало, къ ночи раздаваль⁶⁶.

26 Октября

Учили читать, писать и арифметику. И учительница велела
учить Стихотворение. И мама ходила влавку. Заперта Лавка.

27 Октября 1916 года

Учили читать, писать, арифметику. И был Батюшко и дьячекъ.
Мама Ъздила засеномъ и купила 3 тет., 1 карандашъ и грифель⁶⁷.

28 Октября 1916 года

Учили читать, писать и арифметику.

29 Октября 1916 года

Учили читать, писать и арифметику.

⁶⁶ Стихотворение предназначалось для запоминания наизусть.

⁶⁷ В школе писали на грифельных досках.

30 Октября

Ходилъ въ церковь. Ходили зъ дедушкомъ въ амбар, и ходили съ мамой и сольгой накладбишо. Несли вѣнки. Ходилъ къ васьки. Ходили пьяны мужики. Напились ханьжи⁶⁸. И играли въ везовом ухоранкомъ съ саркой⁶⁹, съ пешкой, съ Санькой. Въ Харловомъ училище показывали картины про петра великаго. Меня мама звала домой, а других наталья выгонила.

31 Октября

Учили читать, Писать, арифметику, и былъ батюшко. Я урока розказать немогъ. Наулицу неходилъ сегодня. Холодно. Земля мерзоть. Намъ въ училище дали Часословы: поимъ петь.

1 Ноября 1916 года

Учили читать и арифметику. Былъ батюшко. У меня урока неспрашивалъ. Былъ дьячек. Мы пели. Катались напавны⁷⁰ съ фетей Съ капитовыль⁷¹, Съ Санькой Зъ борисовымъ, Состепкой зъ барабановымъ. Сидели Вечеринку. Вертели съметану троима.

2 Ноября 1916 года

Учили Читать, писать, арифметику. Я батюшку урокъ розказалъ. Мне мама шьетъ мешокъ.

3 Ноября

Учили читать, писать, арифметику, и былъ батюшко. У меня спрашивалъ. Я розказалъ призвание Моисея къ освобождению еврѣевъ.

⁶⁸ Водки.

⁶⁹ Сарка — Артемий (Ортюга).

⁷⁰ Катались на плоту по маленькому озеру возле реки, образованному старым руслом.

⁷¹ Вероятно, ошибка. Следует читать — «съ Капитоновымъ».

4 Ноября 1916 года

Учили читать, писать, арифметику, и быть батюшко. Я рассказать немогъ — мазило!

5 Ноября

Учили читать, писать, арифметику, и быть батюшко. Я рассказывалъ. Пасха еврейская я рассказалъ. На улицу неходилъ.

6 Ноября 1916 года

Ходилъ в церковь, и катались напавны сробятами и настароречи. Сегодня пришло поздно.

7 Ноября

Учили читать, писать, арифметику. Давали марьи проиной коня.

8 Ноября 1916 года

Ходилъ в училище начась. Мама меня ходила отъ прашивать къ празднику налембево⁷². Учительница отъ пустила. Ездили кпразднику⁷³.

9 Ноября 1916 года

Учили читать, писать, арифметику, а батюшко небыль.

10 Ноября 1916 года

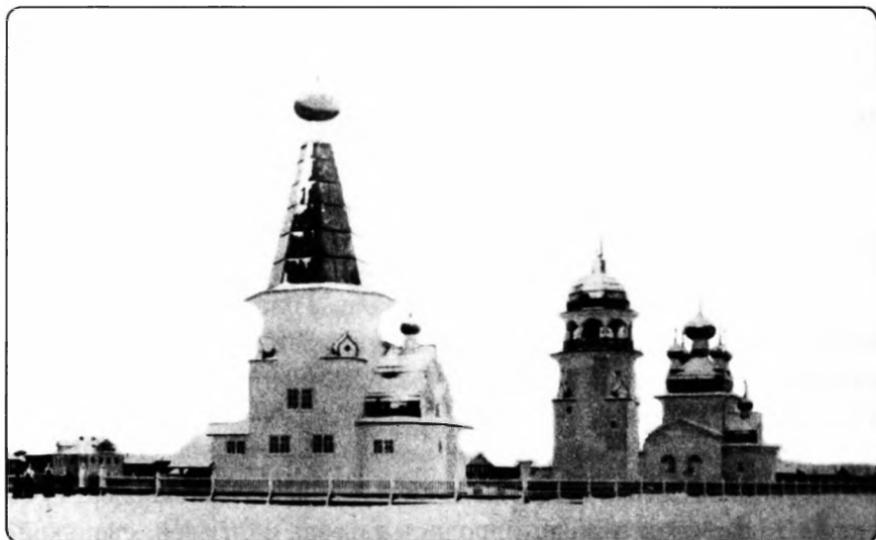
Учили читать, писать, арифметику, а батюшко быль. А меня неспрашивалъ. Ходил въ харлово училище Менять книгъ⁷⁴. Дѣдушко ъздилъ за долгу пожню рубить дровь. Сегодня ортюга Окупался на большомъ песку и Налгъ⁷⁵. Пришло отъ таты. Пришло письмо. Сегодня я наулицу не ходилъ.

⁷² Деревня Лембево.

⁷³ Праздник назывался «Осенний Егорий» (Георгий). Праздник отмечали там, где была построена церковь или часовня, освященная именем святого.

⁷⁴ В Харлово была библиотека при народном училище.

⁷⁵ Заболел.

Храмы в Верховье: Входиерусалимская церковь (1751 г.), колокольня (1787 г.), Тихвинская церковь (1783 г.). Фото нач. XX в.

11 Ноября 1916 года

Учили читать, писать, арифметику, и былъ батюшко. Я роска-
заль Переход евръвъ через черное море. Сегодня я наулицу нехо-
диль, и мама здедушкомъ возили наземь. Вывезли девять возовъ,
и сегодня шла погода. И ходил къ фети, а больше наулицу нехо-
диль. А только шли из училища, дакъ недолго катался напавны.

12 Ноября 1916 года

Учили читать, писать, арифметику и былъ батюшко. Я роска-
заль. И сегодня шоль дожжикъ. Снѣгъ таять. Я наулицу никуда не-
ходиль, а только ходиль къ фети. Батюшко и Матушка мылись унасъ
въ байны⁷⁶.

13 Ноября 1916 года

Ходиль въ церковь, и ходиль къ фети и къ мясниковымъ.
И галились съ пешкой, съ сенькой, съ фетей, съ саркой и ходили въ

⁷⁶ В бане Прониных мылись священник и его супруга.

капусникъ, на павны поленькамъ⁷⁷. Сегодня снегъ сошоль, а ляги⁷⁸ не замерзли. Сегодня ходить грязно. И катались напавны Спешкой, съ фетей, съ ванькой, съ матюшой, Съ куськой.

Последующие записи в ноябре - декабре 1916 года отрывочны, сохранились фрагментами. Дневник становится тетрадью для упражнений.

... В доме бариновыхъ живеть котъ. Голова круглая, шупка мягкая, глазки горять, как огоньки, усы рѣдки и длины. Сегодня учили читать и писать цыфры... и были двои батюшки⁷⁹.

14 декабря

Учили читать, и Молитвы, и писать надски⁸⁰. Пала роса. Туча ушла. Полы Мыты. Миша. Боролись уезда сортюгой, сванькой, солешой, съ матюшой. Сегодня учили читать и писать буквы.

Сказка

Жиль-быль Журавль да Овца. Накосили Они Стожокъ Сенца. Несказать ли Сказочку Сконца?

Садикъ

Пахнетъ Въ воздухъ весной,
Зеленѣтъ Садикъ Мой,
И поеть въ тѣни вѣтвей
Соловейко-Соловей.
Осень. Осыпается
Весь нашъ бѣдный садъ.
Лисья пожелтели,
По ветру Летять.

⁷⁷ По бревнам.

⁷⁸ Лужи.

⁷⁹ Два священника.

⁸⁰ На классной доске.

Дневник Яши продолжен в «деловой» тетради семьи Прониных спустя несколько лет. В этой тетради зафиксированы записи «прихода и расхода», сделанные отцом, геометрические формулы и задачи, рисунки, «план нашего дома верхнего этажа», действия с дробями, сельскохозяйственные заметки и т.д.

1920, декабрь 31

В сегодняшний день у нас в 12 часов вечера был обыск по причине скрывшего И.И. Дьячкова. Пришли к нам ночью 40 солдат и объявили в нашем доме обыск. Обшарили все. Сходили в подвал, в чулан, в клеть, в верхний этаж, на сарай и в хлевы. Мы очень этого испугались. Когда они ушли, я очень обрадовался, что был обыск не по одежде, а о скрывшемся человеке И.И.Д.

1921, январь, 1

На другой день мы узнали, что обыск был не повальный, а только в 5-6 домах (потому что не знали, кто родные И.Д. и этим образом они пришли к нам).

В сегодняшний день в школе у нас был праздник по встрече нового года 1921 — по нов. ст. Занятий не было, а в школу все-таки приходили. Там было пение, игры, репетиции готовившимся на спектакль. И весело проводили этот день. Сегодня я окончил недельное дежурство в школе.

Днем ветра не было. Погода была ПАСМУРНАЯ.

Вечером мы катались с горы на салазках (под названием «большой песок»). И нам было весело, были все в снегу. Я уже пришел домой очень поздно и начал писать.

Этот день я провел от себя весело.

Января 3

Сегодня я в школу не ходил. На Березово за сеном с мамой. Оделся я тепло и сидел на дровнях, и глядел то в ту, то в другую сторону. И видел много разных звериных следов не в далеке от дороге. И Вот я заметил в далеке от меня сидят 2 птицы (косачи) на березе. Вот я приближался все ближе и ближе. Они не улетали.

Я кричал, взмахивал руками, но они все сидели, и я от ехал от них очень далеко. Тогда только их не стало тут. Вечером, когда ехал обратно, то видел р. Пекельницу и озеро Лазозеро.

7 февраля 1921

Сегодня я ездил на Кожину за сеном на 3 лошадах. Ездили мама, я, Степан Трофимович. Приехали туда, и я пошел в лес рубить на плетень батагов. Ушел я до лесу, увидел птичью нору. Стал ее разрывать. Увидел сначала 1 крыло и стал тащить. А там была цела тетера. Я обрадовался и по нес ее к возам.

Поехали домой. Я все на тетеру глядел и радовался.

Сочинение. Как мы имали зайца

В один летний жаркий день Мы с ребятами отправились в поле поиграть. Было нас 5ро: я, Миша, Ваня, Федя, Пеша. Нам было идти весело. Прыгали через канаву, толкали друг друга. Не в далеке от деревни мы разули сапоги и пустились бежать по дороге во всю прыть. Но вскоре не в далеке от нас мы увидели зайца и пустились бежать в погоню еще круче. Заяц был серый. И мы кричали: «Заюшко упал! Упал, упал, упал!» Он остановился — мы побежали заним. Заяц прыгнул в кусты и скрылся. Мы его искали, искали, но немогли найти и огорчились. Пошли домой. Когда мы шли, у нас на ногах была кровь. Это оттого, что мы бежали за ним по окомелкам травы, и это накололо нам ноги.

1923 г., Ноябрь, 15

*Как мы ходили на Кожину ловить налимов
(сочинение)*

Сейгод летом я все собирался идти ловить налимов. Я слышал, что в Кожины ловят много рыбы. И вот пришла осень, замерзли реки. Ребята в нашей реки Мудьюги начали ловить налимов, а мне хотелось идти на Кожину. Я просился у папы идти, но было много дела, и поэтому не как было уйти. Спустя неделю времени

я надумался идти в Воскресение хоть ночи на две (вторник был праздник) Введение во храм Пресвятой Девы Марии. Папа меня спустил. Я в субботу вечером пошел к степы Матвееву, стал звать его с собой. Он согласился идти завтра после молоченья. Прошла ночь. Утром я встал рано, все собрал в торбу и хотел идти один, но мне присоветовали дождать Степку. Я пошел к ним, но они еще не измолотили, и мне было ожидать скучно. В это время звонили кобедни. Я справился и пошел к степки. Он пришел с гумна и говорит: с нами еще идет Шурка Забалдин. И вот мы котомки привязали на чунки и отправились в путь. Хотели мы взять с собой барсика, но не могли найти. Нам дорогой идти было весело. Мы посменно тянули чунки и несли туис с карасами. Дошли мы до Хандас озера, поставили по 1ой самоловки, и было уже темно. Мы были в катанцах и проступывались по дороге. Катанцы подьмерзли.

Мы очень устали. Шли очень тихо. Пришли туда — было очень темно. Идти самоловок ставить было нельзя. Было очень темно, и мы нарубили дров, затопили избушку и грели чайник. Повалились спать.

Утром мы скорее пошли ставить самоловок, но в омут поставить было нельзя: набило туда до дна снежницы, и мы ставили кое-куда по быстрым местам. Я поставил 20 самоловок, и пошли к избушки. Нарубили дров и нащипали лучины. На другой день мы пошли смотреть самоловок. Мне попал только налим спол-аршина. Шурки — 3 нал. Степки — ничего. И выняли самоловки, согрели котелок, поели, пошли домой. Мы были у черной павны, а уж стемнилось и шол снег. И так сходили мы по пусту на Кожину.

Новый год

Январь, 1

Сегодня я ходил к утрени, а кобедни неходил — ездил засе-ном Задолгу пожнию. После обеда ходил наулицу, и выпросились на вечеринку на святки у Павлы Абрамовой. И ходил на беседу, и хо-

дили подеревни с балалайкой. А после ходил на вечеринку. И так новый год я провел весело.

Февраль, 25

Сегодня у нас папа уехал в город Онегу со своим на продажу сеном. Я надумался идти в Рименгу рубить колья. Днем выточили топор и наладил лыжи. К вечеру все было готово. Я пошел на улицу, а там было много ребят. Мы Ходили по деревни. Нас Степа Матфеев сосвал в гости, и играли в Карты. Я пришел домой в 10 часов вечера.

Февраль, 26

Утром рано я отправился на Навину. Меня догонял Кузя Леонтьев (он поехал на Рименгу за сеном). Я сел к нему на дровни. Он подвез Меня до того места, где я начал рубить колье. Сегодня я срубил 90 колов и пошел ночевать на гору. Там жили мужики Ф. Максимов и Ф. Голдобин. Я попросился ночевать - оне пустили. Я спал на нара.

Февраль, 29

Сегодня приехал папа с сеном, и я с ним вместе уехал. Дорогой мы выломали лапок на помело, ия вырубил 3 мутовки. В 4 дня я срубил четыреста колов. Мы приехали в 3 часа вечера. Я на улице неходил.

Марта 1

Горка у нас сейгод не была. Взамен горки катались на большом песку, а вечером иногда катались на дровнях. Тут-то уж было потехи! Кто упадет в снег лицом, кто останется на горы или же покатится всей ардой. Половина свалится с пол горы. Вечеринка была у Василист. Орюпиной. Надо платить 1 фунт муки за 1 вечер. Мы с ребятами: Степан Рогал., Алексей Рогалев, Степан Матфеев, Иван А. Амосов не платили и не ходили на вечеринку.

Я ходил к празднику на мудьюгу на пятницу и субботу.

2-е Марта 1924 г. Воскресение

Я пришел сегодня от праздника в 6 часов утра. На улице была страшная метель. Дорогу за несло снегом. Нам идти было очень трудно. Я скорее лег спать. Заснул я очень крепко, потому что не спал 2 ночи. Не слышал православного колокольного звону и В утрени и литургии не ходил. Встал — уже было 12 часов дня. К нам пришли ребята. Мы пошли К степы Матфееву и играли у них в Карты. Я был 8 раз в дураках, Степа — 7, Алеша — 8. Вечером ходил на спектакль. Пьеса спектакля: «Мы и они». — Воспоминание белых и красных. И была В нашем просветительском кружке составлена у наших Акт. ЖИВАЯ ГАЗЕТА. В ней читали при всей публики, что было в нашей деревни (например). Про приказчика Петра Выходцова, что он обвешал мальчика на 1/8 фунта масла и т.п.

На вечеринку я неходил. Вечером была метель.

Март 3, понедельник

Сегодня я встал утром, и сильно заболела голова. Лег в постель. Погода ясная.

Марта, 4, вторник

Сегодня болела у меня голова еще пуще. Ночью со мной был такой случай. Я пошел до ветру без огня. На сених я весь ослаб и упал на пол. Не могу идти. Папа Кряду услышал и вывел меня в избу. На мазали укус. Весь день лежал. Погода ясная.

Мар. 5, среда

Голова у меня стала меньше болеть. Я взял книгу и читал. И вычитал, что будет затмения солнца 30-го Августа. Папа уехал на обозерску за товаром от лавки. Вечером я клал метлу. Таял снег.

Март 6, четверг

Сегодне голова больше не болит. Я обделывал мутовки и починял себе Валенки.

...иными словами
может у вас возникнет вопрос
почему я пишу да поистине
что в нашей деревне и последние
Сибарид Остаповиче моете
меня они и председатели не
имеют что неадекватно
спросите много деревенского
школьника знает ли он как
думи народ в деревне его исто-
рию уверен ли один не знает
мою или в будущем другое
по этому и дошли до того
что не стали верить чест-
ному слову а верим только
букам заверки не читай
говорились до того что
одна утка голова и имеет
так что в газете для чело-
век живем описали наши
думи не знает что такое

Страница воспоминаний А.Я. Привалихина
Личный архив В.Н. Матонина

Алексей Яковлевич Привалихин

ПОСЛЕДНИЙ СТАРИК

Неужели это всё было?

В нашей деревне я — последний старик. Остальные — моложе меня. Они и представления не имеют, что пережили их отцы. Спросите любого деревенского школьника, знает ли он о том, как жил народ в деревне, его историю. Уверен — ни один не знает. Поэтому и дожили до того, что не стали верить честному слову, а верили только бумагам, заверенным печатью. Договорились до того, что одна «умная голова» пишет как-то в газете: для чего мы живем? Опустели наши души. Не знаем, что такое милосердие. Сейчас только заговорили о нем. «Раскрепостить крестьянство» — вот какие слова встречаются в печати. Что пишу, можете публиковать или выбросить мою писанину. Это Ваша воля, но я всегда докажу, где и когда происходили описываемые события. Хочу, чтобы не умерло пережитое старшим поколением. 60-летний пенсионер сегодня уже много не расскажет. В странное время мы живем. Смотрю по телевизору съезд Верховного Совета. Стыдно за наших руководителей. Как они спорят! Слышал, как сказала депутат женщина: «Если государству нечего дать народу, пусть даст ему свободу и землю. Государство будет обеспечено». Я полностью с нею согласен.

Сегодня я с тоской смотрю на свою деревню. Вспоминаю каждый дом, каждую семью. До колхозов жило в деревне 250 человек, сегодня — 20. Стояло 62 дома, сегодня — 23 дома. Постоянно живут в девяти домах. Остальные используются как дачи. В былые времена в деревне кипела жизнь. Люди были жизнерадостны и веселы. В деревне было полно ребятишек. Вечером пастух гнал с пастбища больше сотни коров. Брякали колокольцы на

Макарьинский погост: шатровый храм св. Климента, папы Римского (1695 г.), колокольня (1695 г.) и пятиглавая кубоватая Крестовоздвиженская церковь (1769 г.). Сгорел в 1985 г. Фото конца XIX в.

их шеях. Коровы мычали, когда шли по деревне. Каждый хозяин, если он хороший труженик, имел свою лошадь. Кони вольно паслись все лето в лесу без пастуха. Когда пугнет из леса медведь, табун долго носился по деревне. Лошади не сразу могли успокоиться. В тихие теплые вечера собирались девчата. Пели песни под гармонику. Шли по улице молодые парни, а мы, ребятишки, шли сзади, перенимая традицию старших. Сегодня — полная тишина. Замерла деревня. И думаешь: Господи, неужели это все было? Всю жизнь мы писали об одних наших достижениях и никогда не писали правду об истинной жизни. Во всяком случае, я нигде этого не читал. Опишут какой-нибудь небольшой отрезок деревенской жизни, и как хотелось бы возразить! — У нас все происходило не так. Мне 71 год. Судьба наградила меня памятью. Я с малых лет

помню прожитую жизнь. Хорошо помню, как организовывали колхозы, ликбезы, времена НЭПа, войну и послевоенное тяжелое время. Сегодня запросто могут сказать — сочинил ты всё, дед. А как хочется кому-то рассказать! Ведь прошла жизнь. Наше поколение скоро исчезнет. Некому будет рассказывать. Это как предисловие.

Крестьянские дети

Прошли годы. Закончена трудовая деятельность. Хватает времени на размышления, и почему-то вспоминается беззаботное детство. В каких бы условиях жизни оно ни происходило, всегда оставит теплые воспоминания в душе каждого человека. В летние теплые дни — в будни — матери наши надевали на голое тело нам, ребятишкам, портяные брюки, рубашки, сотканные их теплыми руками. Ватага ребятишек бежала к реке. На ходу мы срывали с себя брюки и рубашки и прыгали в реку, в чем мать родила, и, казалось нам, что чистая прозрачная вода реки Онеги ласкала наши тела. Река приготовила для детей мель и песчаный пляж. Старшие братья следили за младенцами, чтобы они далеко в воду не забродили. Дети воспитывались сами, между собою. После купанья начинались игры. Летом играли в лапту, в городки. Играли ухоранком по всей деревне. У многих были сделаны ходули, турники. У деревенских весов было полно гирь разного веса. Тренировались. Поднимали. Многие ходили на руках вверх ногами. Тех, кто не умел ходить, — учили. Ставили где-нибудь у стены, чтобы устойчиво стоял на руках. Зимой у каждого были коньки, лыжи, санки. Катались с крутых гор. Крестьянские дети росли смелыми, сильными, здоровыми и добрыми. Не нуждались во врачах, да и не было тогда никаких медпунктов.

Макарьевская церковь

В дошкольном возрасте я много слышал о Макарьевской церкви. Был приход восьми деревень. Мне хотелось посмотреть, что там происходит. Мать долго не решалась меня отпустить. Тогда детям было строго запрещено посещать церковь. Старушка гово-

рила: «Отпусти его. Скоро церкви закроют, и он никогда не увидит церковную службу».

Падала зимняя дорога. Мы, старый да малый, шли вечером в деревню Глотова. Эта деревня стояла напротив церкви, на противоположном берегу реки. Там заночевали. Утром заблаговестил колокол, созывая людей к обедне. Пока мы шли через реку, собралась полная церковь народу. Из-за прихожан мне ничего не было видно. Я тихонько двигался вперед вдоль стены. В одной руке держал шапку, в другой — свечку. Рассматривал потолок, стены. Подобной красоты нигде не видел. Смотрел на церковный хор из хорошо одетых мужчин и женщин. Они так стройно пели, что мне казалось, что я нахожусь в каком-то непонятном мире. Что заставляло всех низко кланяться? Кому или чему?

После обедни весь народ вышел на улицу. Впереди несли плащаницу, хоругви. Пели молитвы. Масса людей шла кругом церкви. Я плыл в людском море и, сняв шапку, рассматривал храмы и колокольню.

Закончилась служба. Был ясный солнечный день. Мы с богомольной старушкой потихоньку пошагали обратно. Первый раз в жизни я увидел что-то непонятное мне и шел, словно во сне. Права была старушка. Скоро церкви закрыли. Я больше никогда не бывал в них.

Прошло около тридцати лет. Мне довелось работать неподалеку от Макарыно. Вспомнилось детство, и появилось желание посетить церковь. В нее сыпали для просушки картошку. Я шел и смотрел на этот величавый шатровый храм, над которым на большой высоте возвышался когда-то крест. Вспомнилась услышанная легенда. Закончив работу, мастер залез и встал на верхнюю перекладину креста. Перекрестился, поворачиваясь на все четыре стороны и отдавая низкие поклоны. Подходя к церкви, и я снял шапку. Поднялся на крыльцо. На ржавых навесах скрипела приоткрытая дверь. Дул небольшой ветер. Я шагнул через порог. Дальше идти было некуда. По всему полу лежал слой догнивающей картошки. Смотрел на потолок, на стены. Везде все было обобра-

Макарьинский погост. Фото 1980-х гг.

но. Смотрел на эту пустоту и думал: «Сейчас произойдет какое-то чудо». В одиночестве, в этой безмолвной тишине мне стало жутко. Вышел на крыльцо. Хотелось кричать. Дедушки, отцы, бабушки и матери затратили великий труд, создавая красоту. Передали ее нам по наследству, чтобы возносили славу нашим талантливым зодчим и умножали прекрасное. Все мы виноваты перед нашими предками, и нет нам прощения. Из-за детской шалости сгорел этот ансамбль: зимняя и летняя церкви и колокольня.

Личное

В 1920-е годы в деревне подавляющее большинство крестьян были неграмотными или малограмотными. Организовали школу. Брали в нее с 9-ти лет. В деревенской среде воспитывались самостоятельно. Наши родители презирали ложь, зло и жадность. Одевали детей просто, но опрятно. На одежду расходовали самые

дешевые материалы. Сбоку — портяная сумка, сшитая матерью. Такими мы переступили порог школы и пошли в первый класс. Наша молодая учительница открывала перед нашими глазами неизвестный мир. Она учила нас отличать добро от зла. Мы любили свою учительницу. Когда она шла по деревне со стопкой тетрадей, почтенные старики, приподнимая шапки, здоровались с ней. Уважала ее вся деревня. Она учила два класса — первый и третий, второй и четвертый. После выпуска снова набирала первый класс. По всей стране организовывались ликбезы. Однажды после занятий она оставила третий класс и пояснила, что в стране происходит ликвидация безграмотности, и мы можем научить неграмотных женщин написать три буквы — ФИО, чтобы они, когда понадобится, могли поставить свою подпись. Дала нам по тетради, букварю и каждому распределила учеников.

Оставив дома сумку, забрав букварь, тетрадь и карандаш, я, постучав в дверь, зашел к своей ученице. Подошел к столу и положил на него букварь. Мне было видно в проеме заборки, как она из печи на шесток вытаскивала большой чугунок. Посмотрела на меня, спрашивает:

— Из школы идешь аль мать зачем послала? Да ты садись. Вот видишь, — малец, а читать и писать умеешь.

— И считать.

— А я вот ни одной буквы не помню.

Я знал эту строптивую женщину, но не понимал, когда она шутит, а когда говорит всерьез. Поэтому встал у стола и начал объяснять ей, что скоро всех научат читать и писать.

— Хорошо бы так-то.

— Я и пришел тебя учить.

— Ты меня пришел учить?

Она завертела в руках ухват. Схватив тетрадь и букварь со стола, я, на всякий случай, отскочил поближе к двери.

— А знаешь ли ты, учитель, что мне тридцать лет. Я умею пахать землю, сеять хлеб, жать, молотить, смолоть, испечь хлеб, ухаживать за скотиной. Знаю время, когда посадить огород. А ты

пришел меня учить. Вот я тебя, учителя, потрясу на этом ухвате, а потом будешь меня учить.

Последние слова я слышал за дверью.

Учительница велела принести тетради на проверку. На тетрадях были написаны фамилии учениц. Ребята и я положили буквари на учительский стол. Она задала урок и села проверять наши тетради. Я наблюдал и видел, что одну тетрадь она быстро отложила. Догадался — моя. На перемене учительница сказала: «Леша, останься ненадолго».

Я сидел за партой. Она присела рядом.

— Ну, рассказывай, как учил?

Потупив голову, рассказал правду. Окончив рассказ, взглянул на свою учительницу. Она молча улыбалась. Погладив меня по голове, проговорила:

— Много в жизни непонятного, Леша. Вырастешь — узнаешь. Беги, играй!

Знаешь ли ты, моя добрая учительница, Карелина Мария Николаевна, что сегодня мне восьмой десяток лет. Я окончил у тебя сельскую школу — четыре класса и больше никогда не сидел за партой. Ты оставила добрые воспоминанья в душах своих учеников. Когда тебя привозили с каникул, мы всей школой встречали тебя за километр от деревни. Ты радовалась этой встрече. Сажала нас по очереди в сани. Ребята, которых ты учила, стали врачами, инженерами. Один — генералом. Много лет ты учила в нашей деревне. В последний год своей работы вызвала из города фотографа, села среди нас и сфотографировалась. Ты знала, что преподавать у нас в деревне тебе больше не дают, и не виновата ты была, что родилась поповской дочкой. Окончив школу, я своей учительницы больше не видел. Ты посеяла добрые зерна в душах своих учеников. За них тебе не пришлось бы краснеть. Они честно сражались в войну, защищая Отечество, активно участвовали в восстановлении народного хозяйства. После войны многие ребята не вернулись с фронтовых дорог. Низкий тебе поклон, наша первая учительница в Чижиковской школе.

Ну, а мы сегодня стали дряхлыми стариками. Доживаем свой век и вместе с нами доживает свой век наша родная деревня.

Когда-то мы шли из школы, держа лямку от сумки на плече. Брали в руки сумку и, представляя гармонь, выделявали на языке разные детские мелодии, подражая взрослым музыкантам. Сегодня все это ушло в небытие. Нелегкая деревенская жизнь заставляла моих односельчан всегда приходиться друг другу на помощь. Эти люди всегда были приветливы и добры. Встречаясь на улице, женщина низко кланялась мужчине. Мужчины, приподнимая шапку, произносили приветствия. Заходя в дом сосед к соседу, перешагнув через порог, гость крестился, стоя у порога, произносил: «Мир и покой дому сему!» Хозяин отвечал: «Милости просим!» Потом начинали беседу. Если один человек работал, а другой проходил мимо, проходящий говорил: «Бог помощь!» Работающий отвечал: «Спасибо!»

Работа в колхозе

С четырнадцати лет мы работали в колхозе на равных с взрослыми. С полей во время жатвы носили к пряслам ячмень, горох, овес. Развешивали для просушки снопы. Во время молотбы погоняли лошадей, запряженных в четырехконную молотилку. Председатель колхоза в сенокос попросила меня сесть на сенокосилку. Мужики разбежались. Косить было некому. Она научила меня запрягать лошадей, включать и выключать машину. Большого и она не знала. Смирные сильные лошади и на совесть изготовленная машина прокосили без поломок все лето. Объедешь, бывало, большой круг. Привычные лошади спокойно идут в нескошенную траву. Я любовался природой, раздольем сенокосных площадей, которые шли от деревни по правому и левому берегам на расстоянии шести километров. Сегодня они заросли кустарником. Кончался сенокос — начиналась жатва. К раме той же косилки был подделан лист жести. Установлено второе сиденье из половины большого таза, установленного на особом устройстве. Женщина брала в руки грабли, садилась на машину и начинала жать. Когда накашивала

На пашне. Поонежье. Фото 1950-х гг. Архив А. Фомина (Онега)

сноп, прижимала колосья к земле, и сноп съезжал с жести. Потом набирала следующий. В колхозе не хватало людей. С города на жатву было прислано двенадцать женщин. Они еле управлялись вязать снопы за машиной. Без выходных отработали сенокос, без выходных — жатву. Со мной на машине работала колхозница. Наедине она мне говорила: «Скажи председателю, что сломалась машина. Закончим пораньше. Хоть бы за грибами сходить». Мне было жалко трудолюбивых женщин, и мы заканчивали работу пораньше. С обеда у них были взяты с собой корзины под грибы.

В Чижиково стояли ферма, полная конюшня лошадей. Рос хорошо хлеб на полях. Первые отъезжающие в город люди вынуждены были покинуть деревню со слезами. Вторые бросали дома без слез. Третьим не стали давать из колхоза справки. Они уезжали под предлогом учебы. Работников в колхозе становилось меньше и меньше. В городе люди жили намного лучше. Приезжая в отпуск,

они говорили дояркам: «Бросайте бродить в навозе. Устраивайтесь в город. Там отработаешь восемь часов — и не знай наших!» Сегодня нет фермы. Нет доярок и, главное, — нет продукции, которую мог бы получить город. Заросла и пахотная земля.

Мастера

Каждая деревня жила своей жизнью. Были, например, «карельчане артельщики». Они обслуживали карельскую запань у острова Яловец. Сопровождали лес. Сплавливали до порога. Нас называли «чижиковы корабельщики». Лучше чижиковских лодочных мастеров нигде не было по району. В Чижиково приезжали со всех деревень для покупки лодок. Каменчане — церковные мастера. Они строили храмы, отличные мосты через большие ручьи. Все три деревни занимались разными ремеслами. Родители приучали детей к труду. Слово, сказанное отцом или матерью, считалось для детей законом. Родители старались передать все навыки, нажитые трудом. Мать — дочери, отец — сыну. Самое главное — старались приучить вести сельское хозяйство. Пахать, косить, растить хлеб, ухаживать за скотиной. В деревне не любили и презирали лентяев.

Когда заканчивались сельскохозяйственные работы, люди занимались разным ремеслом. В деревне были три отличных столяра. Делали столы, комоды, шкафы, кровати, стулья — всю мебель, которая необходима сельскому жителю. У них были токарные станки по дереву. На них вытачивались детали разной конфигурации. Станок приводился в движение ногой. Был один человек, который делал расписные выездные сани, расписывал их цветами. Они у него не задерживались. Была у него мастерская. Раскулачили. Простые крестьянские дровни редко кто не изготовлял.

Жил один кузнец. Он же — жестянщик. Ковал лошадей и делал все необходимое, в чем нуждались крестьяне в быту. Делал морилки для углей, самоварные трубы, ведра и многое другое. Были два печника, которые славились по деревне. Они клали любые печи, какие пожелает заказчик. Нельзя было подsunуть халтуру. Плохо лошадь подкуешь или печь сложишь, плохо сани сделаешь

В горнице. Поонежье. Музей с. Верховье. Фото 1998 г.

или шкаф — и пойдет такая слава про мастера, что ему не будет заказов от населения. Каждый мастер хотел показать высший класс своего труда. Они работали только по заказам.

Был небольшой кожевенный заводик. Мастеру сдавали лошадиные, коровьи и телячьи шкуры. Он заготавливал ивовое корье. Сушил, а потом дробил его мелко. Изготавливал раствор, в котором дубились кожи. Секрет изготовления кож он один знал. После выделки из кож этих шили сапоги, из телячьих кож — выходные ботинки. Были хорошие сапожники. Когда заказывали им шить сапоги, они мерили ногу и шили точно по ноге, подбирая колодки, которые сами изготавливали. Были в деревне две портнихи. Они мужчинам шили костюмы, а женщинам — платья. Шить сапоги,

свалять валенки старались из своего материала, берегли каждую копейку, потому что деньги доставались великим трудом.

В детстве, во времена НЭПа, я нашел копейку. Побежал в магазин. На копейку давали две конфеты с наклейкой. На обертке нарисованы Миша и Маша. В те времена деньги были в высокой цене. Сегодня они потеряли свою цену. В Чижикове открылся магазин с вывеской «Чижиковское общество потребителей». В этом магазине было всё: любая мука, всяких сортов сушка — простая и сахарная. Детей интересовали конфеты, пряники, печенье. Мешками стояли кедровые орехи, отборные семечки, китайские рожки, крупы. Разве думали тогда о сахаре? Бери хоть пудами. Не было в магазине только колбасы, мяса, масла, да их бы и брать никто не стал.

„Чижиковы корабельщики“

Свято жила деревня, свято жил и город. Люди верили в будущее. Хорошо начинали и колхозную жизнь. Купили две сенокосилки, конные грабли, четырехконную молотилку, сортировки, веялки, конную сеялку, соломорезки. Это первая колхозная техника. Были построены новый скотный двор, конюшня, сушилка для упряжи. Был полный порядок. Развал колхозов начался после. Все беды — от бездарных руководителей.

Большинство деревенских плотников занимались шитьем лодок. Шили весной (до посевной), шили осенью (после уборки урожая). Заготавливали еловое днище — вытесывали топором из елового ствола. Подбирали ель нужных размеров. Рубили и изготавливали днище. Покапывали корни елей — корокы. Их устанавливали в носу лодки и в корме. Выпиливали замок. Крепили корокру к днищу. Прочно забивали клин в замок. Сверлили буравом отверстие диаметром дюйм с четвертью. Забивали нагель, и корокру прочно стояли. Вынимали из днища четверть кромки. Каждый мастер делал точный угол загиба. Иначе не подгонишь набоя — ломаешь дорогую доску. Пильщиков досок в деревне было два человека. Они по заказу пилили продольной пилой доски на лодки и на кры-

Смоление лодки. Фото Н. Блохина 1950-х гг.

ши, на полы и потолки. Обтесывая доску, строгали вдвоем ручной стружкой (рубанком). Одному строгать было тяжело. Доски подгоняли к днищу. Были специальные деревянные зажимы — два бруска, связанные вместе березовым прутом. Один конец надевали на днище с доской, в другой — забивали клин, и прочно сжимали доску с днищем. Предварительно между доской и днищем клали мох. Для того, чтобы сшить лодку, заготавливали можжевелевый тонкий прут. У нас его называли фересой. Его мяли, крутили. Клали в деревянное ведро, заливали кипятком и парили. Когда прут был готов к употреблению, из прямой сосны кололи тонкие брусочки и делали круглые деревянные гвоздики диаметром 0,6 миллиметра, а длиной — 5 сантиметров. Сверлом такого же диаметра сверлили отверстия между досками, продевали прут между дырками. Делали небольшую рейку, чтобы утопить прут заподлицо с доской. Делали шов. Гвоздь срезали клином и прут зажимали, забивая в отверстие два гвоздя друг другу навстречу — с той и с другой стороны. Прут оставался зажатым в середине. Шили в основном

«тройки»: три набоя с правой и с левой сторон, по три доски. По заказу шили «четверки». Длина, примерно, шесть с половиной метров. Лодки были легкими на плаву и хорошо управляемыми. Пришитые с левой и с правой стороны доски считались одним набоем. Когда набои пришиты, для прочности устанавливали на носу и на корме кокоры, между ними — клепины. Еловые креньки специально распаривали в пекарке печи и подгибали внутри лодки. Концы клепин подгоняли под борта. Борты делались из брусков. Все это пришивалось на фересовый прут. Заканчивая шитье, делали пальцы. Вытесывали три весла: два гребных и кормовое. Конопатили швы, добавляя мох. Делали деревянную лопатку и деревянный молоток. Прочно сшитая и хорошо проконопаченная лодка спускалась на воду и ни капли не текла. После ее смолили, позднее снова и снова смолили ежегодно. Лодка, сшитая без единого железного гвоздя, служила долгие годы. Позднее стали шить лодки коваными гвоздями. Такие лодки стоили наполовину дешевле.

В 1929–1930-е годы в Чижикове была создана лодочная артель. Объединились 25 лучших специалистов. Артель шила лодки для онежской сплавконторы. Делали также лодки большой грузоподъемности. Они сбоку таскали пароход, перевозили грузы. Дружная артель работала и по частным заказам. Развалилась артель внезапно. В начале организации колхозов приехал уполномоченный. Сегодня не хочу вспоминать фамилию. Его в то время все проклинали. Собрали собрание. Уполномоченный района и один деревенский активист сидели рядом за столом. Из лодочной артели что-то стали возражать уполномоченному. Он взял «на карандаш» трех мастеров, стучал кулаком по столу: «У вас не лодочная артель, а кулацкое гнездо!» Ночью трое были арестованы и увезены, не знаю куда. Потом узнали — на строительство Беломорканала. Двоих сразу же раскулачили. Да какие они кулаки?! Замечательные труженики побежали в город. На заводе знали цену таким людям. Дали небольшие квартиры. Их семьи со слезами уезжали из родной деревни. Власть решила: раз уехали — убрать их дома с колхозной территории. Я помню, как трещала обшивка отличных

домов, сломанных на дрова для кочегарки парохода. Так в начале 1930-х годов начался развал деревни. Народ бежал, а председатель колхоза говорил: «Хватит людей! Поветерь¹ в зад!» Он глубоко ошибался. Скоро и сам убежал, покинув родной дом. Не стоит вспоминать его фамилию. Именно эти два человека — уполномоченный и первый председатель колхоза начали развал деревни.

Пожар

Летом в сухую погоду, в сильный ветер загорелся большой крестьянский дом. Он стоял посреди деревни. Возгорание произошло внутри. В окна выбивалось пламя. Мотопомпы на месте не было. Люди растерялись. Боялись, что сгорит вся деревня. Одна женщина на виду у всех взяла икону Пресвятой Богородицы, обошла кругом дома и пожар начал затухать. После догасили. Народ дивился увиденному факту. О таких случаях не пишут в газетах. Узнают друг от друга.

Прелый лёд

И еще история. В одной лесной деревне (сегодня оттуда выселены люди) всё заросло кустарником. Дома сгнили. Но когда-то там кипела жизнь. Женщина поехала за сеном. Ехать надо было километров восемнадцать. Мороз стоял около двадцати градусов. Когда она доехала до места, надо было переправиться через небольшую реку. Она знала, что лед прелый. Взяла палку и пошла на середину реки его проверить. Лыдина не выдержала и обсе-ла в воду. Женщина плавает. Выбила большую майну², а на лед выбраться не может. Силы теряет. Говорит про себя: «Господи, неужели мне здесь смерть пришла!? Дети ведь у меня малые — пятеро». Рассказывает: «Как кто-то вытолкнул меня из проруби. Я бегом на дровни — и домой. Гонила лошадь, сколько могла. Захожу домой. Вся обмерзла. Рассказываю, как было дело. Не верят».

¹ Попутный ветер.

² Прорубь.

Макарьинский погост.
Фото нач. XX в.

На другой день даже не чихнула. Поехали мужики проверить. Действительно. Всё так. Выбита большая майна. Смерили — четыре метра глубина. Как объяснить такие случаи? Наше старшее поколение не любит врать. Вранье считалось великим грехом. Поэтому, когда доходили до людей подобные события, верили все.

Сила слова

В одном поселке муж и жена пошли за грибами. Взяли с собой семилетнюю дочку. Дали ей маленькую корзинку. В лесу ребенок запросился домой и надоел матери своим хныканьем. Тогда мать беззлобно говорит: «Да понеси тебя леший!» Иногда такие слова высказывали. Девочка побежала. Отец и мать — за ней, но не могли догнать. Они вернулись домой, взяли людей и поехали искать. Неделя прошла — не могут найти. Осенью ночи длинные, холодные, с дождями. Решили, что погибла. За тридцать километров от поселка шла лесная дорога. По ней бежал почтальон с почтой. Видит — сидит под елью совершенно сухая девочка. Почтальон, чтобы не спугнуть ее, потихоньку спрашивает, откуда ты здесь взялась, называет ее по имени. Девочка отвечает:

- Дедушка привел меня, посадил.
- Чем же ты питалась?
- Дедушка кормил.
- Как же ты через речки попадала?
- Дедушка переносил.
- Что он говорил тебе?
- Дедушка не велел рассказывать.

Когда почтальон привел девочку в поселок, все удивились. Она живая, сухая. Сколько было грибов в корзинке, столько и есть. Как она попала к дороге через две речки, которые можно только на лодке переехать?

Я не называю фамилии этих людей. Они давно ушли в иной мир. Грешно тревожить их души. Говорят, что человеческая душа бессмертна. Дай Бог, чтобы это было правдой.

Церковь — как клуб

Было время, по-разному обзывали буржуев-капиталистов. Жизнь сегодня доказала эту глубокую ошибку. Страна обнищала. Невольно вспоминаешь, как независимо ни от кого жили люди своим частным хозяйством. Каждый имел землю, добротный дом, конюшню, баню, амбары, гумна для обработки хлеба. Все это было у каждого хорошего хозяина. Летом перед религиозными праздниками люди у реки чистили песком самовары, чашки, вилки, ложки. Топили бани. В полдень, в день праздника, со всех деревень приходили гости. Вечером с гармошками и песнями шла молодежь. Были слышны смех, шутки. Веселое, радостное настроение родителей передавалось в детские души. Разве могут такие люди думать о том, чтобы наложить на себя руки?

Начались колхозы. Деревенский актив стремился сделать религиозные праздники рабочими днями. Только пожилые люди соблюдали обычаи до конца своих дней. Один колхозник рассказал, что у них в деревне была церковь. Решили перевезти ее в соседнюю деревню на клуб. Взялись за эту работу семь мужиков. Начали храм vorочать и все заболели. У кого руки отнялись, у кого ноги. Некоторые умерли. Предложили этот подряд другим людям. Они отказались: «Мы еще жить хотим».

Пророчество

Народ бежал в город. Старики говорили: «Придет время — побежат обратно в деревню». Сегодня похоже на это.

Пильщики. Фото нач. XX в. Онежский историко-мемориальный музей (ОИММ)

Когда был еще Кожеозерский монастырь, много паломников туда ходили. Шел с моленья один странник. Он посетил четыре деревни, через которые пролегла проезжая столбовая дорога. Остановился ночевать у одного хозяина. Рассказывал о том, где побывал, как живут люди. А потом и говорит: «Хороши ваши деревни. Неплохо живут люди. Хлеб растите. Рядом лес, много дичи, пушнины. Река. Рыба идет на нерест. Семга. Живи и радуйся. Только не ленись. Всего полно. Только придет время. Уедет народ из деревень. Опустеют села. Все зарастет и будет здесь пустырь». Не поверили страннику. Думали, он не в своем уме. Смеялись. Не может быть! Прошли годы, и эти предсказания сбылись.

Клеймо

У каждого было свое хозяйство, свое клеймо. У нас, например, — четыре прямых и одна косая линии. Когда надо было сдать мастеру на выделку шкуру, на тоненькой дощечке мастер ножом вырезал свое клеймо. Просверливал дырочку на дощечке и прочно привязывал к шкуре. Приносил к мастеру. Он отламывал половину

клейма и отдавал владельцу. Предупреждал — береги. Когда выделанные кожи были готовы, каждый приходил получать их с половиной клейма. Мастер складывал половины. Все совпадало. Отдавал владельцу выделанную кожу. И ни одной бумажки не надо было.

Как построить дом

У «безграмотных» наших предков были свои жизненные приемы. Они строили красивые прочные дома, не имея в руках никакой бумажки. Казалось, все просто. Жизненные навыки отцы передавали сыновьям. При строительстве дома, например, нужно заготовить столько леса, чтобы не было отходов. Надо знать, сколько аршин будет длина крыши, длина планок на полы и потолки. Заготовив лес, его надо привезти к месту строительства на своей лошади. Нанимали пильщиков. Они пилили доски продольной пилой с высоких козел на четырех лапах. Их было двое: для того, чтобы распилить бревно. Они находили трещину по сердцу бревна. По торцу с помощью отвеса отбивали ниткой нужную линию. Чтобы заметен был отпечаток, нитку наворачивали на ольховую головешку, обожженную в печи. Бревно протесывали топорами сверху и снизу. Находили центр и отбивали ниткой по центру. Вдоль бревна натягивали тугую нитку, оттягивали от бревна и отпускали. Отпечатывалась четкая прямая линия. На козлы клали поката. Под отлогим углом по ним закатывали на козлы бревна, крепили специальной скобой. Один плотник залезал на поверхность бревна, другой пилил снизу. Сделав рез по центру, разводили специальную черту по диаметру необходимых досок или планок. Половина черты велась по резу, вторая — делала отпечаток вновь. После эти планки и доски хозяин кропил, обтесывал болонь и клал в штабель для просушки. По размеру заготавливал лес на долевые и поперечные стены. Валил лес поперечной пилой, иногда рубил топором. Корил около дома чистою окоркою. Тоже топором. Иногда специальным скобелем. Когда весь материал был готов, начинал строить дом. Например, десять метров длина, шесть с половиной ширина на три поперечных стены. Это пятистенный дом. Узнавал центры

углов. По длине дома копал канаву под две стены, а также — под поперечные стены глубиной примерно полметра. Из двух бревен сбивал на шпонки боны, опускал в канаву под все стены. Под центры углов на них клал большие камни. Между этими камнями — еще по два. Всего требовалось двадцать больших камней. Уложив камни на боны, зарывал все землей, оставив треть камня над поверхностью земли. После — поперечные стены. Бревна подчеркивал специальной чертою, чтобы по уровню они плотно прилегали к камням. После клали на них продольные бревна (тоже по уровню). В углах делали специальный замок, чтобы он прочно держал связку стен. Натягивал с угла на угол веревку. Крестообразно перекидывал веревку на другие углы. Если расстояние сходилось, значит основка правильная. Так находили квадрат. Когда первый ряд положен, его называли «окладно». Это событие отмечали выпивкой. Раньше, говорят, кто побогаче под большой угол клали золотой рубль. Кто победнее — серебро. Лес подбирали для дома и для крыши — частослойный и редкослойный. Сосны не брали — они стояли недолго. Лес называли «рудовый» или «мендовый». Когда бревно подчеркивали в углах и по низу, следили, чтобы черта шла ровно. Бревна сначала клали для проверки. Если прилегло плотно, приподнимали на крылья и накладывали мох под каждый очередной ряд. На втором ряду прорезали ветреницы — два окошечка с обеих сторон. На зиму их закрывали ставенками, летом открывали для просушки подполья. Дойдя до черного пола, клали три толстые поперечные балки. На уровне балок в противоположных стенах вынимали три бревна — «череп». На балки клали черный пол. Кругляк подрубали. Подгоняли так, чтобы пол прилегал плотно к балкам и кондами ложился на стены. На черный пол клали толстые лаги для чистого пола. Между лагами насыпали землю. Все это — по ходу дела. Если черный пол класть после возведения стен, землю надо будет таскать через окно или через двери. Кроме того, черный пол заменял леса. Обыкновенная высота потолка — два метра двадцать сантиметров. Высота от чистого пола до поверхности подоконной доски — шестьдесят пять сантиметров. Когда

*Дом крестьянина и минного офицера Петра Прокопьевича Привалихина
в д. Есенской (д. Поле). Нач. XX в. ОИММ*

клали в доме печи, всегда мерили высоту подоконной доски. Под в пекарке печки и шесток клали всегда выше подоконной доски. Если положить ниже, в доме будет всегда сырость и угар. Об этом знал каждый печник.

Когда надо было устанавливать в сенях маршевую лестницу, брали обыкновенную палку и мерили высоту. Палку ставили на нижнюю балку. Меряли высоту на поверхности верхней балки, на которой будет насыпан пол. Делали отметку. Эту палку клали на пол горизонтально. Находили точки от верхней точки до нижней. Этот угол меряли по диагонали и по этой длине делали лестницу. Она получалась не крутой и не отлогой — под углом сорок пять градусов. Так же разбивали шаг ступеней. Чтобы крыша дома получилась не крутой и не отлогой, меряли поперечную стену. Брали одну треть стены, измеряли расстояние до поверхности князька. Сколачива-

ли шаблон. По нему — стропила, и получалась нормальная крыша. Строители не знали никаких бумажек, не поняли бы чертежей, но они были наделены богатым опытом, нажитым веками.

Люди умели шить лодки без единого гвоздя, а также без гвоздей крыть крыши домов, сараев, амбаров, гумен. Когда были установлены стропила, закрепленные специальными клиньями по два, переброшенными вдоль стен с обеих сторон стропил, закатывали князек. Когда рубили стены, бревна закатывали веревками по специальным покатам. Кричали: «Раз, два — взяли!» Когда закатывали князек, молчали. Какое-то было поверье. На месте работы бросали веревки, топоры, пили и шли праздновать «князево».

После начинали крыть крышу. Специальным замком врезали ее в первую переборину и в стену. Кокорку выпускали за стену примерно на шестьдесят сантиметров. Заготовленная в лесу кокорка со стволом называлась кура. Она сверху врезалась в стену. На кокорки клали длинный (во весь дом) поток, вытесанный топором как угольник. Он держал крышу всего дома. Каждая доска упиралась в поток. Каждую доску дорóжили калёвкой — делали по краям досок небольшие канавки. Во время дождя по ним скатывалась вода. Стропила закрывали плотно — доска к доске. Второй ряд перекрывал стыки досок. Когда обе стороны были закрыты, надевался конек в виде вытесанного треугольника. Его надевали на князек, закрепляя крышу с обеих сторон. Передняя сторона дома — чердак. У старых домов стена рубилась до князька. Для освещения вставлялась на чердаке большая «тальянская» рама. Так ее тогда называли. Она украшала чердак. Вот и все. И не надо было ни единого гвоздя. К каждому крестьянскому дому были построены сени, горницы, сараи, конюшни. Без этих построек крестьянин жить не мог. В каждом хозяйстве — амбар, баня, гумно, где обрабатывали хлеб. Чтобы построить хороший дом, требовался великий труд.

Дом — за хлеб

Я видел в детстве, как строили новый дом. Закрыли крышу. Началась организация. Стройка была остановлена. Были набраны черные полы. Заготовлен материал на чистые полы, потолки, кирпич — на печи. Все это было сложено в доме на черном полу. Прошло шестнадцать лет. В 1946 году приехал в деревню хозяин продавать этот дом. Навязал старику одному за семьсот рублей. Старик не брал: «Мне своего дома до смерти хватит». В эти годы килограмм черного хлеба стоил сто рублей. Отдал новехонький дом за семь килограмм черного хлеба.

В наше время мы разговорились с одним мужиком насчет домов. Он мне говорит: «Понимаешь, хотел на сына переписать дом. Пришли в сельсовет. Мне говорят — заплати пятьсот рублей, а потом перепишем. Мне дом перешел от отца по наследству. Без копейки. Я на эти пятьсот рублей куплю мотоцикл, а дом распилю на дрова». У него была совхозная квартира. И действительно — трудно понять, что с нами происходит.

Чего не знает школьник?

Сегодня каждый школьник знает, что крейсер «Аврора» первый выстрел сделал по Зимнему дворцу, а спроси своего деревенского школьника, почему на поляне стоит маленькая, доживающая век часовенка, — не знает. Без крыши. Выбиты окна и двери со всеми косяками. Ободраны обшивка, стены. Разобран тамбур. Все это летело в огонь, когда пекли картошку, а рядом еще были совхозные поля. Никого не интересовало, почему она построена когда-то. На стене висела икона. На ней были вырезаны славянскими буквами год, месяц, день, когда над Чижиковым разразилась гроза. Летом выпал град. Каждая градина размером с куриное яйцо. Побило посевы на сорока гектарах пахотной площади. Ветром бревна носило по деревне. Под отлогий уклон снесло весь чернозем вместе с урожаем. Осталась одна глиняная подошва. Деревенские мужики решили, что они грешны перед Господом Богом. В соседних деревнях не было ни капли дождя. Построили

часовню и в этот день сделали праздник — «Спаситель». Привезли попа. Он служил молебен. Около часовенки собралось полным-полно народу — и старых, и малых. Вся деревня вышла на поляну.

После службы пошли в конец деревни, где были сделаны ворота. Каждый хозяин проводил свою лошадь через эти ворота, а священник брызгал на нее святой водой. Хозяин снимал с лошади уздечку и пускал ее в табун деревенских коней на все лето вольно пастись в лесу. Потом через ворота хозяйки прогоняли своих коров. Поп кропил каждую из них. Последним шел пастух. До того дня скот в лес не пускали. После этой церемонии начинался веселый праздник.

Неграмотные люди никогда не говорили о политике. Они верили в какую-то невидимую тайну природы. Она — эта вера — оберегала от недозволенных поступков. По какому-то поверью они считали великим грехом роптать на условия жизни, какими бы трудными они не были. Они бы сегодня смеялись над нами — сельскими жителями. Мы стоим у прилавка сельского магазина, чтобы купить буханку хлеба, килограмм масла или мяса. В те годы любая деревенская хозяйка могла испечь круглую буханку хлеба, житник, наливушки, пирог, перепечку, обваренный калач. Это всё хлеб, испеченный по-разному. Пекли пироги-солонники, пироги с грибами, с картошкой, с капустой, с сыром, пшеном, горохом, ягодами, шаньги, калитки, преснушки. Старались всё разное печь, чтобы не приедалось. В каждый день приготавливалась разная пища. Рецепты передавались от матери к дочери.

Выйдешь в поля, росчисти. Для ржи, ячменя, овса, гороха, вики, чечевицы земля первой категории была выделена. Для специальных капустников — около реки, чтобы можно было полить овощи. У каждого хозяйства — гряды, где растили лук, картошку, брюкву, репу, редьку, морковь. Картофель выращивали на специальных полях. У каждого дома был свой рассадник, предназначенный для рассады.

О деревне можно рассказывать бесконечно. После трудов в религиозный праздник на угоре делали разрядку. Летом стано-

вились в большой круг. В кругу танцевали, плясали, пели песни. Везде было полно народу. Так когда-то жила деревня.

Встречи в Усть-Кожье

Шло время. Мы росли. Молодость берет свое. Разбежалась из деревни молодежь. Нас осталось мало, поэтому мы объединились. Стали из четырех деревень собираться в Усть-Кожу. Клуба не было. Встречались в случайных помещениях. Осень. Темень на улице. Дождь, слякоть. На гумно кто-нибудь приносил керосинку. Под гармошку начинали танцы. Хорошего костюма в деревне не купишь. Не стыдились носить хлопчатобумажную одежду, полусуконную зимнюю тужурку. Редко можно было встретить подвыпившего парня. Разве только в праздник. Не все до армии курили, и я не курил. Друг к другу относились бережно, словно чувствовали впереди какую-то беду. В хорошую погоду летом, перед выходным, гуляли до восхода солнца, захватившись под руки. Ребята и девчата провожали нас, «чижиков», за деревню до поворота. Кричали: «Счастливый вам путь! Приходите завтра!» С песнями мы шли обратно, а потом возвращались. Нас не могли остановить ни сильный мороз, ни вьюга, ни дождь, ни слякоть. Так проходила молодость.

Призыв в армию

Многие из ребят осенью 1939 года призывались в армию. В том году впервые призваны на службу учителя с 1912 по 1919 годы рождения. С них была снята бронь. В начале второй половины сентября у здания морского вокзала стоял строй призывников в окружении родных и близких. Нас было 450 человек. Первая партия призывников отправлялась из города Онеги в Архангельск. Грянул оркестр, и строй тронулся на посадку. У причала стоял пароход «Карелия». В полночь пристань была полна народу. Под звуки марша пароход уходил в темную ночь. Так провожала Онега будущих защитников Отечества. Пароход встал на якорь у 32-го завода и простоял до утра. Чуть забрезжил рассвет, все мы встали

на палубе и смотрели на родной город. Моросил мелкий дождь. В утренней мгле было хорошо видно, как на бонах у завода стояло много людей, махающих нам белыми платками. Кто они были: матери, жены, сестры или любимые подруги — простым глазом не различить. Пароход уходил в море. Разве думали мы, что это и есть начало пути на войну. Многие из этих ребят последний раз видели родной город. Под конец службы вспыхнет Отечественная война.

В море разыгрался сильный шторм. Переносить качку было не очень приятно. Бывалые моряки советовали: «Ребята, ешьте селедку».

В Архангельске вышли на пристань. Перед глазами крутилась земля. Сегодня как глубокий сон вспоминаешь эти события. Война, долгие годы службы отвлекли от деревенской жизни. В чужой стране, далеко от родного дома еще дороже ценишь свое отечество.

Отпуск

Мне 72 года. Судьба наделила меня ясной памятью. Образование мое — 4 класса сельской школы. Когда скоропостижно умер отец, мне было 15 лет. Мать была инвалидом 3-й группы. Жили мы с ней, горевали. В 1939 году меня взяли в армию. Служил я в Средней Азии, в городе Термезе. В начале войны нашу дивизию перебросили в Иран на турецкую границу. Первый год войны прошел там. Я тяжело заболел. Мне дали отпуск в 45 дней для отдыха в Ашхабаде или в Ташкенте. У меня там не было ни родных, ни знакомых, поэтому я был направлен в распоряжение Онежского райвоенкомата, чему был очень рад. 35 суток ехал до дому. Сутками стояли на станциях пассажирские поезда, забитые разным людом. Эшелоны, отправляемые на фронт, пропускались в первую очередь. Единственное место в вагоне, где можно было хорошо поспать — это под вагонной полкой. Солдатская шинель не боялась ни грязи, ни мусора. У меня был аттестат, по которому в продпункте давали на день 100 грамм колбасы, 400 грамм сухарей и 35 грамм сахара. Подкрепившись, я залезал под вагонную полку, клал под голову вещмешок и спокойно спал. Солдаты про-

На марше. Фото 1944 г. Архив А. Фомина (Онега)

веряли документы, дергали меня за ногу, а я из-под полки протягивал руку с документами и получал в ответ: «Спи!»

Господи, неужели всё это было в жизни!? К сожалению, — всё правда.

Оставалось десять дней отпуска. Я размышлял. Изменился климат, и я почувствовал себя здоровым. Думал — явлюсь в военкомат. Гарнизонная комиссия признает меня здоровым и отправит на фронт. Не фронта я боялся. Мне хотелось увидеть мать. Как она живет? Вот и станция Вонгуда. Два часа на пароходе — и я дома. Сходил в сельсовет. Шлепнули штамп, когда прибыл. Сделал ошибку. После, когда пришел в военкомат, мне сказали, что сразу нужно было явиться сюда. И снова в дорогу — в Архангельск, в Соломбалу на 6-й завод, где формировалась маршевая рота на Северо-Западный фронт под Старую Руссу. Состав прибыл в город Кресты. Ночью после сильной бомбежки все кругом горело. В темноте не давали даже чиркнуть спичкой, чтобы нас не обнаружил противник. Так встретила нас война. Сколько пришлось пережить этих бомбежек, артобстрелов, слышать, как свистят пули. Как до-

кумент, храню красноармейскую книжку, где записаны Северо-Западный, 3-й Белорусский, Забайкальский фронты, Польша, Восточная Пруссия, дороги Манчжурии, война с Японией. Сколько пройдено, проехано, пережито!

Всё — правда

Видел первого солдата, демобилизованного с нашей роты. Он был ротным поваром. Старше нас. Родом из китайского края. Мы стояли около кухни. Неожиданно подошла машина. Из кабины вышел старшина. Посмотрел на повара. Хлопнул его легонько по плечу и проговорил: «Вот, Гарайкин, и кончена служба. Собирайся домой к своей старухе». Повар словно остолбенел. Потом с поварешкой в руках побежал зачем-то в помещение. Выскочил обратно. Давай мешать в котле. Мы молча смотрели на своего товарища. Никто не проронил ни единого слова. Заговорил старшина: «Соберите, ребята, вещи. Что у него есть...» Мигом был выполнен приказ старшины. Положили в машину вещмешок и шинель. Только тогда заговорил этот мужественный солдат: «Простите, ребята. Получилось так неожиданно. Четыре с половиной года я не был дома, не видел жену и детей. А у меня их четверо». Мы обнимали своего товарища. Каждый знал — закончились фронтовые дороги. Остался последний путь — домой. Разъедемся все по уголкам нашего великого Отечества и никогда больше не увидим друг друга. Так оно и было. Война оставила меня живым для того, чтобы я мог рассказать своим детям, что я видел в жизни за прожитые годы. В красноармейской книжке в четырех строчках записана моя семилетняя служба, а в трудовой книжке есть запись: «За долгий безупречный труд в лесной промышленности — благодарность и ценный подарок». Сколько почетных грамот получено за всю жизнь! Кончена трудовая деятельность — и никому ты не нужен. Живем вдвоем с бабкой на краю деревни. Вокруг все дома пусты. Приезжают в них только летом, как на дачу. Забыты слова «старикам везде у нас почет». На деле все иначе. Вот — коротко о себе.

Я пишу просто от безделья, в зимнее время. Не надо мне никакой оплаты. Можете исправить, подправить, опубликовать в сборнике, в газете — где угодно, если это интересно. Если нет — просто выбросите. Вот и все. Но знайте: в том, что я пишу, нет вымысла. Всё — правда.

Старый обычай

Прочитал недавно газету «Труд». Там приведены статистические данные. За один только 1982 год в России покончили с собой больше 54000 человек. Как это понимать? Много людей гибнет по пьянке. Пьют всё, что хмельное, — хоть отраву, лишь бы выпить. Как сделать, чтобы образумились люди?! Вот один пример. Во время войны с Японией наша часть стояла на станции в Манчжурии. Я ходил к одному хозяину за молоком. Он забайкальский казак — Иван Николаевич Поздняков. Во время революции с семьей убежал в Манчжурию. Наверняка и сегодня там живет. Их наши не трогали. Мы с ним познакомились. Он предложил мне выпить. Его, конечно, интересовала жизнь в России. Пусть он простит меня, но я ему безбожно врал. Хотя, говорил, и война была, у нас в России живут хорошо. Он молчал. Я думаю, не поверил ни одному моему слову. У него был сын моего возраста. Я говорю: «Позови сына-то! Вместе выпьем». Он позвал. Сын отказался. Отец и говорит: «Он еще в жизни не выпил ни одной рюмки, не выкурил ни одной папироски».

Дочерей у него было две.

— У нас, — говорит, — старый обычай. До двадцатилетнего возраста дети находятся под контролем родителей. Спустят на гулянку — пойдет. Не спустят — сидит дома. Если дети до двадцатилетнего возраста не наживут ума, то и дальше уже не наживут. Тогда им полная свобода.

Казак — люди спокойные. Долго мы с ним просидели. Стемнело, когда я засобирался в часть. Идти было далеко. Хозяин говорит: «Я тебя одного не спущу». Хотя я был с автоматом, он проводил меня до места, пока не окликнул часовой. После он мне

сказал: «Боимся мы за вас, ребята, чтобы с вами чего не случилось. Две войны вы прошли. Дай Бог живыми домой вернуться!»

Сын у них был женат. Родился у них с женой маленький ребенок. Ну, а я был еще далеко от родного дома.

Как много воспоминаний разных можно написать о своей прожитой жизни! Бумага у меня на исходе. В деревне ее не достанешь, писать больше не на чем.

До полной победы

Не забуду ночь перед Великой Победой. Железнодорожный состав следовал из Восточной Пруссии. Стоял под Москвой на станции Киржач. Ночью дневальные по вагонам закричали: «Ребята, — победа! Война кончена!» Минута — и все были на улице. Выскочили из вагонов, обнимали солдаты — офицеров, офицеры — солдат. Все были как родные братья: белорусы и узбеки, украинцы, грузины, русские, казахи. Не понимали, что такое национальная рознь. Все солдаты выполняли великую заповедь, записанную на досках на каждом перекрестке военных дорог: «Вперед — на запад, до полной победы над врагом». Утром был митинг. Из речи генерала мы поняли: война не окончена. И опять — по вагонам.

Поезд катил по Сибири, по берегу Байкала, через 60 туннелей, пробитых в скалах. Любуясь «священным морем», мы знали, куда нас везут. Каждый молча думал: а будет ли отсюда обратный путь? Остались в Манчжурии братские могилы. Когда капитулировала Япония, я видел, как тысячи голов скота гнали в Россию. Однажды солдаты на лошадях погоняли большой гурт коров. Я спросил у солдата:

— Сколько?

— Не знаю точно. Вроде бы тысяч 20 голов. Это монголы выделили добровольную помощь сталинградским детям.

Демобилизация

И вот началась демобилизация. Получен хороший сталинский подарок, который давали каждому солдату: рис, сахарный пе-

сок, сухари, колбаса, по 7 метров шелку — целый вещевой мешок. Как-то было рассчитано. Кормили солдат в столовых на станциях очень хорошими обедами. У каждого в кармане было 40 талонов. Приезжая домой, солдат мог получить на продпункте продукты, чтобы прожить месячный отпуск. Состав мчал нас обратно тем же путем, только вагоны были разукрашены венками и лозунгами, портретами Сталина, Молотова, Калинина и других руководителей. Когда эшелоны проходили крупные станции, нас встречали с оркестром сотни людей. Большинство — женщины. Пожалуй, не было ни одной, которая не утирала бы платком слезы. Вот бы показать сегодня детям и внукам, как встречали победителей. Каждый солдат носил автомат и обязательный боекомплект — 3 круглых диска и 500 патронов россыпью в вещмешке. Я не слышал, чтобы солдат поднял автомат на солдата или солдат — на офицера. В войну было некогда слушать лекции о патриотизме, да их и не было. Видал только артистов, которые приезжали повеселить душу солдата.

В 1939 году был призван. В мае 1946-го демобилизовался. 44 года прошло, а я всегда с теплотой вспоминаю своих командиров: гвардии лейтенанта Келена (он родом из Алтайского края), командира роты капитана Пантюхова (из Москвы). Они днем и ночью, в дождь и слякоть, в мороз и зимнюю вьюгу всегда были рядом с солдатом на фронтовых дорогах. Я демобилизовался, а они еще остались служить.

Больше ждать некого

В 1946 году, в июле месяце, после семилетней службы, в первый день дома мне хотелось узнать, кто из веселой довоенной ватаги деревенских ребят остался в живых. Я переехал на лодке через реку. Не спеша, пошел по дороге в Усть-Кожу. На плече висела старенькая гармошка. Семь лет простояла на полке. Кругом тишина. Везде всё цвело зеленью. Солнце опускалось над лесом. Тишину нарушало пенье птиц. Я думал: сколько нас до войны ходило по этой дороге! Сегодня я иду один. И не хотелось снять с плеча гармонь и заиграть как раньше. Из-за поворота показалась

На уборке картофеля. Поонежье. Фото 1953 г. Архив А. Фомина (Онега)

Усть-Кожа. Дорогая деревушка выстояла, не видела разрывов бомб и снарядов, но так или иначе в каждом доме побывала война. Все были заняты своим делом. Я шел по пустынной улице. Неожиданно из переулка вышли трое. Я сразу узнал своих друзей. Мы подошли друг к другу и молча обнялись. Не произнесли ни слова. Так и стояли среди деревни. У каждого из глаз катились невольные слезы. Я смотрел на Сашу Зайцева. У него не было левой руки. На плечах погоны офицера, на груди Орден Красной Звезды. Он заговорил первым:

— Вот, ребята, мы и встретились. Остальное все — позади. Больше, Леша, ждать некого. Играй, как бывало!

Я понял, что все мы — тут. Жизнь продолжается. Заиграл. Навстречу вышло много молодых девчат. Саша говорит: «Смотри, пока мы служили, сколько невестросло!» Когда уходили слу-

жить, этим невестам было по двенадцать, а сейчас — девятнадцать лет. Подросли и женихи. Приходили с фронтов молодые солдаты. Создавались семьи. Рождались дети. Младенцы подрастали, требовали подкормки. На лесном участке не купишь ни грамма молока, не найдешь ни кусочка марли. Карточная система везде. Соски не купишь. Молодые матери ложили в рот небольшой кусочек хлеба и немного сахарного песка. Разжевывали. Завертывали жевок в портяную тряпочку и совали ребенку в рот. Так растили детей в первые годы после войны. Сегодня этим детям за сорок лет.

Будильник

Топор, пила-«лучок» и лошадь — вот и вся техника. В любые морозы и снежные вьюги в лесу не останавливали работу. Не хватало спецодежды, валенок. Вместо валенок выдавали чуни — ватные чулки и калоши. Бывали перебои с керосином. Снимали с лампы стекло и горелку. Сидели с керосинкой. На большом лесном участке собирались разные люди: кадровые рабочие онежской сплавконторы, местные колхозники, сезонники из других областей. Все понимали, какое страшное время мы пережили, и ни один не роптал на тяжелые условия труда. Какая-то сила сплывала народ воедино. Разных неурядиц хватало в то далекое время. Боролись со всеми недостатками. Тяжелыми усилиями выполняли план лесозаготовок. В дружном коллективе не уживались те, кто не хотел работать. Они смывались в неизвестном направлении.

В конторе висел лозунг: «Не выполнил норму — не выходи из леса!» Это было для всех законом. Никто не имел часов — ни ручных, ни карманных. В конторке на столе вниз циферблатом стоял единственный довоенный будильник. Он четко отбивал такт и резко звонил утром. Однажды разбуженный будильником мастер вышел на улицу и начал бить в рельс — это было сигналом вставать. Пошел по баракам будить людей. Поднимались все неохотно, говорили, что сегодня почему-то не выспались. Мастер возвратился в контору и говорит леснику, который там случайно ночевал: «Мне кажется, что сегодня я рано народ поднял». Лесник посмотрел на

свои часы. Они показывали три часа утра. Мастер, проклиная будильник, побежал извиняться перед народом.

Возди — на дробь

В лесу было много дичи, и единственное ружье — на весь участок. Без пороху и дроби. Хозяин ружья говорит: «Дам вам пистоны. Идите в магазин за спичками. Соскребите со спичек селитру. Натаскайте откуда можно старые гвозди, разрубите на дробь. Если будете варить добычу, пригласите меня в выходной». Из десяти выстрелов было два удачных. И этому были рады. К сожалению, это истинная правда.

Господи, как бы хотелось, чтобы не было такого времени. Пусть знают наши потомки, какое время мы переживали.

Баржа с продуктами

Начался сплав. Лес гнали со льдом. Впереди много порогов. Вряд ли были у кого хорошие сапоги. В порогах (на косах) я и многие другие работали в солдатских ботинках на сколько хватало сил. Под шабаш посылали людей сделать односкатный шалаш, заготовить на ночь дров. Еловой хвоей покрывали шалаш. Толстым слоем клали хвою на замерзшую землю. Там спали ночью, поужинав, чем Бог послал. Ложились отдыхать, плотно прижавшись друг к другу. Оставался дежурный. Следил, чтобы никто не обгорел, подкидывал в огонь дрова. Проснешься утром — выпал снег. Снова за работу. По реке Коже вышли с хвостом к деревне Петровской. Осталось доделать немного, но не хватало сил. Резко падала вода. Решили выйти рано утром и догнать хвост до деревни. Договорились с начальником лагпункта, чтобы нам в столовой приготовили завтрак. В те далекие годы тарелка овсяной мусенки не имела цены. Утром хвост был прогонен за деревню. Дальше — до реки Онеги — тихое место. Радовались. Сделано великое дело: закончен сезонный лесосплав. Всей бригадой пришли на завтрак в столовую. Котлы на кухне были пустыми. Повариха пояснила, что вчера на складе все опашки собрали и сварили на ужин. Сегодня

варить нечего. Всей бригадой пошли в контору лагпункта. Начальник знал эту ситуацию и был на месте. Он нам сказал: «Должен прибыть пароход и привести баржу с продуктами». Но его и слушать не хотелось. Ругались, отводили душу, и каждый понимал, что начальник не виноват. Наш спор разрешил гудок парохода. Все — бегом на пристань и начальник с нами. Началась разгрузка. Начальник говорит кладовщику: «Выдай этим молодцам каждому по банке мясных консервов и бутылку водки на двоих. Они заработали. Запиши. После произведем расчет. Кладовщик знал, что нарушает закон, но выполнил просьбу начальника. Получив положенное, мы смеялись над собой, вспоминали, как ругались. Все забыто. Господи! Как мало надо рабочему человеку! Доброе слово, маленькая уступка — и он за все отплатит в великих делах. Такие люди выполняли план лесозаготовок, выгоняли сплав до единого бревна. Мы знали, как нуждалась страна в каждом кубометре леса в первые послевоенные годы и верили: на нашу долю выпало нелегкое бремя. Не сегодня, не завтра, но пройдет время, восстановим народное хозяйство, вырастут дети. Мы будем рассказывать им, какую нелегкую жизнь пережили. Они будут жить совершенно иной жизнью, не похожей на наше прошлое. С такой верою прожита жизнь. Сегодня этой веры нет. Мы верили до того дня, пока не остались из четырнадцати деревень одна Усть-Кожа, одна совхозная бригада. Считались эти деревни неперспективными, экономически невыгодными. Наверно, выгоднее пустые полки магазинов. В этих деревнях было около трех тысяч голов крупного рогатого скота. Сегодня — одна Усть-Кожская ферма. Из деревень продукцию везли в город — больше сбывать ее было некуда. Ростили свой хлеб, чтобы не покупать его у государства. Раньше в деревнях была сплошная неграмотность и малограмотность, сегодня — все сплошь образованные. Люди некоторые посмеются над рассказами малограмотного старика, только смех-то этот горький. «Над кем смеетесь? — Над собой смеетесь».

Отцы наши оставили нам ухоженную землю, чистые сенокосы. Через каждый ручеек — исправный мост. На десятки километ-

ров — исправные изгороди. Боже упаси, чтобы какая-нибудь животина зашла на пахотную землю! Исправные дома, бани, амбары, гумна — целый городок построек, без которых невозможно жить крестьянину. Передали церкви, часовни. — Живите и радуйтесь! Сегодня настолько мы очерствели, что всё это не имеет для нас ценности, и все мы молчим, словно так должно быть. Помню, передано было совхозу сенокосных площадей ниже деревни по правому и левому берегам реки Онеги ниже по течению на расстоянии шести километров, выше — на три километра. Отличные были сенокосы. А сколько пахотной земли наши предки расчищали от леса мотыгами?!

Закон деревни

Однажды в детстве мы катались на реке по осеннему льду. Ниже Чижикова есть большая деревня Карельская. Вернее, была когда-то. Мы увидели, как из-за поворота берега по льду шло много молодежи с гармошками и песнями. Это карельчане шли в деревню Карамино к Казанской, к празднику. Поджидая «чижиков», остановились у нашей деревни. Встречались со смехом, шутками, песнями. Толпа растянулась на целый километр. Позже я спрашивал у одного человека, который холостил в те годы: как же, говорю, столько людей приходило в деревню? Ни у кого нет сумок. Идут — руки в карманах. Если нет друзей или знакомых, все равно — заходи в любой дом — везде тебя накормят и пустят ночевать. Только незнакомому парню больше рюмки вина не нальют. Не жди! Таков был закон деревни. Это знал каждый.

Сегодня умирает деревня, умирает и окружающая среда. Сколько было тетеревов! Видно из деревни, как они сидели в рощах на березах. Сотни штук. Это не выдумка, а действительная правда. Сегодня косачей редко увидишь. Осенью полно было диких уток — вылетали к реке на кормежку утром и вечером. Журавлей и лебедей сейчас ни одного не увидишь.

Придет время — историки будут изучать наши ошибки. Город не может жить без деревни. Мы не знали, что такое «эконо-

мично или не экономично», что перспективно, а что — нет. Мы знали слово «надо» и смотрели в будущее.

Всякое бывает

Малограмотные люди были великими мастерами своего дела. Мастерство передавалось из поколения в поколение. От деревенских мужиков можно было услышать много доброго, полезного, смешного. Они говорили своим языком и хорошо понимали друг друга. Человек ценился по способности вести свое хозяйство, и если занимался каким-либо ремеслом, должен был хорошо знать свое дело. После тяжелого трудового дня и вечерней трапезы мужики собирались на угоре около реки. Свертывали косушки. Закуривали.

— Вот и осень подходит, — говорит Кузьмич. — Была у меня собака, что сзади лосей выгоняла. Неосторожно близко подскочила, и лось ее так задней ногой треснул, что летела метра четыре и не пикнула. — Сразу насмерть.

— Да, с лосем шутки плохи, — сказал Костя. — Дело было летом. Один мужик пришел раненый с войны, в деревне — бабы да дети. Из охотников — он один да я. Скот в лесу пасли. Прибежал пастух, кричит: «Медведь — в стаде коров!» Собака у него хороша была. Медведя не боялась. Местность он знал хорошо. Подходит. Видит. Медведица около зарванной коровы на задних лапах стоит. Собака зло лает — не дает ей ходу. Выстрелил — зверь пал замертво. Наблюдает. Ждет. Бывает, что медведь притворяется мертвым, а потом нападает на охотника. Не шевелится. Значит, удачный выстрел. С первого раза — наповал.

Кончилась война. Вернулись мужики. Произошел такой же случай. Собрались пятеро охотников. У каждого — собака. Подошли к месту, где медведь корову задрал. Медведя собаки спугнули и гоняют по лесу. «Надо разойтись по лесу, — говорят мужики, — так скорее зверя нагоним». Разошлись, значит, далеко друг от друга. Вижу — на меня собаки медведя гонят. А ружье у меня — одностволка, «тулка». Одна пуля — в стволе, а патрон с пулей — в руке, наготове. «Бах!» — я в медведя с близкого расстояния. По-

пал в него или нет — не знаю. Помню, как он подскочил ко мне и треснул лапой в грудь. Я и сознание потерял. Пришел в чувство. Вижу — недалеко от меня медведь от собак отбивается. Рядом — патрон с пулей, а ружье — в метрах пятнадцати лежит. Я тихонько подполз к ружью, а медведь то посмотрит на меня, то снова с собаками воет. Беру ружье в руки. Думаю — дал бы только зарядить! Только сломил ружье-то, как медведь подскочил ко мне, да как дал лапой! Больше ничего не помню. Очнулся в больнице. Два ребра сломаны. Одним словом, здорово он меня помял. Я дал себе зарок больше никогда не стрелять в медведя.

Тяжело вздохнув, заговорил Кузьмич:

— Говорят, у человека есть судьба. Может, это и правда. Все люди — разные, и разные происходят с ними случаи. В сентябре дело было, в праздник, в соседней деревне. У меня там родственники жили. Я, грешным делом, любил при времени хорошо выпить. В крайнем доме жил скупой мужик. Я знал его хорошо, и он меня тоже. Дай, думаю, зайду к нему для интересу в гости, а потом навещу родных. Захожу. Перекрестился у порога, как положено христианину. «Мир дому сему», — говорю, и поздравил его с праздником. «Милости просим, — отвечает: садись, гостем будешь». Сел я на стул, а он ходит по избе, насвистывает. Я и говорю:

— Высвистишь богатство-то все!

— Давно все высвистано. Осталось то, что самому нужно.

Наблюдаю, значит, за ним. А он сбегает за печку, клюкнет немного — и ко мне. Нет, думаю, я так от тебя не уйду. И говорю:

— Люди-то добрые давно отобедали, а мы все сидим да курим.

Стал я, видишь ли, намекать. Еще поджидал гостей, но они, наверное, не придут. К нему в гости никто не ходит.

Хозяин начал собирать на стол. Принес большую деревянную чашку, житник черного хлеба. Начал ломать его руками и крошить. Достал бутылку водки (по-теперешнему, три макалюшки), откупорил, вылил и смешал с хлебом. Бутылку перевернул кверху дном. — «Милости прошу к столу!» Думал, что хлебать не буду, откажусь. Говорю:

Охотники в лесу. Фото Н. Блохина 1960-х гг.

— Человек я общительный. За компанию можно. Так я вина никогда не пил, но попробую.

Стукнул ложкой о край чашки. Поздравил хозяина с праздником, и мы начали хлебать.

Содержимое чашки быстро убывало. Мы ели молча. Торопились друг перед другом. Осталось на дне. Хозяин говорит: «Я всегда немного на опохмелку оставлял». «Нет, — отвечаю, — гулять, так гулять! Я так люблю».

Доели, значит.

— Все, больше нет.

— Ничего. Спасибо и на этом.

Потом пошел к свояку. Утром сижу дома. Похмелье.

Приходит ко мне хороший мой приятель:

— Пойдем за мясом. Я лося убил.

— Не пойду. Голова болит.

— А я на тебя ведро холодной воды вылью.

— Договорились. Только я ни ружья, ни топора брать не буду. Возьму только мешок.

Пошло нас четверо. У каждого своя собака. Трое — с ружьями. Собаки залаяли. Я говорю мужикам:

— Медведь у лося.

— Ты что? Сдурел? Какой медведь среди бела дня?

Спускаемся с бора. Он зарос густым ельником. Ничего не видно. Как вышли из чащи-то, смотрим: метрах в тридцати от нас возле лося медведь на задних лапах от собак отбивается. Бросится на одну, — другие сзади его рвут — не дают ходу. Мужики раскопались. Я остался один. Оперся плечом о тонкую сосну, смотрю на медведя и на охотников, а медведь — на меня. Ну, думаю, — нападет на меня, а у меня — пустой мешок. Двое соседей моих ружья держали твердо, а у третьего ствол ходил то вверх, то вниз. «Ну, думаю, — этот не попадет». Прогремело два выстрела. Медведь пал. Хватил лапой о корень с такой силой, что он подлетел кверху метра на три. Вскочил. И снова прогремело два выстрела. Зверь лег поперек лося. Закурили. Понаблюдали. Бросили мне топор.

— Руби шест! Будем подходить. Осторожность — прежде всего.

Я пошихал шестом голову медведя. Он был мертв. Еще бы полдня, и от лося ничего не осталось. Всё куда-то стаскал.

Помолчали. Заговорил Мишка:

— Другим охотникам охота — заработок, а для меня — развлечение. Смотришь на природу, и оттаивает душа. Становишься добрее. Мир видишь другими глазами. Хочется сделать что-то хорошее, полезное людям. Домой, бывало, приедешь с пустым мешком, но я никогда не жалею, что день пропал напрасно. В старину, дядя Иван рассказывал, ходили в сюзёмок, километров за сорок от деревни за рябами. Они тогда ценились по сорок копеек пара — бутылка пшеничной водки. Белку убьешь — тоже бутылка. Это было до четырнадцатого года, до Гражданской войны. После революции все стало меняться. Рябов-то начинали бить, когда наступали морозы. Морозили. Делали лабаз на высоте, примерно, три-четыре метра. Толстую лесину корили подчистую, чтобы никакой зверек

не мог залезть на нее. Насаживали крестовину. Кололи плахи. Настилали пол. Крепили пол на крестовине. Рубили стенки. Делали крышу. Получалось что-то вроде большого ящика. В него складывали добычу. У ряба убитого рекомендовали разгладить головушку и завернуть под крыло. Такие были требования. Рябов били для Москвы. Говорили — на царский стол. К лабазу приставляли лестницу. Положат рябов в лабаз и уберут ее. Дядя Иван бил по сорок рябов в день. В стволе ружья нарастает много нагару. Подойдешь к речке. Сделаешь шомпол. Навернешь на шомпол тряпку. Промоешь ствол — и снова можно палить. Бывало, рассказывал дядя Иван, сядешь на порог лесной избушки и давай манить птиц свистком. По семь штук бил, не сходя с порога. А белка-то поспеет, так у меня, говорит, была хорошая собака. Подлает белку, пока снимаешь ее, собака уже вторую лает. По двадцать штук в день бивал. Из дичи ценились ряб и копалуха. По-теперешнему — глухарка. Добудут пушнины, настреляют рябов. Погрузят на свою лошадь и везут на станцию Обозерская. В ста километрах от нас. Сдавали заготовителям. Получали деньги. Покупали, что надо, — и домой. Так и жили. Ценили каждую копейку. И для себя глухарей в силки наловят, настреляют с ружья. Так зиму-то и жили. Надо, чтобы дома в амбаре засек хлеба был.

Опять помолчали. Мишка продолжал:

— Дядя Иван был хорошим мастером. Отличные выездные сани делал: двухместные, одноместные — какие пожелает заказчик. Прочные, красивые. Разрисовывал цветами. Люди любовались его изделиями. Была у него пристроенная к сараю мастерская. В ней жили, когда делали ремонт дома или вымораживали тараканов. За пекаркой (шириной с метр) была шомныша (по-теперешнему — кладовка). На полках там хранились продукты. Стояло в крынках молоко.

Задумал дядя Иван покурить, а табак забыл дома. Дверь, уходя, не закрыл. Пусть, думает, немного проветрится помещение. Поболтал со старухой, покурил. Идет обратно. Видит — дверь сильнее открыта. Гость что ли какой пришел? Смотрит — пес Лыско

передние ноги на полку поставил, а на задних ногах стоит, молоко лачет. Последнюю из трех крынок допивает. Дядя Иван дверь на крючок запирает. Ну, думает, — проучу сейчас разбойника. В углу стоял березовый прут. Взял его в руки, хотел треснуть Лыско по хорошему, но промахнулся. Лыско испугался, да такого прыжка дал через сани, что опрокинул ведро с краской. Ведро покатилося в угол, а краска разлилась по полу. Дядя Иван разозлился и начал гонять Лыско по мастерской. Пес — лапами в дверь. Закрыто. У дверей ему по хвосту немного перепало прутом. Он так струсил, что одним прыжком лапами вперед в окно кинулся. Рама сорвалась с гвоздей и с треском вылетела на улицу. Лыско в оконный проем выскочил. Рама осталась цела, но в переплетах — ни одного целого стекла. Собаки и след простыл. Долго сердился дядя Иван на своего помощника в охоте.

— Всякое бывает, — сказал Кузьмич. — Однажды я рыбачил на переметы. Улов был хороший. Перед утром сварил уху. Поел, попил чайку. Горел маленький огонек. На таганке висел чайник с кипятком. В тишине ночи наплывали разные мысли. Закричал журавль. Где-то рядом в лесу — на болоте — закуковала кукушка. Всполошились чайки. Летали с криками над рекой. У противоположного берега крикали и плескались утки. На опушке леса на разные голоса пели птицы. Из-за леса взошло солнце. Подгоняемый незаметным потоком воздуха, вниз по реке плыл редкий туман. Собирая на своем великом пути десятки речек и ручейков, несла воды могучая река, отдавая их студеному морю. Я смотрел на эти явления природы и думал: разве осмыслишь всю эту красоту? Кто-то шепнул моей грешной душе: «Помни, твои далекие предки жили на этой земле и с нее уходили навечно в иной мир. Все лучшее оставляли своим потомкам. Живешь ты. После будет жить новое поколение. Надо сохранить эту красоту».

КАРГОПОЛЬЕ

Настольный атлас А.Ф. Маркса. 1903 г.

Каргопольский уезд оформился в XVI веке из Онежской земли¹. В описании 1780 г. сказано: «В уезде места горбатые, каменные, болотные, по большей части лесные, знатных и высоких гор нет. Из уезда протекает река Онега, которая начало берет в том уезде на озере Лаче, впадает в океан-море... По оной реке лес, дрова и суда гонятся в город Каргополь и на устье Онежское в Двинской уезд. По той реке в здешнем уезде строятся суда малые: карбасы, лотки, чолны... Другая крупная река Волошка течет из Вытегорского уезда... Крупные озера Лаче, Водло, Кено, Мошенское... Сверх того, в уезде малых озер 270»². Административно-территориальная принадлежность этих земель часто менялась. С 1784 г. они находились в составе Олонецкого наместничества, с 1801 г. — Олонецкой губернии. В 1905 г. Каргопольский уезд состоял из 3 станов, 23 волостей и 75 сельских обществ³. В настоящее время Кенозерье и Лекшмозерье являются северной и южной частями Кенозерского национального парка на территории Архангельской области. Кенозерье относится к Плесецкому, а Лекшмозерье — к Каргопольскому району. Значительная часть территории Кенозерья в далеком прошлом принадлежала Кирилло-Челмогорской пустыни, основанной в 1316 г. преподобным иноком Кириллом, и Кенской Пахомиевой пустыни, строителем которой был преподобный Пахомий. После секуляризации 1764 г. оба монастыря пришли в упадок. Кенозерская, Кенорецкая и Лекшмозерская волости сравнительно с другими волостями Каргополя оказались наиболее устойчивыми при административном делении территории.

¹ Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII-XX вв. Архангельск, 1997. С. 71.

² Государственный архив Архангельской обл. (ГААО). Ф. И-993. Оп. 1. Д. 54. Л. 43-46.

³ Макаров Н.А. Церковные приходы и монастыри Кенозерья и Среднего Поонежья. Архангельск, 2007. С. 10.

В центре Кенозерья и Лекшмозерья — система озер ледникового происхождения с изрезанными берегами и множеством островов. Лекшмозеро расположено на высоком водоразделе, откуда реки стекают в Балтийский и Беломорский бассейны. Значительная часть берегов Кенозера имеет высокие и обрывистые скаты. Побережье Лекшмозера — пологое и мелководное. Холмы, покрытые лесом, сочетаются с бескрайними водными просторами. Климат озерного края мягкий, ровный, но погода изменчива. Неожиданно «падают» туманы.

Небольшие деревни раскинулись на мысах, островах, на берегах глубоких заливов. Лодка — главное транспортное средство в озерном краю. Озера — постоянный источник питания, воды, жизни. Крестьяне ставили дома «глазом на воду». Расположение зданий в древности определялось природными условиями (берег озера, например), а позднее — духовными, экономическими и социальными факторами (ориентация на храм или на дорогу). Чтобы хватало земли и покосов, крестьяне селились хуторами. Рыбу ловили ставными сетями, неводами, удочками.

На Кенозере преобладали новгородские приемы и формы хозяйствования. Основная форма земледелия — трехполье. Сенокосные угодья разбросаны по лесу небольшими участками в значительном удалении от сел, деревень и погостов. Планировка деревень не знала больших расстояний между строениями. Расположение домов зависело от характера местности и преобладающих ветров.

Среди кустарных крестьянских промыслов в Кенозерье наиболее заметны столярное и красильное дело, сапожное и швейное мастерство. В начале XX в. значительная часть мужского населения была занята «на отходе», занимаясь городским извозом, работой по найму, лесозаготовками. Здесь жили лучшие в регионе мастера по изготовлению лодок. Широко распространены кузнечный и мельничный промыслы, лесная охота, коллективные работы по строительству дорог.

Роль земледелия в Кенозерье была менее значимой, чем в Лекшмозерье. Лекшмозерье богато обширными посевными площадями, а в Кенозерье отхожие промыслы стали для крестьян постоянным источником дохода.

В деревне Шишкино (она входит в состав села Вершинино — самого крупного населенного пункта Кенозерья) родился и жил один из авторов публикуемых ниже воспоминаний — Афанасий Кузьмич Шишкин (1905 г.р.). Воспоминания записаны в 1980 году. Рукопись хранится в Архангельском областном краеведческом музее (АОКМ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 182). Публикуется впервые.

* * *

Коренные жители деревни Морщихинской на Лекшмозере — потомственные земледельцы и рыбаки. Рыболовство — артельный промысел. Артель создавалась на время лова, по мере надобности; в нее входили местные мужчины и (реже) женщины. В Лекшмозере водятся сиги, лещи, окуни, налимы, щуки, ерши, плотва. Как промысловые орудия использовались сети, невод, мутник, морды, уды. Неводом ловили ряпусов и сорогу. В предзимнее время местные жители промышляли ряпусов⁴. Летом часть рыбы сушили⁵.

Большое значение имели охота и звероловство. В лесу промышляли птиц (уток, тетеревов, рябчиков, глухарей, куропаток). Добывали пушного зверя. Охотились на медведей. Методом «подсочки» собирали смолу, из березовой коры и веток гнали деготь⁶.

Работа в кузнице связана с сельскохозяйственной деятельностью. Крестьянские общины содержали водяные мельницы, на которых «в очередь» мололи зерно.

Предметы быта и многие орудия труда были «своедельными». Из бересты, лучины и дерева крестьяне изготавливали бураки, короба, лукошки, корзины, туеса, блюда-плетенки. Основным

⁴ Гунн Г.П. Каргопольский озерный край. М., 1984. С. 184.

⁵ Мелехова Г.Н. Русские. Традиционный уклад Лекшмозерья. М., 1993. С. 284.

⁶ Там же.

видом рабочей и будничной обуви в зависимости от сезона были лапти, валенки, кожаные сапоги и туфли (ступни)⁷.

Уроженец Морщининской Николай Морозов (1902 г.р.) прислал свои воспоминания в Лекшмозерскую среднюю школу из Сыктывкара в январе 1988 г., где она и находится в настоящее время.

* * *

К Лекшмозерью примыкала Шильдская волость Каргопольского уезда Олонецкой губернии. Ее территория раскинулась на водоразделе бассейнов Волги и Онеги. Центр водораздела — болото, разделенное островками суходола. Из этого болота в разных направлениях вытекают реки. В 50 километрах от Шильды на запад близко сходятся верховья рек Адомы (впадает в Онежское озеро) и Сойды (впадает в Кемское озеро), Ухты и Тиманьги (впадают в озеро Лаче). Это уже водораздел между тремя морями: Белым, Балтийским и Каспийским.

Расположена Шильда посреди лесного массива, восточнее Онежского озера, на пологом восточном склоне Андомского горного кряжа. По этому склону на восток текут реки Лекшма, Тиманьга и Ухта, впадающие в озеро Лаче. Эти реки пересекали Архангельский почтовый тракт — грунтовую дорогу из Санкт-Петербурга в Архангельск. Дорога проходит через три уездных города: Лодейное Поле, Вытегру и Каргополь.

По рекам возникали древнейшие торговые центры. Речными бассейнами направлялось размещение населения. Реки, в отличие от озер, не способствовали обособлению деревень, сел, погостов, поэтому речная культура более однообразна, нежели озерная.

Вытегорский уезд состоял из 12 волостей, одна из которых называлась Шильдской. Кузнецова — одна из деревень Шильдской волости. Деревня Кузнецова входила в состав Шильдской волости, Вытегорского уезда, Олонецкой губернии, находилась неподалеку от деревни Кречетово, расположенной на почтовом тракте Вытегра - Анненский мост - Кречетово - Каргополь.

⁷ Там же.

Центр Шильдской волости — деревня Григорьева — раскинулась в 5–6 километрах от деревень Кречетово и Медведевой Кирилловского уезда, находящихся на Архангельском тракте. В Медведевой Архангельский тракт пересекался с рекой Шильдой, в верховьях которой по берегам расположены деревни Шильдской волости.

Восемнадцать деревень волости с населением около 3300 человек окружены лесами 19-го Кречетовского удельного имения Вологодского удельного округа Министерства императорского двора и уделов.

Поля деревни Кузнецовой примыкали к бывшей границе между Олонецкой и Новгородской губерниями. Кузнецова опоясана ложбиной, покрытой валунами, поросшей кустами ольхи, вереска. Ложбину называли Ляговиной. Деревня стояла на холме высотой около 10 метров. На глубине 40–50 сантиметров от поверхности земли залегает слой глины, которая использовалась для изготовления кирпичей, устройства и ремонта плотин у водяных мельниц. Основным занятием местных жителей было сельское хозяйство и скотоводство. Земли не хватало. Покосы были скудными.

Житель деревни Кузнецовой Шильдской волости Иван Матвеевич Митяков (1902 г.р.) написал воспоминания в 1977 г. Рукопись прислана автором в Архангельский областной краеведческий музей (АОКМ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 136).

Афанасий Кузьмич Шишкин

КЕНОЗЁРЫ И КЕНОЗЕРО

Волость в Пудожском уезде

Помню, в 1926 году побывал у нас председатель Вологодского губисполкома Маслов. Поднялся со мною на гору, что нависла над деревней Шишкиной. Любуясь живописным ландшафтом озера, он воскликнул: «Ах, какая красота! Это же другая Швейцария! Вот где следовало бы строить дома отдыха и санатории!»

А я смотрел на закат солнца и радовался, что наше родное, милое сердцу Кенозеро понравилось председателю губисполкома.

Было время царского владычества на Руси, когда наше Кенозеро, оторванное от железнодорожных путей почти на двести километров, как и вся бывшая Олонецкая губерния, считалось самым глухим местом — «краем непуганых птиц».

Издавна к нам ссылали неугодных царю лиц. Я хорошо помню, что и в нашей деревне жили ссыльные. Их было много. Одни, отбыв срок, уезжали. К ним на смену приезжали другие.

Долгое время шишкинцы добрым словом вспоминали ссыльного врача Редькина и его жену акушерку. Они жили в нашем доме и всегда оказывали медицинскую помощь нуждающимся. Их я не помню, да и не мог помнить, так как они вернулись в Петроград, когда меня еще не существовало на свете. Рассказали мне о них мои родители.

Кенозерская волость — самая большая в Пудожском уезде — семьдесят шесть деревень. Большинство их расположено по берегам озера. Лишь несколько деревень находятся на отшибе в 25–30 километрах от центра — деревни Вершининой. В такие деревни, как Заволочье или Яблонь-Горка, в летнее время трудно

Вид на Кенозеро с горы у деревни Шишкиной. Фото С. Рапенковой 2009 г.

попасть. Через волость можно проехать только верхом на лошади или пройти пешком.

Самыми зажиточными деревнями были Поромское и Караник. Крестьяне этих деревень жили своим хлебом и даже частично продавали его на сторону. В других деревнях волости жили беднее. Зажиточные крестьяне за помощью никуда не обращались. А вот бедняки не могли похвастаться, что едят чистый ржаной хлеб. Уже в январе хозяйки начинали добавлять в муку картошку и другие примеси, часто несъедобного характера, а о белой булке могли только мечтать. Не было денег на керосин. Жгли лучину. Экономили на всем. изнашивался кафтан или шубенка, клали заплаты, и опять в них ходили. Ситцевую рубашку и матерчатые штаны одевали только в праздничные дни, а в остальное время — грубые рубахи и портки из домашнего холста. Женщины носили холщовые рубахи, только их верхняя часть была ситцевой. Что делать? Бедность научит, как жить.

Всё это заставляло идти на отхожие заработки. Зимой уезжали на своих лошадях в деревню Кумбас-озеро на лесозаготовку. Заготавливали лесоматериалы и дрова для пудожского лесопромышленника купца Катайкова. А весна настанет, уходили на сплав. Плату получали хлебом или деньгами.

В дореволюционные времена в Кенозере почти в каждой деревне можно было увидеть курную избу. Вместо дымохода в потолке прорубалось отверстие. Дым расходился по всей избе и постепенно выходил через потолочное отверстие. Стены и потолки были черными, будто их покрасили черной краской.

Такая курная изба Егора Шишкина простояла до 1930 года. Ее осматривали приезжающие экспедиции. Так, в 1926 году в Кенозере побывала этнографическая экспедиция Московского исторического музея (братьев Юрия и Бориса Соколовых). Художник нарисовал этот дом. Изба настолько была стара, что почти на метр наклонялась «лицом» на дорогу. Мимо избы было страшно ходить, но дядя Егор продолжал в ней жить. Чтобы не упала, он поставил бревенчатые подпорки.

Самовар

Кенозёры — большие любители почаевничать. Попьют чаю, полотенцем пот оботрут — и опять пьют. Пока не опустошат самовар, из-за стола не выйдут. По четыре-пять чашек выпивают. Самовар был у каждого хозяина, даже у самого бедного. На Кенозере считают за срам для себя из чайника чай пить.

Знали это и волостные управители. Вот почему за неуплату налогов в первую очередь описывали и уносили самовар. Не всегда это им удавалось. К их приходу самовар обычно был спрятан. Ищи-свищи! Черта с два найдешь!

Помню, к нам на деревню заявили староста с урядником. Я живо смекнул, в чем дело! Побежал домой, открываю дверь и кричу: «Бабушка, самовар!»

Не надо лишних слов. Бабушка меня поняла. Она у нас боевая старуха была. До девяноста годов дожила, а все бегом бегала.

Схватила самовар в охапку — и за печь! Приподняла топором одну половицу — и спрятала. А самовару не привыкать. Он уж там под арестом не раз бывал.

Управившись, бабушка, как ни в чем не бывало, села за прялку и нитки сучит.

В сенях затопали. Вошел староста, а за ним — урядник. Усы у него, что у нашего кота, глазами так и зыркает. Староста сурово взглянул на бабушку и спросил:

— Ты чего, Феофанья, гостей плохо встречаешь?

— Да гости-то не больно желанные.

— Ишь ты, как разговариваешь! А нам, между прочим, некогда с тобой разговаривать. Недоимки у вас. Платить надо.

— Знаю, что надо. Вот сын Кузьма пришлет денег, и заплатим, а сейчас нечем.

— Поздно будет. Ждать не можем. Придется самовар в недоимку забрать.

— И-и-и, батюшка! Нет у нас самовара. Намедни по дурости я наложила огня в самовар, а воду налить забыла. Вот самовар и развалился.

— Ври больше, дура старая!

— А ты не ругайся! Как будто бы не положено служивому человеку ругаться.

— Нам все положено! Вот сейчас найду самовар и заберу.

— Ищи, ищи! А может, возьмешь в недоимку нашего старого кота? Он все равно скоро сдохнет.

— Молчи, старая!

Повертелись староста с урядником, во все углы заглянули. Даже под печку посмотрели. Так ни с чем и ушли.

Ярмарка

По большим праздникам в Кенозере на Погосте устраивались ярмарки. Особенно оживленными были Крещенская и Покровская ярмарки. Издалека наезжали купцы: из Ошевенска, Каргополя, Пудожи.

Торговые бревенчатые ряды выстроены много лет назад. Ломились от товара. Чего здесь только не было! Мануфактура разных расцветок, товары для женщин: юбки, кофточки, платки, косынки. Мужские картузы и шапки-ушанки. Разве перечтешь! Отдельные лари заняты были продуктовыми, кондитерскими и хозяйственными товарами. По другой стороне площади установлены временные палатки для книжной торговли, всевозможных картин и лубков.

На песчаной площади, что тянется от Погоста к деревне Дьяковской, расположились с товарами кустари-ремесленники. Горшечники разложили глиняную посуду: корчаги для тушения углей, горшки, латки, кринки для молока и детские свистульки. Бондари выставляли свою деревянную тару: ушаты, бочонки, ведра. А вот и разный хозяйственный инвентарь кустарного производства: прялки и дуги расписные, колеса, вилы, грабли. Чего только нет! — Всё, что требуется крестьянину.

Когда я, Мишка Ряжин и Тимошка Шогин пришли, ярмарка было в разгаре. Батюшки мои, сколько народу! Как будто все кенозёры поднялись. Шум, гам, ругань. Не обошлось и без драки. Двое пьяненьких мужиков чего-то не поделили. Один заехал в ухо другому, и началась потасовка! Образовалась толпа. Где бы унять буянов, разъединить, а вместо этого охочие до развлечений подзадоривают, разжигают страсти. Не известно, чем бы дело кончилось, если бы урядник и стражники не вмешались. Разняли они голубчиков, связали им руки и куда-то увели.

*Каргопольская набойка.
Каргопольский государственный
историко-архитектурный
и художественный музей*

Толкаясь среди людей, мы останавливались у ларьков. Любовались товарами, но что купишь, когда денег нет? Как говорится: «В правом кармане — вошь на аркане, а в левом — блоха на цепи». Правда, у меня было три копейки. Заработал я их, когда сводил слепого шинкаря Ефимку на Погост за водкой. За это он мне три копейки сунул в руку.

Мишка с Тимошкой купили себе по свистулке — и ходят, посвистывают. Уговаривали и меня купить, но я отказался. Подошли к ларьку с книгами. Глаза разгорелись. Какие красивые и, наверно, интересные книжки! Отобрал одну — «Как солдат спас Петра Великого» и спросил:

— Сколько стоит?

— Четыре копейки.

Я поник головой.

— Дяденька, у меня только три копейки. Больше нет.

Торговец посмотрел на меня пристально и усмехнулся:

— Ладно, забирай! Где наше не пропадало!

Долго мы толкались на ярмарке. Пошли домой, когда народ начал расходиться, да и голод стал донимать.

Зоновы

Деревня у нас небольшая. Всего двадцать домов. За исключением двух семей, все по фамилии Шишкины. В стародавние времена придумали наши предки для удобства и связи друг с другом разные прозвища. У нас первоначально было прозвище Сотковы. Потом почему-то это прозвище забылось, и нас стали звать Зоновы. Откуда оно возникло, я узнал у Григория Ивановича Маурина. Дядя Гриша был интересным человеком. Любил пошутить и рассказать какую-нибудь занимательную историю.

Раз я пришел к нему. Он сидел и шил сапоги.

— Здравствуй, дядя Гриша!

— А-а, Офонасий! Здравствуй, здравствуй! Ну, садись сюда поближе. Поговорим. Петьки нашего нет. Ушел, а куда — не знаю. Так ты, говоришь, деда своего не помнишь?

— Не помню, я маленьким был.

— Да-да, где тебе помнить! Хороший старичок. Двадцать лет солдатскую лямку тянул. Вот тогда какая служба была! Где-то в Польше нес службу. А ты знаешь, почему вас Зоновыми называют?

— Не знаю.

— Да и где тебе знать! Вот нас Мауриными прозывают. Не знаю, почему, откуда и когда появилось это прозвище. А вот ваше прозвище — от песни.

— Как от песни? Расскажи, дядя Гриша!

— Ну, слушай! Ваш покойный дедушка Иван Осипович веселый человек был. Бывало, выпьет немного и запоет:

Хаечка стояла,
Водкой торговала.
Водочку мы пили,
Хаечку любили.
Зон, зон, вейка моя.
Трай, -рий, -рай.
Бом, бом, бом.

А песня-то какая? — Припев несуразный. Дедушка ваш, видно, привез ее из Польши. Такой песни я не слышал в наших краях, а дед ее любил и часто пел. Вот с тех пор и стали вас называть Зоновыми.

Проси милостыню

Маму звали Ульяна. Маленькая и худенькая, много горя она перенесла и пролила немало слез в своей жизни. Отец часто уходил в город на заработки и редко когда высылал на расходы десятку. Вся тяжесть хозяйственных дел легла на плечи матери. Когда брату Косте исполнился двенадцатый год, он стал во всем помогать матери. Первый раз выехал в поле и пахал с утра до вечера.

Кроме Кости, нас у мамы было еще трое: я, младший брат Миша, сестра Маша и бабка Феофания. У мамы одна забота: как прокормить столько ртов?

Подмела она в кадушке последние остатки муки, растворила в квашне, добавила мелкой намятой картошки, испекла хлеб. А дальше как жить? Не надеясь на помощь, она все же сунулась к своему родному брату Семену Сидорову, что живет в Заболотье. Тот выслушал ее и на просьбу помочь ответил:

— Что ж ты, сестра, думаешь, у меня закрома ломятся от хлеба? Рад бы тебе помочь, да не вижу как.

Когда мама со слезами на глазах собралась уходить, он проговорил:

— Вот что, Ульяна. Я немного тебе муки дам. А только тебе за это придется весь навоз из двора и хлевов собрать в кучу.

Три дня мама и брат вытаскивали навоз со двора и хлевов на улицу и получили только 15 фунтов муки.

Однажды вечером, когда мы все были дома, мама со слезами посмотрела на нас и грустно проговорила:

— Сыночки, что будем делать? Завтра воскресенье, а у нас и куска хлеба нет. Михайловна посоветовала послать вас милостыню собирать. Родные мои, не обижайтесь на меня, но что я могу поделат? Денег нет ни копейки. Купить хлеба не на что.

Я молчал. Костя заплакал и с горечью проговорил:

— Стыд-то какой! Ребята смеяться над нами будут.

— Знаю, что стыдно. А ребята посмеются и перестанут. Те, кто сами живут в нужде, смеяться не будут.

— Хорошо, мама, пойдем. Только в своей деревне не заставляй нас просить.

— Хорошо, сынок!

Долго не спал в эту ночь Костя. С горечью думал о том, как неудачно сложилась их жизнь. Сколько горя и забот доставляют они матери, чтобы она могла поднять их на ноги. Не спала и мама. Лишь только на рассвете забылась тяжелым тревожным сном.

На другой день, молча, стараясь не заплакать, одевался Костя. Когда взял в руки принесенную матерью корзину, слезы ручьем потекли у него из глаз. Глядя на брата, заплакал и я. Так, заливаясь слезами, мы вышли из избы. Долго мать глядела в окно,

а в углу у кровати всхлипывала бабка Феофания, утирая слезы рукавом старой кофты.

Деревня Вершинина, куда мы пришли, раскинулась на берегу вдоль дороги длинным рядом построек. Мы несмело вошли в первую избу и молча остановились у порога. Хозяйка хлопотала возле печки. Увидев нас, спросила:

— Чьи вы, ребяташки?

— Зоновы, тетенька.

— Не Федосеевны ли будете детки?

— Да, тетенька, — всхлинул Костя.

— Бедные вы мои ребяташки! Да не плачь ты, паренек! Что поделаешь? Со всяким это может случиться. Эх, ты жизнь наша горемычная!

С этими словами добрая женщина сняла с полки и положила в нашу корзину две лепешки, только что вынутые из печки.

Везде, куда бы мы ни заходили, нас жалели. Хорошо с нами обходились и подавали целыми пирогами и маленькими хлебцами. Тетка Анна Баженова даже усадила нас за стол и покормила горячими щами. Мы повеселели и уже не боялись заходить в избы. Небольшой обшитый тесом домик дяди Семена с покрашенными резными наличниками мы пробежали. Ну, его к черту! Еще нотацию читать будет!

На Погосте зашли в чисто убранный кухню попа Владимира. Попадья, толстая, дородная женщина, с отвисшим подбородком и заплывшими от жира глазами, неприветливо на нас посмотрела:

— Что надо?

— Подайте, Христа ради!

— Бог подаст. Нечего побираться. Идите, идите! Ишь, наследили. Снегу нанесли!

Мы, как ошпаренные, выскочили за дверь. Под вечер, радостные и довольные, с тяжелой корзиной мы возвращались домой. Мама уже давно посматривала в окно. Вдруг она услышала, как Костя детским голосом выводил:

Бывали дни веселые,
Гулял я, молодец.
Не знал тоски-кручинушки,
Как вольный удалец!

— Глупенькие вы мои, несмышленыши, — прошептала мама.

— Вот мы и пришли, — сказал Костя, входя в избу, и поставил тяжелую корзину на стол.

— Родимые вы мои! — заплакала мать. — Никогда вы больше не пойдете, как бы нам тяжело ни было! Слишком уж дорого это стоит.

И действительно, с тех пор мы никогда не ходили побираться, хотя и были трудные дни в нашей жизни.

Покушение

По Кенозеру распространился слух о покушении на земского начальника в деревне Глазово. В деревнях только и разговору было, как об этом событии. Что и как произошло, говорили по-разному. Никто толком не мог рассказать, пока из деревни Рыжковой к нам в деревню не пришла Анна Плахина.

— Ой, батюшки мои, что там только было! Приехал на Глазово земский начальник, злой-презлой, а с ним урядник и два стражника. Собрал собрание и напустился на мужиков. Начал кричать:

— Ах вы, каналы! Не хотите налогов платить?! От общественных работ увиливаете? В тюрьме сгною, а заставлю уважать законы Его Величества Императора нашего! Не будете налогов платить, последнюю корову со двора уведем и продадим с торгов, а своего добьемся!

Земский начальник кричал, повышая голос, а мужики молчали. Да и что они могли сказать? Только один старик, Аникиева Павла отец, осмелился выступить:

— Господин начальник, поймите меня правильно. Задержка с выплатой податей — не наша вина. Год сегошний был неурожайный. Хлебец-то не народился. Продать нечего, чтобы рассчитаться с налогами, а других доходов нет.

Тут земский начальник так заорал на него, что у старика даже ноги затряслись.

— Что-о-о?! Не ваша вина?! Так кто же виноват, что вы не платите денег? Я что ли? Ах, каналья! На водку, небось, деньги находите!

Может, еще долго бы барин кричал на мужиков, да его позвали кушать в избу, где он остановился.

Дело было вечером. На улице стало темнеть. Вот тут-то Иван Трухин и выстрелил в земского начальника да промахнулся. Пуля пролетела мимо головы. Барин отделался испугом. В избе поднялся переполох. Хозяйка в обморок упала, а муж бегал по избе и кричал:

— Господи, Господи! Что же это такое?!

Как только выстрел раздался, урядник со стражниками выбежал на крыльцо. Видят, кто-то убегает с ружьем. Они — вслед. Так Ивана Трухина и сцапали. Говорят, что урядник и стражники без всякой жалости так его били, что он лишился чувств.

— Эх, жаль парня. Теперь его закатают на каторгу, — проговорил Андрей Лукин.

— А я, мужики, считаю, что не надо было стрелять. Этим положение не улучшишь. Ну, что это даст? Одного убьешь, другого назначат. Еще хуже будет, — сказал Тимофей Плахин.

Школа

Осенью в школе начались занятия. Я частенько с завистью выглядывал из-за угла, как горские ребята с шумом и гамом проходили по нашей деревне. К ним присоединялись и местные школьники.

Мы с Тимошкой попытались поступить в школу, но ничего из этого не вышло. Нас увидел брат Костя и закричал:

— Зачем пришли! Все равно вас не примут!

А мы, как ни в чем не бывало, сели и ждем учителя. Немного времени спустя, он появился. Увидев нас, спросил:

— Что, мальчики, в школу хотите?

Мы не успели рта раскрыть, Костя выпалил:

— Сергей Иванович, им еще рано в школу ходить! Только что исполнилось по семь годов.

— Что же вы, друзья, торопитесь? Потерпите еще годик, поешьте каши и приходите. Тогда обязательно приму, а теперь — домой, домой!

С большой обидой мы пошли домой. Ругали Костю, учителя. От злости бросали камнями в забор. Под ноги мне подвернулась кошка. Я ее пнул, будто она виновата, что нас не приняли в школу.

Мать меня успокаивала:

— Зачем ты так переживаешь, сынок? Не расстраивайся. Сей год не приняли, в следующем году обязательно примут.

Зима пролетела быстро. Миновала многоводная весна. Незаметно прошло жаркое лето. Снова наступила осень. Нас с Тишкой зачислили в школу без всяких разговоров.

Наша школа считалась одной из лучших в уезде. Она была расположена на окраине Вершининой, неподалеку от нашей деревни, обнесена большим забором. На вывеске — громкое название: «Кенозерское образцовое двухклассное Министерское училище».

При школе когда-то действовала столярная мастерская. Там стояли несколько станков, а инструменты были сломаны и большей частью растасканы. Кабинеты неплохо оборудованы разными приборами и наглядными пособиями. Сохранился микроскоп, лабораторная стеклянная посуда, разные механизмы, коллекции минералов и геометрических тел. Имелись большие классные счеты и десяток настольных. Узким коридором здание разделялось на два классных зала. В одном занимались первый и второй классы, во втором размещались третий, четвертый и пятый классы. Так как в остальных школах волости не было четвертого и пятого класса, школьники продолжали учебу в нашей школе. Таких учеников было немного, да и то из числа детей зажиточных крестьян.

Пустующая мастерская служила раздевалкой и местом отдыха учащихся в перерывах между занятиями. Во время перемены в класс входить воспрещалось. Если учитель заставал кого-нибудь в классе, он обязательно их наказывал. Заставлял часами стоять

*Кенозерские мальчишки. Фото 1930-х гг.
Архив Кенозерского национального парка (КНП)*

в углу или оставлял в школе после уроков. Старшеклассники этим злоупотребляли. Затаскивали какого-либо первогодка в класс, закрывали дверь, не давали выйти обратно, а бедняга стоял и ждал наказания. Такая участь постигла и нас с Тимошкой в первый день занятий. Я пытался объясниться. Учитель и слушать не хотел — поставил обоих в угол.

Ссылные

Незадолго до начала войны с немцами, к нам в деревню прибыли новые ссыльные. Их было двое. Остановившись в деревне, они с любопытством озирались по сторонам. Посматривали на дома и постройки, на проходивших мимо мужчин и женщин. Одно из них звали Федором. Это был широкоплечий среднего роста мужчина с густой шапкой волос, зачесанных назад, в русской кофеворотке и черном пиджаке. Внешность выдавала в нем рабочего.

Второго звали Августович. В противоположность Федору, это был интеллигентного вида человек: худощавый, рослый, с белокурыми, зачесанными на пробор волосами, в серой шляпе и такого же цвета малоподержанном костюме.

На вопрос урядника, где бы их можно определить на жительство, Никита Бардов посоветовал обратиться к Ивану Репину и Осипу Маурину.

Ссылный Августович остановился на жительство в горенке Осипа Маурина. Оказался домоседом. Много читал и занимался писаниной. Под вечер выходил прогуляться в рощу, долго сидел на берегу озера. Общительный Федор часто бывал на людях, беседовал с народом и вскоре перезнакомился со всеми жителями деревни.

Война

Телефонной связи между Кенозером и уездом не было. Весть о начавшейся войне докатилась с опозданием дня на два. Ее привез из Пудожа в Волостное правление курьер с пакетом о демобилизации. Приказ взбудоражил волость. В каждой семье горе и слезы. Матери плакали по сыновьям, жены — по мужьям, сестры — о братьях. Кто знает, встретятся ли они вновь? Не каждому выпадает счастливая судьба вернуться домой.

Несмотря на то, что кабак на погосте закрыт, кое-где у соседей нашлась выпивка, оставленная про запас. Не только слезы проливались, но и песню можно было услышать:

Последний нынешний денечек
Гуляю с вами я, друзья,
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя семья.

Большевики

С тех пор, как началась война, прошел год, второй, наступил третий, а ей не видно конца и краю. Раньше надеялись, что война долго не продлится, против России да ее союзников немцам не вы-

стоять. Эти надежды теперь лопнули, как мыльный пузырь. Враг не ослаб. Не только воюет, но и наступает. Наши войска несут большие потери. Уже сколько отцов и сыновей погибло! Сколько слез пролито по ним! А на смену им посылают все новое и новое «пушечное мясо». Из нашей деревни в армию ушли Николай Сорокин, Володька Репин, мой брат Костя.

В деревне никто не выписывал газет, и о том, что происходит на фронтах, узнавали по слухам. Из солдатских писем ничего не поймешь. Если напишешь правду, цензура не пропустит. Да и солдату за военные новости не избежать наказания.

Как-то собрались шишкинские мужики у Шогина Офони и толкуют об этом. Бардов Никита говорит:

— Позовем-ка ссыльного Федора. Он больше нашего знает. Человек грамотный, газеты читает. Вот он нам и расскажет, что в газетах пишут.

А ссыльного не пришлось ждать. Он сам пришел.

— Здравствуйте, граждане! О чем разговор?

— Разговор теперь один, Федор Иванович, — о войне. Мы уж хотели за вами идти, а вы сами пришли. Рассказали бы вы, что в газетах-то о войне пишут.

— Прости, батюшка, меня, старуху глупую, — вмешалась в разговор Устинья Маурина, Петькина мать, — хотелось бы нам сегодня послушать о том, что творится на войне. Когда она, проклятая, наконец, кончится? Знаем мы, что вы — человек образо-

Кенозерские призывники.

Фото нач. XX в.

Архив КНП

ванный, газеты читаете. Прослышаны мы и том, что вы за нас, горемычных, здесь страдаете.

Старушку поддержали все присутствующие:

— И то, правда, Федор Иванович, расскажи. Да не бойся. Здесь все люди свои.

Долго в этот вечер рассказывал ссыльный Федор о том, из-за чего началась война. Кто и почему ее затеял. Кто такие большевики и чего они добиваются.

— Трудовому народу, рабочим и крестьянам, война не нужна. Она необходима капиталистам и помещикам, чтобы набивать свои карманы. Им мало тех доходов, что они получают, обирая свой народ. Они ищут новых рынков для сбыта своих товаров. Для этого и развязали кровопролитную мировую бойню. Большевики — партия рабочих и крестьянства — борется сейчас за превращение мировой войны в гражданскую, за свержение царского правительства и установление власти пролетариата. Только при этой власти радостно вздохнет трудовой народ. Рабочий класс будет хозяином фабрик и заводов, а крестьянство получит помещичьи и монастырские земли. Этого хочет наша партия. Так учит и к этому нас ведет наш партийный вождь Владимир Ильич Ленин.

— Все это хорошо, Иванович. Вы рассказали нам о наших сокровенных мечтах и чаяниях. Но как далеки они от действительности! Это же несбыточные мечты. «Улита едет — когда-то будет». У царя сила: армия, оружие, деньги. Где все это возьмут большевики? — с грустью сказал Тимофей Плахин.

— Не спорю, Тимофей. Трудности предстоят большие. Но на то мы и большевики, чтобы их преодолеть. И мы их преодолеем. Армия будет на нашей стороне. В ее рядах уже работают десятки тысяч наших товарищей. Поверьте мне, день осуществления вашей мечты не за горами.

Долго и внимательно в этот вечер слушали шишкинцы Федора. Расходясь по домам, мужики и бабы его благодарили:

— Душевный вы человек, Иванович! Большое Вам спасибо. А на счет разговоров будьте спокойны. Знаем. Никто слова не проронит.

Школьный огород

На приусадебных землях в Кенозере издавна сажали картофель, лук, немного редьки, а на вырубках в лесу — репу. Такие овощи, как капусту, морковь, огурцы и помидоры, у нас не принято было выращивать. О них большинство крестьян даже и понятия не имело. А ведь эти овощи были бы хорошим подспорьем в хозяйстве!

Чтобы привить любовь местного населения к разведению новых овощей, учитель Сергей Иванович ежегодно во время летних каникул приглашал учащихся работать на школьном огороде.

Желающих оказалось немного. Всего трое. Я, Мишка Репин и Колька Губин с Вершининой.

Утром я проснулся рано. День выдался на редкость тихий и солнечный. Наскоро закусив, я зашел к Мишке, и вместе мы побежали на школьную усадьбу.

Сергея Ивановича нашли у парников. Там уже был Николка. Закончив поливку капустной и огуречной рассады, учитель повел нас на школьный огород, показал, где мы должны работать.

— Вот ваш участок. Каждому по три грядки. Начинайте, работайте! Что вырастите, всё ваше! Помните, что урожай зависит от вас самих, — и рассказал, как и с чего следует начинать.

Работали дружно и хорошо. Общими силами натаскали на участок мелкого конского навоза и разбросали по земле. Потом эту землю перекопали лопатами. Копать было трудно. Пот катился ручьем, но это нас не смущало. К двум часам работа была закончена. Грядки подготовлены к посадке. Сергей Иванович похвалил:

— Молодцы, хорошо потрудились! На сегодня хватит. Идите отдыхать. За посадку примемся завтра.

— А что мы посадим?

— Как что? — Капусту, огурцы, морковь, свеклу.

— Сергей Иванович, а где мы семена возьмем?

— Не беспокойтесь. За этим дело не станет. Семена у меня есть.

Мы возвращались домой усталые и довольные собой. Не жалели о том, что согласились работать на огороде.

Я рассказал матери, как хорошо работали, что Сергей Иванович обещал нам отдать весь урожай с выделенного участка.

— А вы бы, сынок, помогли учителю его грядки-то обкопать!

— Мы, мама, хотели, но он не разрешил. Говорит, сам справлюсь. Времени хватит.

— Да, да. Ваш учитель справедливый человек. Вот что, сынок. Нам нужно иметь свой огород. Давно думаю об этом, да все руки не доходят.

Мысль об огороде, подсказанная матерью, глубоко запала мне в голову. В самом деле, почему не раскопать свой огород? У избы земля хорошая. Не откладывая, я уже в тот день начал немного копать.

Утром следующего дня мы с Мишкой опять работали на школьном огороде. Посадили рассаду — капусту и огурцы, а потом засеяли морковь и свеклу. Натаскали воды и полили посадки.

— Вот вы и закончили работу! Теперь не забывайте ежедневно вечером поливать. Чтобы привились ростки, взошли свекла и морковь, нужна влага. Когда дождь, поливать не требуется.

Смущаясь, я подошел к учителю.

— Сергей Иванович, если я дома раскопаю огород, вы мне дадите немного семян и рассады?

— Правильно надумал. Если есть возможность раскопать огород, копай. Семян и рассаду я дам. Если кому в деревне нужна рассада, пусть приходят ко мне.

В этот день я опять трудился под окном. Копать целину трудно. Но я не сдавался. Вышла мама, взяла у меня лопату и начала копать.

— Иди, отдыхай. На сегодня хватит. Уже много накопал.

Через пять дней работа на своем огороде была закончена. Земля оказалась хорошей. Одну грядку я засадил луком. На остальных трех грядках посеял морковь, ростки огурцов и капусты.

Терпеливо и любовно ухаживал за огородом. Ежедневно носил с озера воду, поливал грядки своего и школьного участка. Молодые, еще не окрепшие ростки огурцов, на ночь тщательно при-

*Деревня на Кенозере. Фото 1950-х гг.
Архив КНП*

кывал соломой. Скоро на грядках весело зазеленели небольшие всходы свеклы и моркови, ростки огурцов и капусты дали дополнительные листочки. Мне было радостно. Труды не пропали даром.

Февраль 1917 года

Весть о Февральской революции 1917 года, хотя и с опозданием, докатилась до Кенозера. У шишкинцев только и разговору было, что о событиях, разыгравшихся в Петрограде. Без всякого зова собирались мужики и бабы в большой избе Афанасия Шогина. Подолгу засиживались, слушая новости, которые приносил сслынный Федор.

Из всего происходящего они поняли, что царя больше нет, что образовано Временное правительство из числа капиталистов и крупной буржуазии.

Радости никто не проявлял. Да и чего радоваться? Мужу от такого правительства лучше не станет.

— Те же портки, только назад гачником, — промолвил дядя Афоня.

— Хрен редьки не слаще. При Миколашке нашего брата мужика жали, да и от этих правителей хорошего не жди. Новые правители по-прежнему хотят продолжать войну. Не считаются, хотим мы этого или нет. Эх, не такого мы правительства, Иваныч, ожидали!

— Не всегда гладко получается, Иван Кузьмич. Подожди немного. Вот возвратится товарищ Ленин, и с его помощью народ прогонит новоиспеченных правителей. На что крепко сидели Романовы на своем троне! Триста лет нашего брата мытарили, но пришел конец.

— А Сашку Керенского с его министрами народ долго не терпит, — авторитетно заявил Тимофей Плахин.

Агитатор

На широкой площади у Волостного правления оживленно. Послушать приезжего из Пудожа агитатора собрались мужики не только из ближайших, но и отдаленных селений. Со всех сторон прибывали: на лодках, на подводах и пешком. Мы с Мишкой пробрались сквозь толпу, удобно устроились на старых, прогнивших от времени бревнах, и с интересом наблюдали, как шумит и бурлит многочисленная толпа.

Наконец, дверь правления отворилась. На крыльцо вышли трое мужчин. Двух из них — Тишина Василия, недавно избранного председателя правления, и безрукого писаря — местного эсера Ершова Тимофея, мы знали. Третий, одетый во френч темно-зеленого цвета и галифе, сухощавый мужчина тридцати пяти лет был приезжим. «Видимо, это и есть агитатор», — подумал я. Тишинин подошел к перилам крыльца и громко объявил:

— Граждане! Сейчас выступит представитель уездного комитета партии социалистов-революционеров товарищ Алехин.

— Давай, давай! Послушаем, что он нам хорошего скажет.

Председатель отошел в сторону. Его место занял Алехин. Откинув ногу в новом хромовом сапоге и картинно размахивая рукой, он начал:

— Граждане! Мужички! Поздравляю вас! Сбылась вековая мечта человечества! Не стало самодержавия. Наступила новая эра. Над страдалицей Россией засияла заря свободы. Волею свободного народа образовано ныне новое Временное правительство, которое осуществит все законные требования народа.

Толпа загудела. Послышались одобрительные возгласы. Оратор продолжал:

— Чтобы исполнить эти справедливые требования, понадобится время. Прежде всего, следует закончить войну. Народ устал от войны. Она всем надоела. Но чтобы заключить мир, мы должны выйти из войны с победой. Наша доблестная армия должна перейти в решительное наступление и разгромить врага. В этом нам мешают продавшиеся немцам большевики. При поддержке разложившихся военных частей они пытаются свергнуть Временное правительство и захватить власть в свои руки. Граждане мужички! Не верьте большевикам! Ваш долг — долг русского народа — твердо выступить в защиту законного правительства и довести войну до победного конца!

— Ишь, заливается, словно соловей, — сказал насмешливо сидевший рядом с нами рябой мужик в рваном кафтанишке.

— Ты, господин хороший, нам здесь свои антимонии не разводи! А лучше скажи, как стоит вопрос о земле. Думаете ли вы наделять мужиков землей?

Толпа присмирела. Сотни глаз с любопытством уставились на приезжего оратора. Он растерялся. Переминаясь с ноги на ногу, нерешительно ответил:

— Сейчас еще рано ставить вопрос о земле.

— Как это рано? — слышались недовольные голоса.

— Земельный вопрос будет решать Учредительное собрание после окончания войны.

— Вот ты куда хватил! — раздался голос Тимофея Плахина:

— Ждать, когда война окончится?! Нет, мил человек! Мы ждать не собираемся. Как-либо без вашего Учредительного собрания обойдемся.

— Правильно, Тимофей Иванович! Ждала бабка с неба каши манной, да так и померла, а мы помирать не собираемся. Да чего слушать этого болтуна?! Людям головы морочит! — возмутился рябой мужичонка.

— Пойдем, Петро, домой! Нам с этим господином не по пути, — прибавил он, обращаясь к своему соседу.

— Подожди, дядя Михайло, послушаем, что дальше будет, что еще большевики скажут.

«Эх, жаль, что дядя Федор уехал! А то выступил бы здесь», — подумал я: он бы этого барина раздраконил.

Поднялся шум. Везде раздавались возмущенные голоса:

— Значит, опять воевать? Нет, хватит! Повоевали! Сами войте!

Оратор испуганно спрятался за спины председателя и писаря. Неизвестно, чем бы кончилось возмущение толпы, если бы на крыльцо не поднялся большого роста сутулый человек.

— Гляди, Афоня, — тыкая меня под бок, сказал Мишка, — новый оратор. Кто бы это?!

— Тише, Мишка! Это мызинский коммунист Калитин. Он знает, что сказать.

Озорно блеснув глазами, Калитин заговорил:

— Выступающий до меня господин распинался о том, что войну закончим, заключим мир и тогда будем решать земельную проблему. Ждите, мужички! Этот господин мягко стелет, да жестко спать. Почему они хотят продолжать войну до победного конца? Да потому, что этого хотят господа капиталисты. Нам с вами она не нужна. Большевики с самого начала выступали против войны, разоблачая ее подлинный характер. Вот почему эти господа — прихлебатели капиталистов — обливают грязью большевиков. Они хотят направить против них народ. Не выйдет, господин Алехин!

Рабочий класс и крестьянство прекрасно знают, кто такие большевики и чего они добиваются.

Еще долго говорил оратор. Мужики внимательно слушали. Когда он закончил, долго и усердно хлопали в ладоши. Митинг закончился возгласами:

— Долой войну! Хватит, повоевали!

— К чертовой бабушке Временное правительство! Да здравствует власть Советов!

— Привет товарищу Ленину!

Первый расстрел

В это тревожное время произошло событие, которое всколыхнуло и потрясло всех от мала до велика. Без суда и следствия был расстрелян только что вернувшийся с фронта солдат Алексей Мартынов из деревни Немятой.

А произошло это так. В Немятой сгорел дом кулака Федора Кренева. Кренев обвинил в поджоге Алексея, на которого издавна таил злобу. Волостные правители не разобрались, да и не стали разбираться. Поверили Креневу. Солдата арестовали и посадили в холодную при Волостном правлении.

Как выяснилось позже, настоящей причиной расправы явился самовольный уход солдата с фронта. Сухорукий волостной писарь эсер Тимофей Ершов, который заворачивал в Волостном правлении всеми делами, вызвал Алексея к себе и потребовал отпускное свидетельство.

— Нет у меня свидетельства. Я сам свидетельство!

— Вот как! Значит, ты дезертир?

— Считаю, как хочешь! Хватит, повоевал, покормил вшей. Ты, Тимоха, слепой! Не видишь, что в России делается? Всюду очнулся народ. Везде проходят митинги. Солдаты целыми подразделениями уходят домой. Не хотят больше проливать кровь в угоду капиталистам и Временному правительству. Теперь понял, почему я здесь?

Вечером следующего дня Алексея вывели на площадь у Волостного правления. Ершов обратился к народу:

— Кто желает совершить расстрел?

Желающих не нашлось. Напросился сам Кренев. Кто-то крикнул:

— Что вы делаете?! Даже попа не пригласили!

Алексей посмотрел на толпившихся людей и, горько усмехнувшись, ответил:

— Не надо. Земля примет меня и без попа.

Кренев прицелился. Руки его дрожали.

— Закройте ему глаза! Не могу стрелять, когда он так смотрит на меня.

Отмахнувшись от подбегавшего с платком человека, Алексей сказал: «Не надо!» и, обращаясь к Креневу, крикнул:

— Что, совесть заговорила?! Стреляй, скотина! Народ не простит тебе эту смерть!

Кренев выстрелил. Алексей упал. Смерть наступила мгновенно. Толпа заволновалась и зашумела:

— О-о-о!!! Что же это такое натворили?!

Какая-то женщина истерически кричала:

— Злодеи, что вы наделали?! Невинную душу загубили!

Узнав о расстреле старшего сына, Мартыниха, уже потерявшая на войне младшего сына, упала без чувств. После этого она недолго жила. Сердце не выдержало.

О самосуде на Кенозере долго говорили. Обвиняли волосных правителей. Прошел слух, что виновником пожара был не Алексей, а сама Крениха, которая вечером с горящей лучиной ходила за водкой в сарай и уронила уголек.

Большевики взяли власть

Наступление русских войск, предпринятое по указке Временного правительства, провалилось и усилило разложение армии. Не помог драконовский закон Керенского о введении на фронте смертной казни. Солдаты уходили с войны не с пустыми руками.

Прихватывали оружие. Знали, что оно еще пригодится.

В Шишкино вернулся с фронта Михаил, старший сын Георгия Маурина. Негодный к дальнейшей военной службе, пришел из госпиталя мой старший брат Костя.

Дни побежали быстро. Кенозёры не успели разобраться, что происходит в стране, как докатилась радостная весть. Временное правительство арестовано. Большевики установили советскую власть.

Сообщая об этом, приехавший из уезда представитель рассказал:

— В Питере состоялся первый Съезд Советов. Опубликованы принятые съездом законы советской власти. Первым утвержден закон о мире.

Радостным криком и шумом огласилась площадь. Что кричали мужики и бабки, разобрать было невозможно. Переждав шум, приезжий товарищ поднял руку:

— Второй закон, принятый советской властью, — это закон о земле. Все монастырские и помещичьи земли передаются крестьянам в безвозмездное пользование, а фабрики и заводы — рабочим. Граждане! У нас нет помещиков, а в вашей волости нет монастырских земель. Вам следует восстановить справедливость. Отобрать землю у кулаков и в порядке передела распределить строго по количеству душ, то есть по едокам.

— Правильно! Правильно! — раздались со всех сторон голоса.

— С чего вам следует начинать, товарищи? Прежде всего, вам следует разогнать эсеровский волостной комитет, избрать в составе Сельских советов и Волостного исполнительного коми-

*Константин Шишкин
(стоит справа).*

Фото 1930-х гг. Архив КНП

тета своих людей. А еще, товарищи-граждане, сообщаю вам, что первый съезд советов республики избрал главой правительства Владимира Ильича Ленина!

— Товарищу Ленину ура-а-а!!! — раздались радостные крики со всех сторон.

Угада

Осенью 1917 года я начал учебу в последнем классе школы. Пятиклассников было немного. Всего восемь человек. В основном, купеческие сынки и дети духовенства. Из крестьян нас было двое: я и Николай Губин. Все они, в том числе и Губин, собирались на будущий год поступать в духовную семинарию.

Богатые отпрыски старого, отживающего мира меня не любили. Они называли меня «мужиком» и творили мне всякие пакости. Кляузничали по всякому поводу и свою вину часто перекладывали на меня. Скоро я понял, что Сергей Иванович им не верит. Он никогда меня не наказывал. Раз как-то я нечаянно уронил реторту.

— Что это? Опять очередная кляуза? Не верю, что он это сделал!

Я встал и говорю:

— Сергей Иванович! Реторту действительно я разбил. Но сделал это нечаянно.

— Хорошо, садитесь!

Иногда учитель просил меня переписать какие-то служебные отчеты и письмо в Уездный отдел народного образования. Я оставался после уроков и переписывал, стараясь не делать по-марок.

В конце учебного года он спросил меня:

— Что ты намерен дальше делать?

— Учиться, — ответил я.

Он подумал немного и сказал:

— Знаешь, что... пересиди в пятом классе еще год. Я сам тебя устрою в городское училище.

Я последовал его совету, но ему не пришлось меня устраивать в школу. Вскоре он был призван в армию. С тех пор его судьба мне неизвестна.

Осенью 1919 года я отправился в Каргополь. Отец перевез меня в лодке к деревне Ряпусово, а оттуда я отправился пешком. На третий день прибыл в старинный город. Раньше я ни в каком городе не бывал. Видел каменные дома только на картинках. Меня удивила городская планировка, а главное — множество церквей.

Я поступил в первый класс городской школы второй ступени. В нее принимали тех, кто окончил четырехклассную школу первой ступени. Выходит, напрасно я учился два года в Кенозере. Меня устроили в общежитие. Было трудно. Хлеба не хватало. Приварок слишком скудный. Все время хотелось есть. С дому я помощи не ждал. Знал, что родителям не до меня. Сами едва перебиваются.

Интервенция

В начале июля 1918 года англо-американские и французские интервенты захватили Мурманск, а вскоре заняли Архангельск. Организовалось белогвардейское правительство во главе с верховным правителем Северной области эсером Чайковским. Под крылышко этого правительства со всех концов, как воронье на падаль, стекались белогвардейские офицеры, эсеры и меньшевики. Сбежали и наши волостные правители.

На защиту революционной законности от интервентов и белогвардейцев по указанию ЦК и лично товарища Ленина из Петрограда на север отправились воинские подразделения, а также группы партийных и советских работников для оказания помощи на месте в организации воинских частей и партизанских отрядов. Уходили на северный фронт и кенозерские солдаты. В помощь Красной Армии для обслуживания армейских подразделений перевозкой боеприпасов и других грузов из Кенозера на станцию Плесецкую был организован обоз. С этим обозом на своей лошади выехал мой брат Константин.

Формирование частей Красной Армии вызвало сопротивление со стороны кулацких и контрреволюционных элементов. Они запугивали население и вели агитацию за массовое дезертирство.

Лесопромышленники брата Ермолины организовали против советской власти мятеж кулацкой части населения в селе Бережная Дуброва. Мятеж был скоро ликвидирован, а главари арестованы. В Почезерской волости орудовала банда под командованием белогвардейца Красикова. Во время налета на Почезеро бандиты расстреляли честного патриота фельдшера Овдина и, возвращаясь обратно, шашками зарубили на дороге милиционера Почезерской волости. Главарь банды после того, как она была ликвидирована, еще долгое время скитался в лесах. Потом сдался властям и был отправлен в Пудож.

Прах милиционера в начале 1924 года перевезен в Почезеро. Силами пудожской милиции на месте захоронения поставлен памятник. Я был свидетелем этого события. Мы, участники художественной самодеятельности, специально выезжали из Кенозера для постановки спектакля. Ставилась пьеса «Весна без солнышка» (не помню, какого автора). Средства от постановки спектакля переданы семье убитого милиционера.

Работа в милиции

Весной 1920 года я, окончив первый год городской школы, возвратился домой в Кенозеро. Не успел оглядеться как следует, меня начал сватать к себе на работу начальник милиции Георгий Гусев. В те времена уездная милиция делилась на несколько районов. Канцелярия милиции 3-го района находилась в нашей деревне.

В деревне было голодно и тяжело. Другого выхода не видел. Каждый лишний рот — обуза для родных. Я подумал и согласился. Хоть зарплата и небольшая, главное — хороший паек.

— Вот и хорошо! Можешь приступить к работе. С завтрашнего дня я зачислил тебя конторщиком-переписчиком.

На другой день прихожу на работу. Начальника не было — уехал по делам службы. За столом сидел лысый, пожилой (лет

пятидесяти) человек, ведущий делопроизводитель канцелярии. Мы познакомились. Его звали Тимофей Алексеевич Меньшиков. Раньше он проживал в Петрограде, а после революции выехал на родину в деревню Горы.

Он познакомил меня с моими обязанностями. Писанины хватало. Особенно много времени уходило на переписывание списков разыскиваемых лиц. Нужно заготовить экземпляр для каждого милиционера. Копировальной бумаги не было. Но вскоре начальник милиции откуда-то раздобыл старенький копирограф. Дело пошло быстрее.

Вскоре мы подружились с Тимофеем Алексеевичем. Это был культурный, начитанный человек. Я никогда от него не слышал грубых слов. Он хорошо играл на гитаре. Как-то я принес небольшой томик стихов Пушкина старого издания. Он его просмотрел, и все места, где стояли точки, дописал. Возвращая мне книгу, сказал:

— Я тебе дополнил места, изъятые цензурой.

Комсомол и ликез

Однажды секретарь волостной партийной ячейки Старицин собрал молодежь ближайших деревень в помещении школы. Рассказав о задачах комсомольской организации, он обратился к молодежи с предложением записываться в комсомол. Записались человек тридцать. Меня избрали секретарем ячейки. Тогда мы (да и я, в частности) не представляли, чем должны заниматься, а руководства со стороны уездной организации еще не было. Организовали театральный кружок. Ставили спектакли. В этом нам помогали учителя школы. Проводили читку газет и художественной литературы. Поставили вопрос о культуре поведения молодежи, об изживании матерщины и прекращении пения хулиганских частушек.

Но мне недолго пришлось руководить комсомольской организацией. Осенью 1920 года в селе Бережная Дуброва организовали курсы красных учителей для проведения ликвидации негра-

мотности. От нашей волости на курсы поехали трое: я, Вахрамеев Александр и Гусева Александра.

Курсы были рассчитаны на две недели. За это время нам рассказали, какое значение имеет ликвидация неграмотности среди населения, ознакомили с методикой проведения занятий и показали на практике, как нужно проводить занятия.

По окончании курсов нас стали распределять на места работы. Ввиду того, что Почезерская волость не прислала на курсы ни одного человека, нужно было кого-то из нас направить в деревню Кривой Пояс. Ехать туда никто не соглашался. В конце концов, администрация курсов сама распределила: Вахрамеева Александра — в Кривой Пояс, меня — в деревню Глубокое, а Гусеву Александру — в Усть-Почу.

Мне не пришлось обучать неграмотных в деревне Глубокое. Там обнаружили случаи тифозных заболеваний. По указанию Волостного отдела народного образования мне пришлось выехать в деревню Мыза. На Мызе и в деревне Суетин Остров насчитывалось 20 человек неграмотных. Для занятий мне отвели помещение в деревне Суетин Остров. Нельзя сказать, что все проходило гладко. Большинство учеников охотно посещали занятия, но женщины пожилого возраста под разными предлогами в школу не ходили. Одни жаловались, что без очков ничего не видят, а очков достать нигде. Другие говорили: «На что нам грамота, когда умирать пора, а на тот свет и неграмотных принимают». С такими бабушками приходилось много и долго беседовать. Разъяснять, для чего им нужно научиться читать.

Не обошлось и без курьезов, когда срок обучения подходил к концу. Как-то во время письменной работы по диктовку я стал просматривать тетради моих великовозрастных учеников. Подхожу к одной девушке, смотрю в тетрадь, спрашиваю:

— Что ты пишешь? Я же диктовал «Бары — на нары», а ты написала «Бары — под нары».

— А я не хочу их на нары пускать — пусть под нарами валяются! Тут все мои грамотеи как грохнули хохотать! Еле успокоились.

Подхожу к другой озорной молодухе лет двадцати пяти. Забыл, как ее звать. Помнится, как будто, — Матрона. Заглянул в тетрадь и, ахнув, схватился за голову:

— Что вы такое написали! Кто вам разрешил отсебятину городить!? Как вам не стыдно! Как я покажу эту тетрадь членам комиссии, когда они придут проверять ваши знания?

— Пусть читают. Прочитают, скажут: «А эта уже грамотная», — и, посмотрев на меня, засмеялась. За нею и весь класс приснул хохотать.

— Нехорошо бабы делаете! Молодого учителя конфузите. Совсем его, сердечного, в краску вогнали! — улыбаясь, проговорила одна из пожилых учениц.

Знакомство с политруком

У нашего соседа — Константина Афанасьевича — гости. Из Петрограда приехала дочка Клавдия с мужем, политруком Красной Армии Михаилом Зябликовым. Клавдию я знал. Она и раньше, до замужества, бывала в деревне. А с ее братом, которого, как и отца, звали Константин, я был в дружеских отношениях.

Зашел в дом. Хотелось увидеть мужа Клавдии, познакомиться с ним. Клавдия, увидев меня, проговорила:

— Здравствуй, Афанасий! Как ты вырос, возмужал! А давно ли был мальчишкой! Поди, уже с девушками любовь крутишь?

— Ну что ты, Клавдия? Скажешь тоже!

— Познакомься, Миша! Это наш сосед и родственник.

Навстречу вышел среднего роста человек с приятным лицом, одетый в темно-зеленую гимнастерку с тремя петлицами на груди, или, как их называют, — «разговорами». Военная форма ему очень шла.

— Здравствуйте, Афанасий! Так, кажется, называла вас жена?

Несмотря на разницу в годах, мы с Михаилом подружились. Он вместе со мной принимал участие в постановке спектакля, часто выступал на собраниях.

Смерть Ленина

В морозное январское утро 1924 года до нас дошло печальное известие о том, что в Горках под Москвой скончался Владимир Ильич Ленин. В прискорбном молчании мы собрались на деревенской сходке. Многие, не стесняясь, плакали. Я взглянул на Михаила. На глазах у него были слезы. Преодолевая себя, чтобы не разрыдаться, он с дрожью в голосе говорил:

— Товарищи крестьяне и крестьянки! Мы потеряли своего вождя и учителя. Не только русский народ оплакивает смерть Ильича. Вместе с нами скорбит и переживает утрату этого величайшего в мире человека пролетариат всего мира. Ленин показал человечеству путь к свободе. Встанем, товарищи! Почтим память Великого Человека.

Все поднялись с мест и в горестном молчании стояли пять минут.

Вскоре Михаил Зябликов с женой собрался уезжать. Прощаясь, напомнил:

— Приезжай. Поживешь у меня. Помогу устроиться в свою часть. Послужишь рядовым, а потом и в военное училище направим!

В Ленинграде

В августе 1924 года я отправился в Ленинград. В поисках лучшей жизни со мною ехали две девушки. Одна из нашей деревни — Степанида Шишкина, другая из Глазово — Анна Аникиева, сестра Луши (жены моего брата).

До пристани в Подпорожье нас довезли на лошадях. Мы сели на речной маленький пароход. Весь путь с пересадками в устье реки Водлы и в Петрозаводске занял два дня. Прибыли в Ленинград, на Смольную пристань. От пристани шли пешком с чемоданами в руках. Мы никогда не были в городе. С удивлением посматривали на многоэтажные дома, на толпу снующих людей, на красочную рекламу кинотеатров и нарядное убранство витрин. Нас все интересовало и радовало наш взор.

— Боже! Какая красота и чистота на улицах, как у хорошей хозяйки в доме! — проговорила Стеша.

На Литейном проспекте мы расстались. Девушки пошли по Загородному проспекту до Мучного переулка, а я отправился по Невскому проспекту искать улицу Плеханова и Новый переулок. У Аничкова моста остановился. Долго любовался бронзовыми фигурами юношей и лошадей, замечательным твореньем Клодта.

У Казанского собора предо мною открылась величественная колоннада.

— Как красиво!

В управлении ОГПУ

Я подал заявление в Управление ОГПУ с просьбой принять меня добровольцем. Меня вызвали на переговоры, проверили документы и сказали:

— Ждите, вызовем.

Через десять дней вопрос разрешился. Меня пригласили на Гороховую и дали направление в 3-й полк, который размещался на проспекте Майорова в Мариинском дворце. Начальник штаба спросил:

— Желаете в кавалерийский дивизион?

Я ответил, что хочу в пехоту. Подписав обязательство служить два года, отправился во второй дивизион.

Так началась моя служба. С первых дней стоял в карауле в торговом порту и на фабрике «Гознак». Нас часто вызывали на Гороховую.

Под руководством одетых в штатское оперативных работников Управления мы ловили бандитов и контрреволюционеров. Однажды мне с одним красноармейцем пришлось быть в засаде на частной квартире. Нужно было задержать вора-рецидивиста. Он явился в два часа ночи. Зная внешние приметы, мы его взяли. Это был здоровый детина высокого роста. Обыскали, но кроме перочинного ножа ничего не нашли. Отвели ему место на диване, а сами устроились напротив за столом. В комнате было жарко.

Хотелось спать. Глаза слипались. Вижу, прикорнул задержанный, но не спит. Приоткрывает глаза, следит за нами. Приподнялся. Я схватил наган:

- Лежать!
- Но мне нужно в туалет!
- Иди.

На расстоянии шел вслед за ним. И так несколько раз он заявлял о необходимости выйти. Утром явился наш руководитель, увидел задержанного и похвалил нас:

- Молодцы, товарищи!

Наводнение

Не могу не рассказать о наводнении осенью 1924 года. Мы не раз выходили за ворота и смотрели на Исаакиевскую площадь. Вода прибывала. Сначала образовалась лужа. Она становилась больше и больше, а потом вода потекла по проспекту Майорова. Из ворот своей части мы наблюдали, как босиком, с обувью в руках, приподняв подолы платьев, закатав штанины брюк, люди бежали по проспекту. Когда вода стала заливать передки наших сапог, мы ушли в казарму.

Я заступил дневальным по дивизиону. Кавалеристы не смогли выбраться в безопасное место. При помощи пехотинцев лошадей заводили на второй и третий этажи. Они стояли в туалетах и казарменных помещениях.

Когда я сдал смену, уснул и проснулся, вода ушла. Лошадей убрали из казармы. Проспект Майорова принял неприглядный вид. Стал непроходимым. Деревянные мостовые размыло. Всюду валялись разный хлам и мусор.

Демобилизация

В декабре одно отделение нашего дивизиона под командованием Казимира Канашевича было отправлено в город Гатчину, который в то время назывался Троцк. Мы несли караульную службу при карантине для эмигрантов. Я был начальником караула.

В январе нас сменили. В полку произошли изменения. Дивизион разослали отдельными группами для несения службы в других городах. Политрука Зябликова перевели в Усть-Сысольск. Встретился я с ним после Отечественной войны. Он был полковником в отставке.

В дивизионе осталось несколько человек. Мне стало грустно без товарищей, и я подошел к командиру дивизиона.

— Товарищ командир, почему меня никуда не назначили?

— Так как вы изъявили согласие служить здесь, я вас не мог откомандировать. Теперь уже поздно. Командиры отправлены.

Но вскоре случилось так, что пришлось выехать не в командировку, а домой. По приказу наркома Ворошилова все добровольцы подлежали демобилизации. Так закончилась моя военная служба.

Возвращение

Вышел я из поезда на разъезде в Междудворье. Отсюда до Кенозера путь намного короче, чем по воде. Добирался пешком и на попутных лошадях. Денег с красноармейца не брали. Какие могут быть деньги у служивого? Из Першлахты дорога шла озером. Холодный ветер резал лицо. Загнул под ремень полы длинной шинели. Шагать стало легче.

Не буду описывать, как меня встретили родные. Не обошлось без радостных вскриков и слезинок в глазах матери. Отец пожурил за то, что я не известил о приезде.

— Я бы тебя встретил на лошади.

— Не хотелось вас тревожить. Да и не всю дорогу пешком шел.

Мать засуетилась, собирая на стол. Появились рыбники. А так как день воскресный, не были забыты пироги, блины и калитки. Подавая чашку со щами, мама сказала:

— Садись, сынок, откушай!

Потом, весело насвистывая, появился самовар. Мы пили чай и разговаривали. Меня спрашивали о городе, о жизни. Рассказали, что бабушка, умирая, вспомнила обо мне. Узнал

я о том, что жить в деревне стало легче. Старший брат Костя работал в милиции.

Новая работа

Мне не хотелось долго сидеть без работы. Подвернулся такой случай. Зашел к отцу Иван Еремеев, председатель Волостного комитета взаимопомощи. Отец пожаловался на нехватку семян.

— Много я тебе, Кузьма Иванович, дать не могу, а часть обещаю выделить. Ты сам работал в сельсовете, и знаешь, что нуждающихся много.

— Знаю, знаю. На большее и не рассчитываю.

Потом Еремеев повернулся ко мне и спросил:

— А ты, служивый, что думаешь делать? Не пошел бы ко мне секретарем?

— Мне думать нечего, Иван Лаврентьевич. Я согласен. Где-то надо работать.

— Вот и хорошо! Когда можешь приступить? Завтра не можешь?

— Идет. Завтра и начну.

В комитете взаимопомощи мне долго работать не пришлось. Через пять месяцев меня забрали в сельсовет к председателю Федору Шишкину с Качиковой Горки. Потом перевели делопроизводителем волисполкома. Председателем волисполкома был в то время Семен Заляжный, а секретарем — Александр Нечаев. На меня возложили обязанности военного учета, запись актов гражданского состояния и много другой работы.

Приезд начальства

Мой непосредственный начальник частенько запивал. Как выпьет, так на другой день не жди его на работу. Приходилось за секретаря решать все вопросы. Да и председатель исполкома маху не давал — любил выпить!

Однажды в обед мои волостные руководители изрядно заложили, ушли с работы раньше обычного и предупредили, что на другой день на работу не выйдут.

Сидим мы с кассиром в волисполкоме и видим в окно, что к дому подъехала тройка, запряженная в тарантас. Смотрим — извозчик бежит.

— Привез председателя Губисполкома. Куда бы его поместить?

— Вези на Шишкину к Матюхе Сорокину. Там почище.

Извозчик убежал. Я остался. Вот еще напасть! Что делать?! Надо предупредить начальство. Кого послать в Тырnavолок, чтобы сообщить братьям Нечаевым, секретарю и зав. финотделом, чтобы утром обязательно на работу пришли? Вызвали хозяина.

— Дуй, Алексей Никифорович, с запиской в Тырnavолок. А я к Заляжному Семену на Горы сам схожу.

Собрал я все бумаги со стола, убрал в шкаф и стал одеваться. Рабочий день окончился. Не заходя домой, отправился на Горы к Семену.

— Что случилось?

— Приехал председатель Губисполкома. Я решил вас предупредить.

— Неужели сам председатель?! И чего его занесло в нашу глухомань? А где он остановился?

— На Шишкиной. У Матвея Сорокина.

На другой день, узнав, что в деревне остановился председатель губернии, потянулись к сорокинской избе.

Председатель собирался в исполком, но, увидев мужиков, остановился.

— Здравствуйте, товарищи! У вас ко мне есть, видимо, какие-то дела?

— Есть, товарищ председатель. По земельному вопросу.

— Ну что ж, давайте выкладывайте.

Вперед выдвинулся Андрей Плахин.

— Видите, товарищ председатель, луг под нашей деревней? Этот луг находится под нашим носом, а принадлежит соседней деревне. Спор давний, но мы так и не можем добиться его решения.

— Ваша претензия справедлива. Луг под вашей деревней должен принадлежать вам. Я приеду и дам указания.

Но вопрос о луге оставался нерешенным до 1929 года, когда в Шишкиной организовался колхоз. При землеустройстве луг был отрезан колхозу.

На общее собрание в помещении клуба были собраны все жители деревень Шишкиной, Вершининой, Карповой и Гор. Все желали встретиться с председателем Губисполкома. В зале негде было стоять. Опоздавшие мужики толпились в коридоре возле открытых дверей.

Начал собрание Заляжный Семен.

— Товарищи! К нам приехал председатель Губисполкома товарищ Маслов. Мы попросили его сделать для вас доклад о международном положении Советского Союза.

Поднявшись на сцену, докладчик больше часу говорил о событиях в мире, о том, какое место в нем занимает Советский Союз. Закончив речь, попросил задавать вопросы. Мужики молчали. Вдруг с последнего ряда послышался голос:

— Скажите, товарищ председатель, дадут ли капиталисты нам спокойно работать? Наша власть для них, как бельмо в глазу!

— Можете быть спокойны, товарищи! В ближайшие годы войны не будет. Они пробовали нас проверить и получили по заслугам.

Неожиданно подал голос Василий Губин, маленький мужичок в полушубке, стоящий в дверях. Хитровато улыбаясь, он спросил:

— Я слышал, что из торфа спирт делают. Может быть, вы скажете, как это делается?

В зале поднялся такой хохот, что все смеялись до слез. Семен Заляжный, усмехаясь, вынужден был призвать народ к порядку:

— Тише, граждане, не устраивайте базар, — и незаметно погрозил кулаком Губину.

Маслов сказал:

— Вопрос не по существу, но я отвечу. Торф — хорошее удобрение. Унавоженная земля родит больше хлеба. Какой из хлеба по-

лучается спирт, вам известно. Как это делается, — уточните у специалистов.

Стенгазета

Меня избрали секретарем комсомольской ячейки, несмотря на то, что комсомольского билета я не имел. Было только временное удостоверение. Вскоре к нам прибыл из уезда для работы руководителем волостной комсомольской организации Вася Пятунин. Он мне посоветовал вступить в партию. Я подал заявление, и меня приняли кандидатом. Каргопольский Уком ВЛКСМ восстановил мне комсомольский стаж не с 1920, а с 1924 года, с момента начала службы в войсках ОГПУ. Меня назначили редактором стенгазеты, которую мы выпускали с Пятуниным. Было много критических заметок. Не стесняясь, критиковали и руководителей.

Как-то приехал работник уездного земельного управления. Мы узнали о его пьянке, в которой принимали участие секретарь ячейки Василий Калитин и председатель Семен Заляжный. Материал попал в газету, которая висела в избе-читальне. Стенгазету сняли. Нас с Пятуниным вызвали на партсобрание. Сделали назидательное внушение и записали в протоколе предупреждение. Сказали:

— Вы подрываете авторитет руководителей волости и уезда!

*Красноармейцы. Кенозеро.
Фото 1930-х гг. Архив КНП*

Инспектор финотдела

В конце 1926 года секретарь исполкома Александр Нечаев перешел работать кассиром в финансовый отдел. Меня назначили секретарем. В следующем году на волостном съезде председателем исполкома избрали прибывшего из уезда молодого человека Павла Русанова, а меня — заместителем. В это время в исполкоме появился новый работник — инспектор финотдела Иван Трухин. Он пострадал при царизме за покушение на земского начальника. Я сидел за столом напротив и удивлялся его чудачествам. Трухин часто задумывался. Уткнет указательный палец себе в лоб и сидит так минуту, две, полузакрыв глаза. Потом поднимет голову, поставит свою пятерню напротив лица и начинает по отдельности загибать пальцы: один, другой, третий четвертый. Потом усмехнется — и хлопнет себя ладонью по лбу! Значит, вспомнил что-то. И еще Иван Иванович не любил, когда спрашивали, как зовут его жену. Называл ее просто «баба».

Как-то я заполнял подворную книгу по деревне Глазовой. Необходимо было записать имя, фамилию, отчество каждого члена семьи. Спрашиваю Ивана Ивановича, как зовут его жену. — Молчит. Еще раз переспрашиваю. Он не выдержал:

- Отстань от меня! Чего привязался!?
- Да пойми ты, голова садовая, — мне нужно!
- Дунькой зовут.
- А отчество как?
- Ох, настырный ты мужик! Ну-ка, покажи книгу.

Прочитал, убедился, что с ним не шутят. Взял бумажку и написал отчество жены.

Все, кто присутствовали при нашем разговоре, хохотали до слез.

„Не хуже твоих бородачей“

В начальные годы советской власти у волисполкома и сельских советов было очень много работы. Аппарат сельских советов состоял из двух человек. Они бегали, как собачонки, из деревни в деревню. Чтобы составить налоговые списки, нужно выявить

посевную площадь каждого хозяйства, учесть количество рабочего и рогатого скота, поголовье овец и свиней, количество едоков в хозяйстве. Кое-кто пытался скрыть свою посевную площадь. Приходилось собирать бедноту, уточнять списки, а после опять разговаривать с укрывателями. Все работники сельсовета, учителя, медики, торговые и комсомольские работники, члены партии — все привлекались для распространения займов. Не так просто выкачать деньги из чужого кармана! Приходилось и на собраниях беседовать с народом и единолично убеждать каждого. Еще труднее обстояли дела с хлебозаготовкой. Каждому было дано задание по сдаче хлеба, но не все его выполняли. Кое-кто приходил в исполком поторговаться: нельзя ли хоть немного уменьшить налог? С кулаками было легче: дано задание — выполни! А с середняками сложнее: нужно убеждать, уговаривать.

Обеспечить лесозаготовки работниками также было делом сельсовета. Следили, чтобы кто-либо не засиделся дома, не увиливал от лесоповала. Волисполком занимался такими же делами, но в более широком масштабе.

Как-то я услышал разговор стариков, которые пришли в исполком и толковали между собой:

— Раньше-то в правление придешь — сидит старшина, борода лопатой, представительный такой. А теперь понасажали мальчишек безусых.

— Не в бороде дело, сосед, а в голове. Бывает, борода большая, да голова пустая. У этих молодых головы толковые. Дело знают не хуже твоих бородачей.

Начало коллективизации

Летом 1929 года произошло районирование Кенозерья. Вместо уездных и волостных советов на местах созданы районные советы депутатов трудящихся.

Наша волость вошла в состав Приозерского районного исполкома с центром в селе Конёво. Председателем райсовета стал Василий Митин, бывший ранее секретарем Каргопольского уезд-

ного комитета ВЛКСМ. Я знал его по работе в комсомоле. Он не раз бывал у нас на Кенозере. От работы в райисполкоме я отказался. На предложение остаться в Климовском сельсовете согласился. Собрался пленум, и меня избрали председателем сельского совета.

Этот период работы был наиболее тяжелым. В связи с началом коллективизации сельского хозяйства, классовая борьба в деревне обострилась. Кулачество всячески тормозило хлебозаготовки, уваливало от выполнения твердых заданий по лесозаготовкам. Для защиты своих интересов мы создавали себе опору из несознательной середняцкой и даже бедняцкой части населения, которых называли в то время «подкулачниками». Кулаки даже пытались проникать на бедняцкие собрания. Не забуду такой случай. Пришел я в деревню Кривцово. Нужно было уточнить правильность наложенного на мельницу налога. Собрал бедноту. Обсуждаем. И вдруг мне сообщают, что на собрание пробрался кулак Вахромеев Михаил по прозвищу Наливушка. Этот хитрый мужик открыто против советской власти не высказывался, с решениями партии соглашался, что всячески подчеркивал. Много лет спустя, уже после окончания Великой Отечественной войны, я встретил его в Ленинграде. Увидев мое удивление, он улыбнулся и похвастал:

— А я, Кузьмич, под Ленинградом живу. Свой домик имею. Лучше прежнего живу!

На собрании бедноты я спросил Вахромеева:

— Ты почему здесь?

— А разве нельзя?

— Нельзя! Почему хлеб до сего времени не вывез?!

— Не хватило обмолоченного.

— Иди, подготовь хлеб и сегодня же вывези! Я проверю и не уйду, пока ты не вывезешь зерно.

Колхоз в Шмишкино

Осенью 1929 года организовался первый в сельсовете колхоз в деревне Карпово. Председателем колхозники избрали Алексан-

дра Вахромеева. Немного времени спустя появился колхоз в деревне Вершинино. Назвали его «Правда Севера». Председателем выдвинули Сергея Губина.

Наступила пора, когда и перед жителями Шишкиной встал вопрос: что делать? Жить ли им по-настоящему в колхозе или владеть жалкое существование в своих единоличных хозяйствах? На бедняцком собрании было принято решение: «Хватит! Пора и нам, как вершининским и карповским мужикам, записываться в колхоз!» Только один Андрей Плахин молчал и своего мнения пока не высказывал.

Дня через два собрали общее собрание. Выступали многие. Говорили «за» и «против». Кое-кто сомневался: будет ли из этого толк? Большинство, в том числе и беднота, проголосовали за создание колхоза. Только два хозяйства не записались в артель — Иван Сорокин и Андрей Плахин. Колхоз назвали «Красное знамя», а председателем избрали Тимофея Плахина. Назначили бригадиров. Наметили, с чего начать, — ликвидировать межи, убрать с поля камни, приступить к пашне.

На другой день все собрались у избы председателя с лопатами и лошадьми. Дружной, единой семьей потянулись на работу. Кто-то из парней затянул песню:

Как родная меня мать провожала,
Тут и вся моя семья набежала.

Песню подхватили девки и бабы:

Ах, куда ж ты, паренек, ах, куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты.

Соревнование

Планом райисполкома по проведению посевной кампании 1930 года первоначально предусматривалась коллективизация сельского хозяйства на 50 %. Эта цифра неоднократно менялась, пока не достигла 100 % .

Чтобы выполнить план, мы мобилизовали весь актив. За каждым закрепили деревни. Вызвали на соревнование Рыжковский сельсовет. Коллективизация продвигалась туго. На собрания в деревнях приходили в основном женщины. Мужчины были на лесозаготовках. Когда заводишь речь о колхозе, женщины заявляют:

— Мы не прочь. Говорите с нашими мужиками. Они хозяйва — пусть решают.

Приезжаем на лесозаготовку к мужьям. Те, в свою очередь, говорят:

— Надо посоветоваться с женами. Как без них можем решить?!

Такая вот свистопляска получалась. Организовали несколько колхозов, догнали процент до 50, а дальше дело не движется.

Из Рыжковского сельсовета сообщают, что коллективизировано 60 % населения. Через три дня — другая сводка: 80 %! Вдруг как обухом по лбу нас ударили! Рыжковцы сообщают: «У нас сплошная коллективизация. Все население объединено в колхозы!»

Что же это такое? Как Рыжковский сельсовет достиг таких результатов? Ведь у них тоже мужики на лесозаготовках. Почему они быстро достигли сплошной коллективизации, а у нас дело за тормозилось? Ведь мы не сидели сложа руки!

„Головокружение от успехов“

Опубликованная в газете «Правда» статья Сталина «Головокружение от успехов» внесла переполох. Все говорили об этой статье.

И тут случилось непостижимое. Сплошная коллективизация в Рыжковском сельсовете развалилась. Из колхозов остался один, организованный в деревне Федосово. Такая же участь постигла вновь организованные, еще не оформленные колхозы нашего Климовского сельсовета. Отразилось это и на ранее организованных колхозах. Под влиянием агитации защитников лишенцев, не принятых в колхоз, часть середняков деревни Шишкиной заколебалась и вышла из колхоза. Кто-то подал заявление, обвиняя ру-

ководителей сельсовета в запугивании, что, дескать, «если вы не вступите в колхоз, то земли вам отведут в Медвежинской глубине Кенозера».

По заявлению приехал из Няндомы для проверки представитель окружного комитета партии. На собрании колхозников и единоличников проверяющий поставил вопрос о насильственном вступлении в колхоз. Все молчали. Попросил слова Андрей Плахин.

— Надо, товарищи, правду говорить. Никто вас в колхоз не тянул. Я не колхозник. В колхоз не записался. Меня, правда, приглашали в колхоз, но не запугивали. Надо быть честными.

Его поддержали беднота и середняки. Все единодушно заявили:

— Не было этого! Клевета!

Летом 1930 года я заболел. Врач вершининской больницы Гоголев осмотрел меня и сказал:

— У тебя здорово расшатаны нервы. С сердцем неблагоприятно. Нужен длительный отдых.

Немного времени спустя я с согласия парторганизации передал дела члену сельсовета Ивану Губину и выехал по Волге в Астрахань. В Кенозеро вернулся через месяц. Вскоре получил направление из Приозерного райкома в деревню Заволочье Нетомского «Углеспромхоза» треста «Ленлес» для пополнения партийными кадрами. Так я попал на хозяйственную работу в лесную промышленность.

Вместо эпилога

Двенадцать лет жизни я отдал лесной промышленности. В Нетомском «Углеспrome» я не проработал и двух лет. Весной 1932 года меня перевели в село Пудож и назначили помощником начальника сплава по труду вновь организованной сплавной конторы «Ленлесосплава». Мне часто приходилось выезжать в командировки. Бывал на сплавных участках, в сельсоветах Пудожского района. В сельсоветы я обычно выезжал с командировочным удос-

товарением райкома и райисполкома. Наряду с обеспечением рабочей силой сплавных работ, приходилось решать сельскохозяйственные вопросы, помогать сельсоветам и колхозам. Миллионный объем сплавных и сплочных работ требовал большого количества рабочих. Местной рабочей силы не хватало. Приходилось добиваться через трест «Ленлесосплав» увеличения количества рабочих, получения нарядов на вербовку в Ленинградской области и Северном крае из Приозерского, Каргопольского и Онежского районов.

Для поиска рабочих в Ленинградскую область были посланы вербовщики, но дело шло туго. Начальник конторы вызвал меня и говорит:

— Поезжай сам, наладь дело!

Целых два месяца я находился в командировке. За это время направил на работу свыше пятисот человек. Неожиданно получил радиogramму. Меня вызывали для прохождения партийной чистки.

Осенью 1935 года явился в райком ВЛКСМ. Секретарь райкома Михаил Иванович Гусев сказал мне:

— Есть решение бюро назначить тебя помощником секретаря райкома.

Меня это сообщение огорчило. Не хотелось уходить из леспромхоза. Я в это время работал в леспромхозе, так как сплавная контора ликвидировалась, и весь руководящий аппарат вошел в состав новой организации.

— Михаил Иванович, а если я откажусь?

— Тогда будем решать вопрос о партийном положении. Пойми, Шишкин, сейчас у нас много работы. Проходит проверка партдокументов. Ты нужен здесь. Решай, не брыкайся!

— Я сейчас нахожусь в отпуске.

— Отпуск придется прервать. После проверки пойдешь в отпуск. Направим тебя на курорт.

И вот я стал работником райкома. Сидел в маленькой комнате рядом с секретарем. Присутствовал на всех заседаниях бюро, которые в период проверки партдокументов проводились почти

ежедневно и продолжались до 12 часов ночи. Рассматривались персональные дела коммунистов.

В начале 1936 года Михаил Иванович тяжело заболел. Его отправили на самолете в Петрозаводск. В качестве первого секретаря из Карельского обкома прислали Константина Варакина. В мае 1936 года Варакин по моей просьбе дал согласие на мой перевод обратно в леспромхоз.

Шел 1937 год. Страна готовилась к выборам в Верховный Совет СССР по новой Конституции. Меня выдвинули председателем участковой избирательной комиссии (примерно, в сорока километрах от Пудожа). «Нечего сказать, — удружили», — подумал я, но, как говорится, спорить не будешь. Придется работать. Вот и ездил, когда на автомобиле, когда на лошадях. Целыми неделями жил на избирательном участке. Выборы прошли организованно. В голосовании приняли участие все избиратели. Проголосовали за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

В связи с ликвидацией треста «Пудожлес» и передачей его в ведение Беломоро-Балтийского комбината НКВД в марте 1938 года я в порядке перевода был направлен на работу в один из леспромхозов «Леспромтреста» в поселок Вырица Ленинградской области. В этом дачном поселке я и встретил начало войны 22 июня 1941 года. Видел, как фашистские стервятники низко и безнаказанно летали над нашей землей. Один раз они бросили бомбы на Вырицу.

В августе враг подходил к Вырице. Часть работников леспромхоза с заместителем директора Коваленко на двух автомашинах и нескольких лошадях выехали в Ярославскую область. Там находился трест «Нейлесзаг». Вместе с Коваленко мы выехали в город Киров в «Наркомлес» СССР для выяснения вопроса о трудоустройстве эвакуированных. В спецотделе «Наркомлеса» мне предложили выехать в «Сольвычегодлес». Не желая расстаться со своими сослуживцами, я отказался.

Остался работать в Нейском леспромхозе. Но долго трудиться не пришлось. По возвращении из командировки в город Га-

лич в январе 1942 года я был вызван в военкомат. Меня в числе пяти человек мобилизовали и для получения оружия направили в райотдел НКВД. Нас обеспечили допотопным оружием времен Крымской обороны 50-х годов прошлого века, и мы прибыли в город Калинин. На улицах были видны следы разрушения. Не было ни одного здания, которое бы не пострадало. В окрестностях валялись трупы фашистских вояк и маячили сгоревшие танки.

Меня назначили командиром отделения. Вызвали в штаб полка. Помощник начштаба капитан Шамарин, бывший учитель из города Чухломы, дал мне чистый листок бумаги и приказал написать автобиографию. Я написал. Капитан посмотрел и сказал:

— Завтра приходи сюда. Будешь работать в штабе.

Я стал старшим писарем штаба. Мне присвоили звание сержанта. Через месяц приказом командира штаба назначили на должность заведующего делопроизводством и присвоили звание старшего сержанта. Это должность офицерская, но поскольку я не был утвержден приказом по дивизии, в течение всей службы правами офицера не пользовался.

Служба не ограничилась работой в штабе. Заместитель командира по политчасти майор Фисуненко поручил мне руководить и вести занятия с группой сержантского и рядового состава хозяйственных работников. Занятия проходили один раз в неделю. Штабная деятельность и подготовка к занятиям требовали много времени. Приходилось работать до двух часов ночи и более.

Зимой 1944 года меня вызвал командир полка полковник Дроженко. У него находился дивизионный майор. Полковник Дроженко спросил меня:

— Старший сержант, хотите, мы вас узаконим в должности? Будете полноправным офицером!

— Товарищ полковник, разрешите мне продолжить службу на прежних основаниях.

— Почему вы не хотите?

— Война подходит к концу, а я не собираюсь оставаться в армии.

— Ну, хорошо. Идите!

Осенью 1945 года уходили по демобилизации военнослужащие старшего возраста. Меня задержал командир полка, попросил подготовить замену. Я не стал возражать. Через два месяца получил документы о демобилизации.

Вернулся в Ленинград. Более семнадцати лет проработал в строительном управлении начальником отдела кадров и пять лет был секретарем партийного бюро. Недавно мне стукнуло семьдесят пять лет. Несмотря на плохое здоровье, меня неудержимо тянет в родные места, в Кенозеро. Не страшит удаленность моей деревни от железнодорожной станции. Я часто навещаюсь в свою деревню.

Лучшее место для отдыха, чем Кенозеро, трудно найти. Какое удовольствие испытываешь, сидя летом в лодке с удочкой в руках! Кенозеро давно перестало быть «краем непуганых птиц». Это излюбленное место туристов со всего Советского Союза. Для стоянки они облюбовали большой и красивый Медвежий остров на озере неподалеку от деревни Ряпусово.

У меня не осталось родных в Кенозере. Братья Иван и Михаил погибли на войне. Семья Михаила проживает в городе Рыбинске Ярославской области. Константин умер в мае этого года. Осталась у него спутница жизни жена — старушка Лукерья. Доживает последние годы в своей ветхой избенке.

Я решил съездить в этом году в Кенозеро. Оно неузнаваемо изменилось. Отдельных деревень нет. Жители переселились ближе к центру — к деревне Вершининой, где появились новые постройки, здание средней школы. Деревни Чудимовская и Дьяковская вошли в состав Вершининой. По озеру за буксирными парходами тянутся гонки с лесоматериалами. Ручной способ доставки леса в реку Кену (человеческой тягой) ушел в прошлое.

Изменилась и жизнь колхозников. В Кенозере теперь — совхоз. Люди живут зажиточно. Почти у каждого имеется моторная лодка. Керосиновую лампу заменила «лампочка Ильича». Электричество стало насущной необходимостью. В быту появились

стиральные машины, холодильники. Кенозёры не только по радио слушают Москву, но и видят ее на экране телевизора. Я невольно вспоминаю далекий день 1925 года, когда мы впервые поставили в Вершининой мачту на горе, а в клубе установили радиоприемник. Никогда не собиралось столько посетителей, как в тот раз. Не только молодежь, но и старики, старушки пришли посмотреть на диковинку и услышать собственными ушами голоса из столицы. Не все верили, что это возможно. Говорили, что мы поставили пластинку. Трудно было доказать маловерам, что они действительно слушают Москву.

Люди теперь стали культурнее. Многие получили среднее и высшее образование, профессии инженеров, врачей, педагогов. Сейчас их уже уже ничем не удивишь!

То, что я изложил в своих „записках из жизни, не выдумка, не плод воображения, а подлинное событие из дореволюционной и послереволюционной жизни Кемзера.

Я как непосредственный участник, так впрочем, стараясь, как я может быть и не совсем удачно, изложил их в своих воспоминаниях.

А. Уликин.

Николай Морозов

НЕ СТИРАЮТ ПАМЯТЬ ГОДЫ

Передо мной раскрывался новый, только что возникший на свете мир созидания, свободы и братства, и сейчас через много лет отчетливо, до внешних очертаний, представились 1917-1919 годы. Вспоминаю о себе и о большевиках, о которых С.М. Киров говорил: «Я глубочайше, как и вы, убежден, что самая лучшая порода людей на свете — это большевики».

Я был поставлен на работу в волисполком совета рабочих и крестьянских красноармейских депутатов. Был из тех, кто пришел в момент Октябрьской революции и хотел работать. Мне тогда было 15 лет. Еще в детстве рассказывал отец, что мой дед был сослан на Север с Украины за то, что защищал крестьян от произвола помещиков. Так наша семья оказалась в Архангельской области.

Я учился в Лекшмозерском сельском училище. В мае 1917 года нас распустили. Отец мой заведовал избой-читальней, а я помогал ему в работе. Увлёкся чтением книг. Занимался физическим трудом.

Три года шла империалистическая война. Время было тяжелое, смутное. В феврале-марте 1917 года стали доходить тревожные слухи. И вдруг новость: царь свергнут! В деревне настороженно прислушивались к каждой вести, ждали окончания войны, возвращения домой мужей и сыновей. Некоторые утверждали, что будет новый царь и война продолжится до победного конца.

Революция! Это новое слово очень скоро вошло в нашу жизнь. Многие не понимали, что это такое, так как в деревне все оставалось по-прежнему. И лишь когда с фронта стали приходиться солдаты-большевики, они разъясняли, что власть теперь перешла в руки рабочих и крестьян.

Одним из солдат-большевиков, с которым познакомился мой отец, был В.Н. Попов. Он-то и рассказал о В.И. Ленине. Через некоторое время летом в начале июля приехали в наше село балтийские матросы-большевики Шувалов и Горбунов. Привезли несколько экземпляров газеты «Правда» и вели агитацию за советскую власть. Были еще и враждебные газеты, пропитанные буржуазным духом, но они скоро исчезли.

Мне вручили книжки: «Азбука коммунизма» и «Царские холопы». Некоторые выдержки из «Азбуки коммунизма» я выписал в особую тетрадь. С жадностью принимался читать газеты «Правда», «Безбожник», которые поступали в нашу библиотеку. Из них узнавал, что творится в стране. До нас доходили веяния новой жизни. Очень увлекли меня книги «Овод» и «Хижина дяди Тома». «Овода» я прочитал несколько раз и под влиянием этой книги навсегда отошел от религии, которую нам преподавал училищный поп. Рассказы о В.И. Ленине и «Азбука коммунизма» раскрыли передо мной яркий образ Карла Маркса. Я полюбил его, как и В.И. Ленина.

В 1918 году организовался волостной совет, который возглавлял В.Н. Попов. Через некоторое время туда вошла партийная ячейка коммунистов и сочувствующих, в которой состояли мой отец, В.Н. Попов, И.И. Зуев и сколько не помню товарищей. Впоследствии партбюро ячейки возглавлял В.Е. Пономарев. В.Н. Попов был сочувствующим. В 1920 году принят в члены партии. Собрания ячейки носили деловой характер. Велась разъяснительная работа среди населения. Ячейка давала отпор некоторым элементам недовольства советской властью. Население, видя правдивые действия партиячейки, начинали все больше и больше переходить на сторону коммунистов.

В избу-читальню заходили старики и молодежь. Я тоже часто принимал участие в агитационных беседах, особенно на антирелигиозные темы. Был горд, когда люди отзывались обо мне как о настоящем большевике.

Осенью, в конце ноября 1917 года, масса крестьян со всей волости, молодежи с женщинами и детьми собрались к трибуне,

устроенной около здания исполкома. Я держал транспарант с надписью: «Долой кулаков, да здравствует беднота!» Были и другие лозунги на красном материале: «Да здравствует советская власть!» На трибуну входили с приветственными речами В.Н. Попов, мой отец и еще оратор (фамилии не помню), и каждое приветственное слово глушилось громом аплодисментов. В конце вечера люди с весельем, сияющими лицами и улыбками, с радостным настроением разошлись по домам. Этот день навсегда остался во мне как день Великого Октября в нашей семье.

В марте 1919 года В.Н. Попов поставил меня (мне было тогда 17 лет) на работу в волисполком отдела ЗАГС. Я впервые очутился на ответственной работе. Безмерно гордился. Радостно было на душе.

Меня захватила статья В.И. Ленина в газете «Известия» «Очередные задачи советской власти». Хотел быть в курсе дела Октябрьской революции.

Наступило самое голодное время. Не было ни хлеба, ни сахара, ни даже картофеля. Население деревни потребляло хлеб из соломы, и некоторые болели испанкой. Зарплата у меня была солидной, но на бумажные деньги невозможно было купить ни хлеба, ни муки. Трудности не пугали нас. Комитет крестьянской бедноты во главе с В.Н. Поповым, куда входили я, мой отец и милиционер, проводили реквизицию излишков хлеба и картофеля у кулаков и торговцев.

Помню такой эпизод. Летом 1919 года комитет бедноты обнаружил у кулака Пономарева полное гумно не обмолоченного

*Уполномоченный. Кенозерье.
Фото 1930-х гг. Архив КНП.*

хлеба-зерна, которое было на месте силами женщин обмолочено и роздано голодающей бедноте. Это был единственный случай — факт. Но все же население еще нуждалось в насущном хлебе и пережило все трудности борьбы за хлеб. Кулаки и торговцы скрывали свои излишки. В исполкоме со мной работал хромой инвалид империалистической войны. Жаль, что не помню фамилии. Вместе голодали. Вместе стремились установить какой-нибудь порядок и наладить справочную службу, чтобы крестьяне (и особенно бедняки) приходили в только что созданный революцией исполком найти то, что им было нужно.

Не нравился мне писарь Зуев (бывший почтовый чиновник). Он не поддерживал советскую власть.

Вспоминаю такой эпизод. Летом 1919 года пришли в исполком середняки из села Масельга, старик и старушка (вдовцы), приятно одетые (как на праздник), и просили зарегистрировать брак. С чувством гордости за их сознание мы пожали им руки. Это был единственный случай в практике работы исполкома. Нелегко было, когда все церковные обряды актов гражданского состояния взял на себя поп Владимир. Приходилось бороться с его саботажем.

В июле 1919 года В.Н. Попов и мой отец отлучились в командировку в город Каргополь. В исполкоме я остался один. В один прекрасный день утром зашли в исполком кулак Марков (он же бывший урядник) и его партнер. У них пошел какой-то разговор с писарем Зуевым. О чем был разговор, я не слышал. Макаров улыбался и зачем-то смеялся. Я подошел к нему и сказал: «Вы ходите сытые, а наши люди голодают». Зуев схватил меня за шиворот и вытолкал из здания. Пошатнувшись на лестнице, я повернулся назад, крикнул: «Долой кулаков! Да здравствует беднота!» Я пошел к себе домой, обиженный поступком Зуева, и послал с нарочным письмо в Каргопольский исполком партии.

Одинокий и голодный, разбитый судьбой, я вышел на прогулку по деревне и запел «Марсельезу». Шел медленно-медленно, громко повторяя: «Мы к голодному люду пойдем. С ним пошлем

мы злодеям проклятья». Около дома торговца Носова увидел хозяина, который держал в руках длинный кол, и запел еще громче. Носов быстро подбежал ко мне сзади. От сильного удара я упал лицом на землю без сознания и не мог встать. Сколько времени пролежал, не помню. Рано утром передо мной открылась дверь темной клетки, где я лежал. Подошли ко мне мой отец и В.Н. Попов. Они помогли мне подняться и за руки повели на квартиру, где мне сменили окровавленную рубашку. Подали лошадь, и я на телеге лежал, как раненый. Быстро-быстро поехал добрый дедушка (не знаю, как его звать), и я уже оказался в больнице города Каргополя. Долго лежать не пришлось. Меня направили в Няндому. Посадили на поезд. И вот оно. Я еду с ранеными красноармейцами. Жутко мне было. Шла гражданская война. Я видел, как из Каргополя шли вооруженные красноармейские отряды, и приветствовал их: «Да здравствует Красная Армия!»

Быстро шло время. Я увидел вокзал «Вологда». Навстречу мне вышла сестра милосердия. Посадила на легкий тарантас, и я оказался в психиатрической лечебнице для душевнобольных. Почувствовал себя как дома. Врачи и медсестры подбадривали, помогали во всем. Отец успокаивал меня своими письмами.

Поправился я и в июне 1920 года вновь вернулся в город Каргополь. Приехал из Лекшмозера и мой отец. Он работал агитатором на сплаве. Я сразу же окунулся в гущу новых событий, трудился в комсомоле, в партии и в советских организациях. Через некоторое время зашел ко мне Василий Никитич Попов, поздравиł с поправкой. Спросил меня, помню ли я о происшедшем. Я поблагодарил его за внимание и сказал только, что напишу историю. Как жаль теперь, что не дожил В.Н. Попов до чтения моих воспоминаний. В Ленинский призыв 1924 года по рекомендации его и старых большевиков меня приняли в ряды РКП(б), и я горжусь, что являюсь коммунистом Ленинского призыва. Из множества встреч и событий тех дней вспоминаю общение с соратником В.И. Ленина (в городе Вологде) большевиком В.А. Шелгуновым. Его рассказы об Ильиче произвели на меня глубокое впечатление.

Это было в 1925 году. В 1928 году мне пришлось вести переписку по работе бюро жалоб с М.И. Ульяновой. Деловые письма, ею подписанные, согревали мою душу.

В 1926 году я познакомился с комсомолкой В. Ковровой, окончившей вологодскую совпартшколу. Мы поженились.

В 1928 году уехали в деревню Кенозеро, где шла ожесточенная борьба с кулачеством. Работал счетоводом волисполкома. В 1929 году меня направили в новый приозерный район в село Конёво, в райком партии. Был информатором, пропагандистом. На первой районной конференции меня избрали членом ревизионной комиссии райкома партии. Затем перешел на работу бухгалтером в «Раймолглавсоюз». Довелось встретиться с ленинградским двадцатипятилетним, который стал председателем колхоза «Путь Ленина». Я вступил в колхоз. В 1932 году моя судьба круто повернулась. По просьбе Архангельского крайсовета Общества глухих крайком ВКП(б) направил меня в Коми область. В сентябре месяце я прибыл в город Сыктывкар с тремя малолетними детьми. С той поры в течение полувека я тесно связан с Коми республикой. За 50 лет жизни в республике объехал все ее районы, полюбил эту землю и ее славный трудолюбивый народ.

Наступило семидесятилетие Великого Октября. Были за прошедшие годы лишения, трудности, личные неудачи. Всё одолели. Теперь наша страна живет в огромном ритме перестройки, и много нового предстоит осуществить в делах перестройки на основе решений XXVII съезда КПСС. Это нас радует. И хотя я сейчас вдали от своей родины, но сердце мое всегда помнит о Каргополье, земляках и Лекшмозере.

Иван Матвеевич Митяков

НА ПАМЯТЬ ПОТОМКАМ

Повесть написана мной о дореволюционной деревне, в которой я родился и прожил первые 27 лет. Она имеет две особенности. Первая особенность повести состоит в том, что в ней нет сочинительства и вымышленных событий, рассчитанных на эффект, нет и придуманных имен. Все написано по памяти, согласно личных наблюдений и услышанному от старших. Население своей деревни я знал настолько хорошо, что в подсчетах мог ошибиться лишь на несколько человек. Мне хотелось показать, что в 18 деревнях волости с населением около 3300 человек не было ни одной школы и в тоже время построено 7 церквей и 11 часовен с колокольнями.

Второй особенностью воспоминаний является то, что, они написаны не каким-то известным писателем, а бывшим плотником, стариком в возрасте 73 лет, который не может похвастаться хорошим знанием родного русского языка. Поэтому писал я по-топорному, на языке народа, среди которого вырос.

Уместно спросить, что заставило меня, больного старика, взяться за перо?

Любовь к Родине. Я до сих пор помню старую деревню с высокой елью на песчаном бугре и маловодную с широкими плесами реку Шильду. Помню и места, где мы купались по несколько раз в день. Я как будто вижу широкие каменистые межи между узкими полосками ржи в поле, на которых мы собирали землянику. Помню чудесный сосновый бор, богатый ягодами, грибами, птичьими гнездами. Будто вчера в толпе босоногих мальчишек и в таких же, как у меня, холщовых портках с палочками вместо пуговицы, я ходил собирать грибы и ягоды. До сих пор слышу звук самодельной трубы пастуха, который под вечер играет коровам сигнал «домой»,

мычание и перезвон колокольчиков (ботал), подвешенных на шею коровам-вожакам.

Не забылось и то, как в июньские ночи мы пасли лошадей на пустырях и в кустарниках около изгородей в поле, а утром верхом на лошадях без седел и обратей с поводьями в карьер мчались в деревню.

В 1612-1614 годы окрестности нашей деревни были ареной боевых действий с разбойничьими шайками. «Тогда Литва шла», — говорили нам старики. С тех пор урочища носят названия Ратня, Становое, Боевое, Дубина. Очень жаль, если места героических сражений зарастут лесом, а подвиги наших предков сотрутся из памяти народа.

Опасение, что никто никогда не расскажет потомкам о тяжелом прошлом нашей деревни, также послужило причиной, побудившей меня писать.

Теперь на месте Шильдской и Никольской волостей создан колхоз «Кречетовский». Давно нет «рудных» изб с печами без кирпичных домовых труб. Не жгут лучины. В селе появились электричество, радио, телевидение. Не видно на Архангельском тракте потока бурлаков (отходников). Налажено регулярное автобусное движение, а в районном центре есть аэродром. В бывших удельных лесах производятся лесозаготовки. Многие жители соседних волостей нашли постоянную работу. Все, что я написал, считаю полезным для понимания успехов, которых добился наш народ под руководством Коммунистической партии Советского Союза.

Дороги

Между тремя дорогами (Вытегра - Каргополь, Каргополь - Пудож, Пудож - Вытегра) лежал огромный массив леса. Здесь всегда можно было видеть десятки подвод. Они ехали за грузом на ближайшую пристань. Отходники шли на Мариинскую водную систему в поисках работы и обратно. Богатые мужики в подводах, запряженных парой или тройкой лошадей, с привязанными к телеге запасными лошадьми, возвращались домой за фуражем после

окончания очередного рейса «по тяге» судов с хлебом или лесоматериалами, или плотов по рекам Ковже и Вытегре. Можно было услышать звон постовых колокольчиков: это везли почту, или проезжали купцы да чиновники.

Дорога была с крутыми подъемами и спусками. Плотно дороги образовано песком и глиной. Подъем подвод в гору настолько труден, что возы приходилось везти, впрягая пару лошадей, или разгружать возы и поднимать в гору частями.

Телеги и повозки при спуске часто опрокидывались. Если ехала группа подвод, то их спускали с горы по очереди. Один возчик вел лошадь под уздцы, другие поддерживали воз, предохраняя от раскатывания и опрокидывания. Если подвода шла одна, то зимой при спуске с гор под полозья саней опускали петлю из цепи или несколько свитых тонких стволов черемухи, березы. Летом, чтобы телеги не раскатывались, в заднюю пару колес закладывали колья.

Уездное земство ремонтом дорог не занималось. Обслуживание тракта возложено на крестьян и проводилось без руководства и контроля.

Почтовые дороги были разбиты на участки и распределены для ремонта между волостями, а волость распределяла их между деревнями. Участок дороги, за ремонт которого отвечал тот или иной крестьянский двор, называли «дачей».

Иногда дача находилась в расстоянии нескольких десятков километров от дома. В ремонте дороги принимали участие и безлошадные крестьяне. За подвозку песку они должны были платить деньги или отработывать.

*Северный тракт.
Фото Я.И. Лейцингера нач. XX в.*

Дорогу обычно подсыпали землей, которую брали по обочинам, срезая бугры и грязью засыпая ямы. Никто работу не принимал и указаний не давал. После дождей на дорогах образовывались глубокие и узкие промоины. Грязь стекала в боковые канавы.

Соседи

В 1916 году в деревне Кузнецовой насчитывалось 292 человека¹. Из них 86 имели образование от одного до четырех классов.

Самые большие семьи были у Мишарина Василия Яковлевича — десять человек, у Мишарина Василия Михайловича — восемь человек и у Решатникова Александра Васильевича — восемь человек.

Василий Яковлевич держал лошадь, четыре коровы. Знал сапожное и шорное ремесло. Имел постройки: гумно, амбар, четыре сеновала. Механизмы: веялку, соломорезку, швейную машину. Транспортные средства: тарантас, телегу, повозку, сани. В доме у него висели часы-ходики. Держал домработницу. В семье четверо человек знали грамоту.

В семье Василия Михайловича был один грамотный человек. Василий Михайлович владел ремеслом пильщика. Имел лошадь, две коровы, два гумна, амбар, сеновал.

В семье Александра Васильевича Решатникова, занимавшегося торговлей, было шестеро грамотных. Он имел три гумна, два амбара, два сеновала, четыре рудных избы. Держал скотину: двух лошадей, пять коров. Имел веялку, соломорезку, швейную машину, два экипажа, две телеги с железными осями, две повозки, часы карманные, ходики, будильник, лавку с товарами широкого потребления и нанимал двух батраков.

Помимо А.В. Решатникова, самыми состоятельными людьми в деревне были Куйбины Дмитрий Никифорович и Николай Ивано-

¹ Автор воспроизводит указанные данные в таблице. Приведенные выше сведения следует рассматривать, как попытку составителя в текстовой форме проанализировать информацию И.М. Митякова с целью обозначить критерии материального состояния крестьян и показать, каким имуществом владели «богатые» и «бедные».

вич, служащие удельного ведомства. Семья Дмитрия Никифоровича состояла из пяти человек, среди которых было трое грамотных. Он имел гумно, амбар, четыре сеновала. Держал лошадь, четырех коров. Имел сепаратор, веялку, соломорезку, швейную машину, тарантас, телегу, две повозки. Приобрел двое ходиков, карманные часы и будильник. Содержал школу и нанимал домработницу.

Семья Николая Ивановича состояла из семи человек, среди которых было трое грамотных. Построил гумно, амбар, два сеновала. В хлеву стояли лошадь и пять коров, во дворе — соломорезка, тарантас, телега, повозка. Носил карманные часы.

Амбары Решатниковых и Куйбиных были двухэтажными.

Самые бедные в деревне семьи Мишиной Параскевы Алексеевны (четыре человека, один грамотный, держали корову), Демина Игнатия Григорьевича (четыре человека, грамотных нет, держали корову, хозяин занимался отходничеством), Демина Игнатия Кузьмича (в семье пять человек, трое грамотных, держали корову, хозяин промышлял отходничеством). У Гришина Михаила Федоровича (семья из четырех человек, двое грамотных) не было даже коровы. Хозяин зарабатывал деньги в отходе. Не держал скотины и почти не имел имущества печник Солдатов Семен Никанорович. Семья насчитывала пять человек, из них двое были грамотными. Два сына ушли жить в город.

Кучер Куйбин Иван Васильевич не имел сельскохозяйственного имущества и не держал скотины. Был грамотным. Семья состояла из двух человек. С 1917 года служил в уездном продкоме.

Всего семь хозяйств не держали скотины и не были отягчены собственностью. Из этих семей в одной потеряли кормильца, в другой — сыновья ушли жить в город, в третьей хозяин зарабатывал извозом. Трое хозяев пасли коров, один — зарабатывал ремеслами печника и сапожника.

Самым бедным было хозяйство Тихонина Кузьмы Ивановича, семья которого состояла из шести человек (один грамотный) и держала корову. Тихонин промышлял отходничеством.

Количество скота было неодинаковым даже в пределах года. Отдельные хозяева продавали лошадей, когда заканчивались полевые работы, а весной покупали вновь. Причина этого — недостаток сена.

Кроме сельского хозяйства, жители деревни промышляли отходничеством, столярными, плотницкими работами, бондарным ремеслом, катальничеством, изготовлением телег, торговлей. Пастухи в зимнее время попрошайничали.

Война

В 1914-1916 годах из 35 дворов мобилизовано в армию 42 человека.

Из ушедших на фронт тяжело ранены или убиты девять человек. Двое вернулись из плена.

О хозяйстве

Всего в деревне было 36 сеновалов.

Изгороди протянулись на 25 километров, не считая изгородей около стогов и на покосах.

Тридцать шесть хозяйств имели высокие избы с двухэтажными сенями, где на первом этаже были жилые помещения или подвалы с входом через дверь из светлицы или с улицы.

Свадьбы

Период с 1922 по 1929 гг. был богат свадьбами. За первые два-три года после окончания войны в деревне Кузнецовой женились 20 вернувшихся домой фронтовиков. Немного позднее женились 15 человек 1902-1905 годов рождения. В этот период вышла замуж 21 девица из деревни Кузнецовой.

В Кречетово

В Кречетово были два магазина, почтовое отделение, телеграф. С 1910 года — телефон, «казенка» — лавка, где торговали водкой, волостное правление, более 50 крестьянских дворов. До

1917 года административным центром волости была деревня Григорьева, хотя она находилась на границе с Новгородской губернией.

Своего здания земство не имело и арендовало второй этаж дома у крестьянина Сергея Валева. Сами хозяева — братья Герасим, старый холостяк, и Сергей, имевший жену, двух женатых сыновей, дочь и внучат, — жили на первом этаже. Герасима называли Ярахой. Он полностью обеспечивал содержание волостного правления: был уборщиком, истопником, сторожем, надзирателем арестантской комнаты, размещавшейся в конце сеней первого этажа.

В Григорьевой находилась и волостная аптека. Так называли медицинский пункт, располагавшийся на втором этаже в доме крестьянина Григория Анисимова.

Управлял волостью старшина, избираемый из богатых мужиков на волостном сходе. Из них я запомнил Костина Алексея из деревни Рядчины. Кроме старшины, в волостном правлении был писарь и два его помощника. Много лет сначала помощником, а потом и писарем работал крестьянин деревни Кузнецовой Ананьин Александр Дмитриевич. У него я первый и единственный раз видел сторублевый банковский билет с портретом Екатерины Второй в 1915 году. Он тогда сказал, что получал жалование 100 рублей в месяц. Может быть, он прихвастнул. В те годы матросы на плоскодонных барках и мужики, сопровождавшие в Питер плоты с бревнами, получали жалование по 15 рублей в месяц, а шкипер — 20 рублей.

Старосты из „безлошадных“

Волость была разделена на сельские общества. Кузнецовское сельское общество состояло из четырех деревень: Кузнецовой, Киняковой, Чечулиной, Ларионовой, в которых насчитывалось 150–160 дворов.

На открытом собрании сельское общество выбирало старосту и сборщика податей сроком на один год. Если волостной старшина получал жалование за работу, то староста и сборщик податей трудились бесплатно. Старшину выбирали из богатых, а старосту

и сборщика податей — из тех, кто не служил в солдатах, не считаясь с их имущественным положением.

Много было случаев, когда старосту выбирали из «безлошадных», как мой отец, например. Для него отходничество имело не меньшее значение, чем сельское хозяйство. То, что отца выбрали старостой, для нас стало настоящим бедствием. Он был теперь привязан к дому и не мог уйти на отхожие промыслы целый год.

Наш сосед Егор Демин оказался умнее. Однажды в деревню для сбора податей прибыл сам земский начальник с податным инспектором и распорядился: «Вызвать старосту!»

Егор быстро прибыл. На груди у него висит круглая латунная бляха — знак старосты, а сам пьян — лыка не вяжет. Земский начальник вскипел, вскочил с места, сорвал бляху и крикнул: «Арестовать!» Тут же дал указание собрать сельский сход и выбрать нового старосту. Егор отсидел две недели в арестантской у Ярахи Валевина, после чего надел котомку на плечо и пошагал по Архангельскому тракту в поисках работы.

Полицейские

При волостном правлении было два полицейских чина: урядник — местный житель из деревни Дураковой — Росков Яков Самсоныч и стражник Иван Панов из деревни Сазоновой.

В каждой деревне в помощь полиции назначались один-два сотских из тех мужиков, кто служил в солдатах. Сотские никакой самостоятельной работы не вели и были безоружны, но в каждый праздник они сопровождали полицию. По указанию урядника отводили в арестантскую драчунов и пьяных, сопровождали или помогали провожать осужденных в уездную тюрьму. Со своими обязанностями сотские справлялись хорошо. Заберет, бывало, урядник, разбушевавшегося мужика и поручит сотскому отвести его в арестантскую к Ярехе Валевину. Пьяный мужик, казавшийся зверем, только что ходивший с колом в руках, превращался в кроткого теленка. Идут арестованный и сопровождающий, мирно беседуют. О чем спорить двум мужикам и соседям?

Уведут арестованного, а через какое-то время за ним сзади бегут жена или дети, несут пищу. Яраха только открывал да закрывал двери, давал кипяток. А питание надо было иметь свое.

Земский начальник

Четыре волости — Шильдская, Ухотская, Тихманьгская и Ягремская — были объединены в стан, который находился в Ухте. Там жили земский начальник, становой пристав и податный инспектор. Там же был суд, хотя суд находился и в каждой волости. Осужденные волостным судом крестьяне отбывали наказание в Ухте. В уездной тюрьме сидели нарушители закона, осужденные на длительные сроки. Недостатка в местах заключения не было.

Станового пристава в нашей деревне я видел один раз около 1910-1912 годов, когда вскрывали труп Демина Алексея, убитого сыном, тоже Алексеем. Земского начальника видел чаще. Приезжал он почти ежегодно, больше зимой, и всегда появлялся, если сбор податей шел неудовлетворительно. Это был грубый, злой, крайне несдержанный человек. С мужиками он не разговаривал, а кричал на них и топал ногами так, что пенсне с золотой дужкой улетало с носа.

Идешь, бывало, полем в деревню Григорьеву. За полкилометра до волостного правления слышен голос земского начальника, — опять кого-то разносит!

Он был подслеповатым блондином среднего роста. Зимой ходил в шубе, обшитой черным сукном, с полами до самой земли. Воротник у шубы — до середины спины. Все в нем незнакомое, чужое, страшное. Приезжал и начинал подворный обход неплательщиков податей. Если хозяин отказывался тотчас платить, начиналась опись имущества. А сколько платить? — Тут и текущие платежи, и недоимка прошлых лет, и ссуда. А что за ссуда? Кто и когда ее брал? Никто этого сказать не мог. Ссуду могли брать отцы или деды, а теперь ее надо выплачивать.

В деревне хранился страховой фонд зерна — «магазея». Какое-то количество хлеба крестьяне сдавали туда ежегодно. Но что

это за хлеб? Куда он шел? Ключи от амбара хранились у лавочника А.В. Решатникова. Может быть, стоимость выданного когда-то хлеба называли «ссудой»? — Земского это не интересует. Из одной избы он бегаёт в другую. Одни платят. У других производят опись имущества. Описывали всё: постройки, скот, инвентарь, предметы домашнего обихода. Многие, в первую очередь, прятали самовары и одежду. Да разве все спрячешь? Разве успеешь скрыть зерно, оставленное на семена или смолотое в муку? Кому — горе, а кому — доход. Богачи-ростовщики (Решатников А.В., Куйбин Д.Н., Решатников И.С.) едва успевали принимать «в залог» под проценты семена и домашние вещи.

Бочонки

Не забыл и не забуду, как однажды к нам пожаловал земский начальник. С ним — податный инспектор, волостной старшина, сельский староста, сборщик податей, урядник и стражник.

Только зашел земский в сени, увидел двадцать двудонных двухпудовых бочонков под красные рыжики. С наших волостей торговцы с обозами отправляли грибы в Петербург и другие города. Знал земский цену рыжикам и бочонкам! Мать не подготовилась к приему гостей и сильно перепугалась. Отца не было дома. Земский махнул рукой на бочонки и крикнул: «Описать!» Мать рухнула перед ним на колени, обхватила его ноги руками, умоляя дать время для выплаты податей. Если бочонки пойдут с торгов, их продадут за бесценок. Но земский заорал: «Отойди, старуха!»... У меня к горлу подкатился ком. Плакать я не мог. Бочонки, скот (корова и овцы) были описаны. Но до торгов дело не дошло. Отец сходил к одному заготовителю грибов, который заплатил за двадцать бочонков и выдал аванс. На следующий день отец уплатил все, что причиталось с него за этот год.

Сход

Однажды приехал к нам в деревню земский и приказал созвать сход в избе десятского. Десятским, который должен созы-

вать мужиков на собрание, был Семен Никандрович Солдатов: небольшого роста широкий скуластый косоватый мужчина с воловьей шеей, с большой головой и короткими большими ногами. На голове у него росли жесткие, черные, незнавшие гребня волосы. Борода — жесткая, как поросычья щетина, и редкая. Каждый волос, будто отдельно воткнут. У корней волос — черные точки. Семен был болен и мылся редко.

Когда начальство вошло в избу, Семен лежал на печи, а его жена Ульяна с батогом убежала стучать под окнами соседей. Был вечер. На столе зажгли трехлинейную лампу, а на стекло положили деревянную палочку, чтобы язычок пламени поднялся выше, но он почему-то все время падал вниз. Вскоре набралась полная изба мужиков.

Земский по списку начал вызывать неплательщиков податей. И вдруг вскрикнул: «Семен Солдатов!»

Семен спрыгнул с печки, подошел к столу, вытянулся в струнку и приложил руку ко лбу:

— Есть, Ваше благородие!

Ноги у Семена дрожали в коленях. Волосы стояли дыбом. На нем была надета холщовая до колен рубаха. Ворот рубахи застегнут на палочку, пришитую вместо пуговицы, и съехал на левое плечо. В прорези ворота торчали черные волосы.

— Почему не платишь податей?!

— Средств не имею, Ваше благородие! — отвечает Семен, все больше вытягиваясь и не отпуская руку от головы.

Земскому показалось, что Семен пьян или держит себя непочтительно.

— Связать! — крикнул он и показал рукой на Семена. А Семен вдруг очень спокойно отвечает:

— Ваше благородие, сейчас потухнет лампа. Как тут разберешь, кого вязать?

Лампа действительно чадила и мигала. Мужики пришли в ужас. Они ожидали от земского какой-нибудь выходки, но ничего не случилось. Начальник счел благоразумным завтра принести

подать в волостное правление. — Лампа-то и в самом деле могла «потухнуть».

Дорожное строительство

Строительство 19-го Кречетовского удельного имения закончилось около 1908 года. Одновременно с работами в пределах удельного леса, уездное земство производило реконструкцию дороги из деревни Кречетово в Шильду и далее до выезда на Архангельский тракт. Были выкопаны боковые водоотводные каналы, укреплено полотно дороги, сделана телефонная линия, обеспечивающая связь Удельного имения и волостных правлений с уездными городами — Вытегорой и Кирилловым. Но в самой Шильдской волости ничего не строилось. У земства не было ни одного здания. Волостное правление, медпункт и школы размещались в крестьянских избах.

Удельное имение

Жизнь крестьян волости осложнялась тем, что деревни были полностью окружены или зажаты в тисках лесом императорского двора и уделов.

Около деревни Дергуновой, на левом берегу реки Потеньги, в двухстах метрах от дороги из Кречетова в Шильду находилось 19-е Кречетовское удельное имение Вологодского удельного округа Министерства императорского двора и уделов, которым руководил министр, немецкий барон, фон Фредерикс.

Земли, которые можно использовать для пашни, были распашаны. Поля крестьян за изгородью окружены стеной леса. В кустах ольхи и вереска расчищены просеки, отделяющие крестьянские наделы от леса. На углах, где просеки меняли направление, выкопаны четырехугольные ямы, а около них установлены столбы с надписями, указывающими номер лесного квартала.

У крестьян не было места под пастбище для скота, кроме речной поймы или удельного леса. За это надо было платить удельному ведомству.

Лесная охрана

Удельная охрана — смотрители и сторожа — одевались в одинаковую форму. Летом они носили белый мундир со стоячим воротником. Подпоясывались ремнем с латунной бляхой, на которой изображен двуглавый орел. На левой половине груди носили металлический знак, по форме напоминавший цифру 8 с кружками диаметром 9–10 сантиметров. В одном круге знака изображен двуглавый орел, а в другом какая-то эмблема и по краю окружности надпись «Лесной сторож» или «Лесной смотритель». На пояском ремне висел наган, к ручке которого прикреплен плетеный шнур зеленого цвета, перекинутый через шею. На голове — фуражка с кокардой, а в руках сторожа носили полусаженок — брусок с делениями для измерения длины, диаметра бревен и обмера штабелей дров. На нижнем его конце — железная скоба с крючком, а верхний конец имел срезанные углы для того, чтобы его было удобно держать рукой. Полусаженок не только служил измерительным инструментом, но и заменял трость.

В зимнее время смотрители и сторожа носили серо-зеленый мундир с теми же знаками, а на голове — ушанки с кокардой.

„Сухостоя или валожника?“

Этой «публики» крестьяне боялись больше, чем полиции. Если земского начальника и податного инспектора можно было видеть в деревне раз-два в год, то смотрители постоянно шныряли по деревням, всегда чего-то искали, вынюхивали. Для отопления шестидесяти шести изб нашей деревни, для сушки снопов хлеба перед обмолотом и топки бань требовалось около 1200–1500 кубометров дров. Деревень, которые были окружены удельным лесом в трех волостях, насчитывалось около шестидесяти. Только на дрова требовалось огромное количество леса. А где его взять? Своих лесов крестьяне не имели. В наделах нашей деревни около покосов, находящихся среди удельного леса, на межах (перегородках) между покосами росли кривые березки, чахлые осинки да кусты

ивы. Каждую кубическую сажень дров надо было покупать в удельном ведомстве.

При выписке лесорубочного билета обязательно спросят: «Чего хочешь: сухостоя или валежника?» Цены на лес разные. Сухостой и валежник найти в одном месте трудно, а возле дорог вовсе не найдешь. Надо ходить по лесу и собирать дрова в одно место. После того, как дрова собраны за 7-10 километров от деревни, их надо вывезти в определенное место, указанное лесной охраной, сложить в штабель правильной формы и предъявить к сдаче. В определенное время на свалку являлся удельный смотритель, производил обмер штабеля, и если объем соответствовал указанному в лесопорубочном билете, в торец каждой чурки ударял контрольным молотом и выбивал буквы «УЛ», что означало «удельный лес». Если в штабеле были излишки или вместо сухостоя оказывались кряжи свежесрубленного леса, по торцам стволов смотритель бил другим молотом и выбивал буквы «АР», что означало — «арест». Вывоз дров с клеймом «АР» рассматривался как хищение государственного имущества. Чтобы увезти эти дрова, надо было идти с поклоном к управляющему и просить с поклоном принять деньги за излишки. Если б только брали деньги! Даже если за древесину было уплачено, а реально леса заготовлено на большую сумму, виновного в «самовольной порубке» на две недели отправляли в арестантскую к Ярахе Валевиноу. Дела о самовольной порубке с отягчающими обстоятельствами рассматривались судом при земском начальнике в Ухте, там же виновные отбывали срок наказания.

Лесные сторожа и смотрители были ревностными служаками. Каждый дорожил должностью и боялся, чтобы его не уволили как нерадивого работника. За самовольную порубку с мужиков спрашивали сполна, старались выслужиться перед управляющим, докладывали ему о каждом значительном нарушении. Если лесные сторожа заставляли самовольных порубщиков на месте преступления, отбирали у них топор или брали что-либо из сбруи. Потом доставляли управляющему как вещественные доказательства.

С виновных взыскивалась стоимость потравленного леса. Многие после этого «гостили» в арестантской.

Лесная охрана по следам колес или дровней выясняла, в какую деревню был увезен лесоматериал. Смотритель и несколько сторожей производили подворный обход с обыском. Порубщички старались как можно скорее распилить дрова, расколоть и сложить

Пильщички леса.

Фото С. Прокудина-Горского нач. XX в.

в поленицы. Расколотые дрова складывали под крышу: в скотные дворы, в сараи, в сени, под лестницы. Заваливали дрова сеном и соломой. Несколько поленьев с клеймами «УЛ» были всегда в запасе и не сжигались. Их смешивали с дровами, срубленными самовольно, и старались доказать, что они заготовлены по лесопорубочному билету.

Бондари

Многие в нашей деревне занимались бондарным ремеслом. Делали кадки для воды, для засолки грибов, капусты и мяса; для хранения толченой пареной брюквы и брусники; шайки и ведра, чтобы поить скот и мыться в бане. Многие бондари, выполняя заказы торговцев, изготавливали тару под соленые грибы и ягоды. Бочонки были двудонными, вместимостью до 2-х пудов соленых грибов. Другие — на полпуда, третьи — на восемь фунтов. Для этого требовалось много ели, которая хорошо колется на доски, обрабатывается режущими инструментами и не пахнет смолой, как сосна. На бока и днище деревянной посуды от ели отрубался комлевый кряж 3-4 аршина без сучьев, с косослойной древесиной.

Остальная часть дерева оставалась лежать в лесу. На деревянную посудину набивали не менее четырех обручей, а на большие кадки — до шести штук. Каждый бондарь, занимавшийся зимой бондарным делом, расходовал 1500–2000 обручей.

Срубив 6–7 елок 80–100-летнего возраста, бондарь отрубал по кряжу 3–4-метровой длины и старался увезти ночью, когда метет снег или вьюга. До деревни не доезжал или проезжал ее и прятал заготовки в кустарнике, возле изгороди. Если метет снег, то уже через час он уже и сам нескоро мог догадаться, где «похоронены» кряжи. Когда лесная охрана обшарит все дворы и успокоится, кряжи выкапывались и доставлялись домой. Если кряжи найдены в снегу, то виновника самовольной порубки отыскать было трудно. Соседи крестьяне хотя и ссорились между собой, но против удельного ведомства обычно выступали в союзе.

Находчивый Кушбин

Житель нашей деревни, безлошадный крестьянин Василий Александрович Мишарин, самовольно срубил несколько посохших деревьев на Прислоне, вблизи Архангельского тракта, заготовил воз дров и привез домой. Дрова распилил. Расколочил чурки на поленья, принес в подвал и сложил в поленницу.

Подвал под домом Мишарина был разделен пополам капитальной бревенчатой стеной. В одну половину подвала вход был из сеней, в другую — с улицы. Сюда он и спрятал дрова. Когда он вез дрова, то проехал две отворотки дороги в деревни Дуракову, Григорьеву, Ларионову и Чечулину. Затем проехал мимо деревень Васильевой, Слободки, Дергуновой. Дальше нашей деревни была еще деревня Кинякова. Таким образом, на подозрении могли быть жители девяти деревень. Несколько дней ходили лесники, разнюхивая, куда увезены дрова. Делали обыски, но безрезультатно. Порубка была сделана в обходе лесного сторожа Степана Медведкова, лесного сторожа из деревни Васильевой. Он ходил по деревне и думал: где искать? Другой давно бы махнул рукой, но Степан был не из таких. Когда он шел мимо дома Мишарина, увидел

дверь в подвал с улицы и вспомнил, что когда они делали обыск, то заходили в подвал из сеней и не догадались, что за стеной есть еще помещение. У дверей Степан нашел несколько щепочек и кусков еловой коры, втоптаных в верхние слои снега. Решил, что надо искать здесь. Он побежал на лыжах в удельное имение, привел с собой смотрителя и сторожа. От Мишарина потребовали открыть дверь в подвал и обнаружили там поленницу дров. В ней было несколько поленьев с клеймом «УЛ». Мишарин уверял, что дрова прошлогодние. Смотритель Попов готов был уже уйти, но ему пришел на помощь Д.Н. Куйбин, ближайший сосед Мишарина. Куйбин выбрал из поленницы восемь-десять поленьев, сложил их на две чурки, какими они были до раскалывания, связал веревками и поехал в лес. Поставив чурки на пни, лесники убедились, что порубщиком был Мишарин. Дорого обошелся ему этот воз дров! А усердие и находчивость Куйбина были оценены. Его приняли на работу в 19-е Кречетовское удельное имение смотрителем лесных дач на берегах реки Свиди.

Где взять лес?

До 1917 года в деревне Кузнецовой было 66 крестьянских дворов. Для ремонта жилых и хозяйственных строений требовалось огромное количество леса. Только одних крыш насчитывалось 30500 кв. м. При сроке службы 10 лет, ежегодно надо менять одну десятую часть кровель. Для этого потребовалось бы около 150 кв. м теса. Чтобы его получить, необходимо около 250 кубометров бревен. Для этого надо срубить около 500 деревьев. Теплые хлевы, где зимой содержали скот, гнили быстрее, чем кровли. У изб надо было менять окладные венцы, венцы под окнами и венцы, на которые опирается потолок. Эти венцы называли «черепами». На это требовалось еще 500 хлыстов — около 7,5 хлыста на двор.

Около полей и выгородок, огородов и наволоков в деревне насчитывалось приблизительно 2500 метров изгородей. Если учесть, что срок службы изгороди 10 лет, в среднем надо ежегодно восстанавливать около 2500 погонных метров изгородей.

Для всей деревни требовалось ежегодно около 1500 кубометров дров. Если бы каждый из двух хлыстов составил 1 кубометр, то потребовалось бы в год 3000 стволов леса. А всего — 16500 стволов без учета деревьев, которые срубали бондари и колесники, без учета берез, которые срубали на веники. Взять такое количество лесоматериалов можно было только в удельном лесу, который, как стена, окружал деревню двух волостей.

Кроме полей, примыкающих к деревням, крестьяне имели земельные наделы в лесу, на которых были покосы. Большая часть этих наделов находилась в 8–10 километрах от деревни. На этих нарезках, кроме кривых березок, чахлах осин и кустов другого леса не было.

Положение крестьян было похоже на ситуацию человека, который стоит по горло в воде и кричит: «Пить хочу!» Оглоблю к дровням и ту надо было украсть в удельном лесу.

Кругом на сотни верст были леса и пустующие земли, а у нас грядку луку посадить негде. Нет места, где можно было бы пасти телят.

В 1916–1917 гг. в деревне было 106 коров, 33 лошади, около 500 голов телят и овец с ягнятами, а для пастбища могла быть использована только долина около реки Шильды по направлению к деревне Чечулиной, покрытая валунами и кустами вереска. Все было прибрано к рукам и огорожено. Единственным местом для пастбища коровам был сосновый бор, расположенный к северу от деревни Кузнецовой. Но это лес Удельного ведомства. И за худое пастбище надо было платить. Когда коровы заходили в неположенное место, их угоняли, а крестьянам предлагали заплатить штраф в размере 50 копеек за каждую задержанную корову. Если коровы находились в Удельном имении до утра, штраф удваивался.

Покосы

Сенокосные угодья нашей деревни и деревни Киняковой находились среди еловых лесов, с деревьями 80–100-летнего возраста за 8–10 километров от деревни. В этих красивых местах трава

почти не росла. В такой траве как там каждую ящерицу увидишь. Были покосы, на которых росли листочки, похожие на зонтики со складочками. Когда они высыхали, половина их проходила сквозь грабли. Много было покосов, на которых росла трава, похожая на свиную щетину. Растет она кустиками, создавая корневой системой маленькие бугорочки. Называлась по-разному: белоус, волк или волчок. Она очень плохо поддавалась резанию. Казалось, что режешь не траву, а проволоку. Косили эту траву только по утрам, пока не высохла роса.

Еще одна разновидность покосов — «палмы», находящиеся около болот. На этих покосах росла редкая, длинная и малосъедобная трава. Были и такие места, что не разберешь, чего больше срезаешь: травы или молодого ивняка и осинника.

А удельный лес наступал со всех сторон. То клином врзался в покосы, то скобой или полукругом их охватывал. Значительная часть покосов была на возвышенных местах. В сухие годы на них были большие пятна, где вообще не росло никакой травы. Она появлялась только в тени под кустами или около межи, заросшей мелким лесом.

Старики говорили, что эти покосы, или «нарезка», выделены крестьянам на месте выгоревшего леса. Это похоже на правду, потому что растительного грунта почти не было. Были песок и глина. Какая уж тут трава!

На покосах ужасная чересполосица. Пожни крестьян деревни Кузнецовой находились среди покосов деревни Киняковой, Григорьевские — среди Кузнецовских, даже земли Новгородских крестьян были среди земель Олонецких крестьян. Молодые женщины, вышедшие замуж в нашу деревню, годами не могли запомнить всех покосов и тропинок с одного покоса на другой.

Мало было таких нарезок, на которых выкашивали больше 50 пудов сена. Чаще всего — воз или два. Чем меньше покосы, тем больше потеря сена. Смечет, бывало, крестьянин стог сена и считает, что в нем 20 пудов. А домой привезет — 12-15 пудов. Много сена гниет в верхней части стога и по бокам. Да и снизу от земли

сено сыреет и плесневеет. Если трава мелкая и в ней много листьев, то около стожара стог проливалось дождевой водой до самой земли, и середина стога оказывалась мерзлой глыбой.

Бревенчатые сеновалы были не у всех, а только у богатых. И не на всех покосах, а только на тех, где накашивалось не менее 100 пудов сена.

Целый месяц мучились крестьяне на покосах, а сена накашивали столько, что с трудом могли прокормить лошадь, двух овец и теленка. Половина крестьян не имели лошадей, потому что кормить скотину было нечем. Из-за недостатка сена вся солома от овса и ячменя скармливалась коровам. «Резку» из ржаной соломы смешивали с овсом и запаривали в горячей воде. Часть ржаной соломы уходила на подстилку скоту. А подстилка и скот — это навоз. А навоз — это хлеб. Земля без навоза ничего не давала. На подстилку скоту заготавливали еловую хвою, но и хвои взять было негде.

Конец Удельного ведомства

После 1905 года Удельное ведомство начало продавать лес полосками или делянками. Но купить их мог не каждый. Бывало, покупали в складчину. Около 1910 года лес начали продавать деревням целыми кварталами. Наша деревня закупила два квартала в бору, примыкающие к нашим полям, но строевого лесу там почти не было. Был закуплен квартал с еловым лесом № 35 в десяти километрах от деревни. Пока крестьяне не выплатили денег, рубка лесов в «закупках» не разрешалась. Только в 1912-1913 годах было разрешено вырубить несколько гектаров леса выборочно, по 5 хлыстов на пай в 35 квартале. Лесная проблема оставалась нерешенной.

В течение первых двух месяцев после Февральской революции крестьяне разгромили Удельное имение. Все лето 1917 года там стояли голые стены без крыши, с содранной обшивкой, без дверей и оконных рам. Если весной 1917 года здания разбирались втихомолку, то после Октябрьской революции — открыто, и к весне 1918 года от Удельного имения остались одни фундаменты.

Проживавший в деревне Дергуновой мужик по имени Тарас, бывший батрак, с удовлетворением срубил пожарную каланчу. Когда эта громадина рухнула на землю, Тарас положил топор пяткой на левый локоть и отправился домой, не взяв даже гайки. Мужики коллективно распилили и увезли каланчу на дрова.

Удельное имение прекратило свое существование, но те, кто знали, что это такое, никогда не забудут.

Призыв в солдаты

В нашем волостном правлении ежегодно работала воинская приемная комиссия по очередному призыву в солдаты. Туда являлись призывники из пяти волостей: Шильдской, Ухотской, Тихманьгской, Ягремской и Чернослободской — почти с половины Вытегорского уезда. Дни призыва назывались «набором». Набор производился в конце сентября или начале октября, когда заканчивались полевые работы, и продолжался 3-4 дня. Призывники прибывали на лошадях в сопровождении родственников и товарищей. Деревня Григорьева в эти дни была наполнена народом. Со всей округи приходили толпы молодежи и пожилые крестьяне. У одних призывался сын, у других — родственник. Большинство мальчишек в эти дни не посещало школу. Их особенно интересовало, на каких гармошках и как играют наши соседи. Можно было увидеть и услышать плоскую визгливую «Черепанку», красиво украшенную металлом, но не менее визгливую, с двумя свистками «Балаговку», и «Венку», и «Вятку», и похожую на большой короб со срезанными углами «Итальянку». Особенную зависть у мальчишек вызывала гармонь с одним правым гребнем, на левой планке у которой было два блестящих колокольчика, как у будильника. Обидно, что в нашей деревне такой гармошки не было.

Некоторые парни из Чернослободской волости приезжали с балалайками. У нас на этом инструменте никто не играл. Ребята научились сами делать балалайки. У матерей пропадали после «набора» проволочные сита («решета»). Тонкая проволока от них

пошла на изготовление струн. А еще струны научились делать из льняных скрученных ниток.

В волостном правлении во время набора была ужасная теснота. В большой передней комнате площадью примерно 40 квадратных метров за барьером находилась приемная комиссия: уездный воинский начальник, главный врач уездной Вытегорской больницы Казанский и местный поп. В комнате над сенями располагались врачи. Призывники раздевались в передней и шли к врачам, а от них через особую дверь в большую комнату, где их взвешивали и измеряли рост. Тут же объявлялось решение комиссии.

Не было призывников, которые бы хотели идти на три года служить царю-батюшке, но и уклониться от службы нельзя. Говорили, что решающее слово принадлежит врачу Казанскому. Он может дать любое медицинское заключение о здоровье призывника. Родственники и друзья призывников настойчиво им рекомендовали добиваться расположения Казанского, чего бы это ни стоило. Похоже, что эти советы кое-кому пригодились.

Сени и лестница были запружены народом. Каждый хотел узнать решение комиссии первым, но можно было и не спрашивать то, что написано на лице у каждого, кто прошел медосмотр. Если выходит парень веселым, то это значит забраковали его или зачислили в ратники (в запас). А тот, кого призвали в солдаты, как перешагнет за порог, так и заревет: «Последний нынешний денечек...» На него со всех сторон вешаются мать, сестры и с громким плачем и причитанием все выходят на улицу.

В эти дни улицы Григорьевой похожи на пчелиный улей. По ним прохаживаются сотни парней, орут песни. Надрываются гармошки. Девчата стоят рядами вдоль улиц. Между избами примостились подводы с лакомствами, и тут же с телег продают товар. Над телегами висят балансовые весы, привязанные к воткнутому в землю колу. В широких телегах устроены большие сундуки, разделенные перегородками на ячейки, где хранятся конфеты, пряники, орехи. По углам телеги сидят мальчишки. Играют «в номера». Эту игру торговцы придумали для того, чтобы торговля

шла бойчее. Она заключалась в том, что в квадратный мешочек закладывалось десять деревянных пластинок с записанными на них номерами от одного до десяти. Торговец встряхивал номерки, а потом предлагал кому-либо из мальчиков захватить один номерок в уголок мешочка. Остальные вытряхивал на тарелку весов. Номерок, оставшийся в руке мальчика, считался выигранным. Выигрыш заключался в том, что сначала номера раскупались по копейке или две за штуку. На эту сумму — десять или двадцать копеек — торговец выдавал товар по желанию победителя. В результате торговля шла очень бойко. За каждые две-три минуты счастливым участникам отпускались или фунт с четвертью карамели (фунт стоил 16 копеек), или другой товар. В игре принимали участие взрослые, и даже сам торговец. Допускалось приобретение одним игроком двух и трех номеров. Разве мог деревенский мальчишка усидеть в школе, когда в соседней деревне такой праздник?! Те, кому удавалось раз или два выиграть, приходили домой с полными карманами сладостей.

Земское училище

Земское училище в нашей деревне (так называли начальную школу) размещалось в избе Куйбина Дмитрия Никифоровича. В других деревнях школы также были в крестьянских избах. Во всей волости не было ни одного школьного здания. Изба Куйбина — одна из самых лучших и больших в деревне. Лицевая сторона, на которой было четыре окна, — из бревен длиной четыре сажени. Боковые стены — из трехсаженных бревен. Углы избы срублены «в чашку» с остатком, который назывался «зауголком». Площадь пола между стен была около 41 кв. м, из которых не менее четырех занимала русская печь, стоявшая у задней стены так, что за печью слева от входа был чулан. В чулане хранились квашни с тестом для хлебов, бураки с мукой, печеные хлебы и пироги, горшки с молоком. Но когда начинала работать школа, там ставили шкаф с книгами и другими пособиями. В створе с передней гранью печи висела классная доска.

С другой стороны печи — справа — была входная дверь из сеней, и в углу стоял другой шкаф с грифельными досками, запасом мела, прочим инвентарем и еще одной доской впереди. Для расстановки парт от печки до лицевой стены оставалось 3 метра, а ширина между боковыми стенами была 7 метров. На площади, примерно, 21 квадратный метр было расставлено 3 ряда парт. В первом ряду стояли четырехместные парты с приставленными четырехместными скамьями. Они предназначались для первого класса. Всего 16 мест. Во втором ряду стояло 4 парты, на 2 места каждая. Всего 8 мест. Они предназначались для учеников второго класса. В третьем ряду было 4 таких же двухместных парты, тоже для восьми человек — учеников третьего класса.

Всего в школе было 32 ученических места. Теснота ужасная. Проходы между партами — узкие. Маленький столик для учительницы, стоявший в проходе, казался лишним. Еще хуже было то, что ученики на задних партах сидели спинами к окнам. Было темно. Дети часто простужались. В боковых стенах тоже были окна: одно слева и два — с правой стороны. Но хуже всего то, что в одном помещении обучались три класса одновременно.

Когда учительница вела занятия с первым классом, ученики второго и третьего классов должны были работать самостоятельно. А что происходило на самом деле?

Берет Клавдия Михайловна две картонки и объясняет: эта буква произносится «К», а эта — «А». Вместе будет «КА». Следующие две буквы будут означать слог «ША».

— Теперь повторите за мной...

Берет две карточки и произносит протяжно, сближая руки над головой:

— Ка - Ша.

Дети повторяют хором:

— КАША.

И действительно, была не учеба, а каша. С учениками первого класса ведутся занятия, а ученики второго и третьего класса бросаются жеваной бумагой.

До 1911 года обучение в земских училищах велось по трехгодичной программе, а с осени 1912 года организовано обучение четвертого класса. В тот год не было набора в первый класс. Разница в пропорциях классных мест между первым (16), вторым (8) и третьим (8) классами получена опытом. Поучится ребенок одну зиму или меньше, выучит три молитвы: «Спаси, Господи, люди твоя», «Богородице, дево, радуйся» и «Отче наш», научится писать грифелем на доске и считать до ста, а отец уже говорит сыну: — Кончай! Писарем все равно не будешь!

В понимании отцов должность волостного писаря казалась недостижимой высотой. Дальнейшую учебу детей они считали пустой тратой времени.

Отцам хотелось, чтобы сыновья быстрее овладели мужицкой сельскохозяйственной наукой: сохой, косой и другими средствами для выращивания хлеба.

«Школа семью кормить не будет», — рассуждали они. Отцам надо было научить детей не только тому, как пользоваться сохой или косой, но тому, как их изготовить самостоятельно. За исключением колес, которые делали мастера колесники, все остальное было своедельным.

Работа сохой

Почему отцы придавали большое значение овладению сохой? Прежде всего, не правы те товарищи, которые слово «соха» произносят с презрением, считают соху грубым, примитивным орудием. Действительно, соха — это не современный комбайн или трактор с пятком прицепленных лемехов, но она кормила миллионы людей сотни лет, и овладеть ею не так просто, как многим кажется.

Сохи были разными. Одни назывались «прямыми», а другие — «косулями». Прямые двузубые сохи действительно примитивны. Они не отворачивали пласт земли. Такие сохи у нас не применялись. У нас пахали косулями. Эта соха тоже с двумя сошниками, но косыми, имеющими изгиб. Левый сошник немного

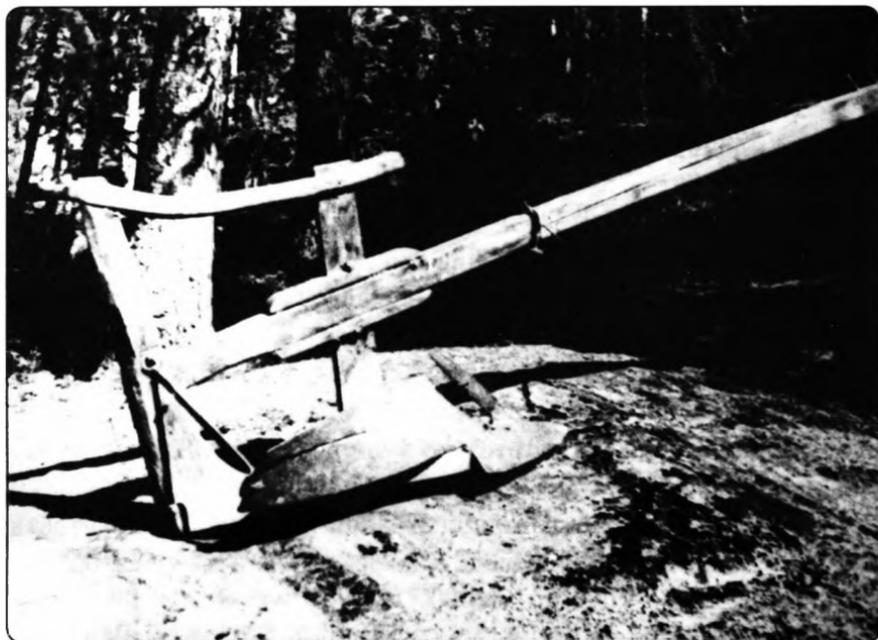
выдвинут вперед. Острое ребро предназначалось для отрезания пласта земли, а справа была деревянная лопатка — отвал.

Про хорошего пахаря у нас говорили: «Пашет — как пишет». И еще есть поговорка: «Если соха на уставе (то есть хорошо отрегулирована), и дурак вспашет».

И действительно, у одного пахаря вспаханная земля состоит из чередующихся через 10–15 сантиметров гребешков рыхлой земли, а у другого пахаря она похожа на ряд поросят, поваленных набок. Когда соха хорошо отрегулирована, она отрезает от целины пласт земли одинаковой ширины и вспахивает полосу на одинаковую глубину. От пахаря требуется, чтобы он поддерживал соху и не давал ей упасть. Никаких усилий, чтобы загонять соху в целину, глубже в землю, не надо было применять. По походке пахаря можно было судить и о настройке сохи, и о качестве пашни. Один пахарь идет за сохой спокойно, другого бросает, как на море во время бури: ноги оказываются то на целине, то на пашне. У такого пахаря местами видны вывернутые из глубины песок и глина или не запаханная стерня (комельки соломы).

Сделать соху сложно. Ее главной рабочей частью является «свара» или искривленный брус, имеющий сильное утолщение внизу. Именно это место является самым ответственным в сохе. Оно должно обладать высокой прочностью. В этом утолщении делается вилка с двумя рогами, на которые насаживаются железные сошники и приделывается лопатка — отвал. Для свары находят искривленную у корня березу с сильным утолщенным корневищем. В этом утолщении делается вилка. Тесать это корневище очень трудно. Годичные слои, переплетаясь, идут в разных направлениях. Надо не просто тесать, а придавать брусу определенную кривизну, угадывая и учитывая кривизну железных сошников.

С каким искусством кузнец выковывает сошники! Левый — длинный — горбатый сошник выполняет главную работу. Острым ребром он отрезает пласт земли от целины, а носком, выдвинутым вперед, подрезает пласт книзу. На этом причудливо выгнутом сошнике земля, поднимаясь кверху, начинает поворачиваться, как

Соха. Каргополье. Архив КНП

в винтообразной нарезке. Остальное доделывает второй, вспомогательный сошник, а деревянная лопатка, давая верхнему слою целины лечь вниз, подбирает рыхлую землю, поднимает ее кверху и заставляя осыпаться на перевернувшийся пласт.

Для крепления свары на концы двух оглобель насаживается толстая кривая доска с гнездом для верхнего конца свары, а от планки, соединяющей обе оглобли посередине, к нижнему концу свары идет жесткий тяж из ствола черемухи или другого дерева. Этот тяж, огибая свару, идет к месту соединения планки с другой оглоблей и там крепится. Верхний конец свары зажимается в кривой березовой доске клиньями. Эта доска называется «болозном». На концах у него две ручки, за которые держат соху.

Успех дела будет определяться умением пахаря придать сошникам такой угол резания в горизонтальном направлении, чтобы соха отрезала пласт нужной ширины. В вертикальной плоскости

должен быть такой угол, чтобы соха не лезла глубоко в землю и не ползла по земле.

Неопытный пахарь может испортить пашню, измучает себя, обомнет плечи лошади и надолго выведет ее из строя.

Коса

Такое же великое значение имела коса. Косить приходится травы, которые хорошо режутся, «волчок», который режется немного лучше проволоки, и, наконец, травы около болот, на мху, сильно притупляющим косы. Поэтому и вязка косы в черенок или в косьевище имеют решающее значение. Опытный косарь несколько раз в день регулирует косу с учетом того, какую траву собирается косить.

Эти два вида работ были серьезной проверкой деловитости крестьян, знания ими производства сельскохозяйственных работ.

Крестьянские дети

Крестьянские дети с 6-8 лет помогали родителям. Сколько надо было знать никем не писанных правил! Отцы как можно быстрее стремились передать свои знания детям. До школы ли! Не беда, если плохо будешь читать сказку о Еруслане Лазаревиче!

У матерей забот было не меньше. Им надо научить дочерей выращивать и обрабатывать лен, прясть, ткать холст, сукно для одежды, полотенца, скатерти. Девочки учились выращивать овощи, готовить пищу, шить, стирать.

— До школы ли! Кончай! Учительницей все равно не будешь!

Каждая мать знает, что годы пролетят незаметно, дочь будет выходить замуж. Как она поведет хозяйство, если ее ничему не научишь?

И получалось, что в начале учебного года школа была не укомплектована, а к половине зимы многие дети совсем переставали посещать занятия. С осени у ребят появлялось желание посещать школу, а потом из-за первых неудач, тем более, когда приходилось отстаивать урок на коленях или «столбом» лицом в угол,

интерес к учебе пропадал. Куда веселее кататься с горки на санках! А родители рады, что дети не просят в школу. Им нужны помощники.

Забота о семье ложилась на женщин. Они кормили, обмывали, одевали семьи. Нянчили и воспитывали детей, участвовали в сельскохозяйственных работах. Женщины видели мало светлых дней. Много работали и мужчины, но в воскресенье отдыхали. Не запрещалось и женщинам отдыхать. Надо только накормить скот, истопить печь, приготовить пищу, не менее трех раз в день собрать на стол. Кормили всех, убирали и мыли посуду, смотрели за детьми. А потом можно спать сколько хочешь. Да не забыть обработать лен, натянуть ниток, наткать тканей, сшить белье и верхнюю одежду, натянуть ниток на веревки, вырастить овощи и сделать так, чтобы всего хватило на год.

Земной поклон нашим женщинам за их большой труд. Разве можно осуждать неграмотную мать, которая не послала дочь в школу? Не все ли равно для матери, сколько проучится дочка, год или три. От этого ей легче не будет. А на какие средства нанимать няньку, если отпустить дочку в школу? Кто будет принимать нитки через бердо? И получается, что не матери виноваты в неграмотности дочерей, а нужда. Грамотную женщину редко можно было встретить.

За четыре года, пока я учился в земском училище, одновременно со мной училось только четыре девочки. Когда я учился в первом классе, в третьем классе училась из деревни Слободки горбатая Катя Софронова. А в одном классе со мной учились Мария Мишарина, Татьяна Мишарина и дочь приезжего землемера Ксения Букштейн.

В деревне все хорошо знали друг друга. Я тоже всех знал, кроме грудных детей, и бывал во всех избах.

Во время Первой мировой войны 1914–1918 годов 40 мужчин из нашей деревни были призваны в действующую армию. Мне приходилось часто писать письма солдатам. Это помогало близко узнавать людей. На 1 января 1917 года в деревне проживало

292 человека, а грамотных из них (тех, кто могли расписаться) было 86 человек. 206 человек были совершенно неграмотны. Некоторые из грамотных могли читать только печатный текст. Даже жена местного лавочника А.В. Решатникова, взятая из богатой семьи, была неграмотной. Спрашивала у свекрови:

— Матушка, почем нынче пяточки?

Поэтому грамотные мальчики пользовались большим авторитетом.

В нашу школу ходили дети из четырех деревень: Кузнецовой и Киняковой Шильдской волости и Слободки и Васильевой Никольской волости. В нашу школу им идти было в четыре раза ближе, чем в деревню Кречетову.

В этих четырех деревнях было:

- в Кузнецовой: 66 дворов и 292 жителя;
- в Киняковой: 26 дворов и 150 жителей;
- в Слободке: 20 дворов и 100 жителей;
- в Васильевой: 9 дворов и 40 жителей.

Всего — 121 двор и 582 жителя. А в школу начинали ходить не более 32 человек в три класса.

Отец дьякон

Около половины всех уроков вел дьякон Шильдского погоста Никанор Васильевич Преображенский. Учил он нас Закону Божьему. Жил он у церкви за четыре километра от нашей деревни, и если ему надобно вести уроки, приходил утром на целый день. Никанор Васильевич был пристрастен к спиртному и часто являлся в школу с опозданием «еле можаху». Мы, ожидая его, не скучали. Устраивали «кучу малу» или открывали боевые действия. Через русскую печь стреляли друг в друга комьями пережеванной бумаги. Одни ведут бой, а другие готовят боеприпасы: рвут и жуют бумагу. Они же были резервом: заменяли выбывших по ранению бойцов. Было очень весело, и домой никто не уходил. В разгар военных действий Никанор Васильевич входит в избу. Сначала он дает команду «Садитесь!», а потом — другую: «На молитву!» Тут возникали затруд-

нения: какую молитву петь? По утрам мы пели «Царю Небесный», перед обедом — «Отче наш», после обеда — «Благодарим тебя, Господи». Хотя утро давно прошло, мы поем «Царю небесный». Никанор Васильевич предлагает:

— Давайте, дети, пропоем и «Отче наш»!

После «Отче наш» отец дьякон отпускает нас на обед. Случалось, что после обеда мы не видели нашего наставника.

Никанор Васильевич носил тулуп, крытый черным сукном, с широченным воротником. Однажды после занятий он пошел домой и на дорогу выпил. Выйдя в поле, упал и не мог встать. Запутался в тулупе. К счастью, мимо проходила подвода. Отца дьякона подобрали и отвезли домой. Он обморозил себе руки и долго ходил с завязанными кистями.

Экзамен

Весной 1914 года состоялся выпуск второй группы учеников, окончивших четвертый класс. В их числе был я. Из города Вытегры на экзамен прибыл инспектор земских училищ. С ним прибыли трое или четверо учителей из других деревень.

Я числился одним из лучших учеников и имел отличные оценки. Если мне с моими знаниями ставили отличные оценки, то что знали те, у кого оценки были посредственные?!

На экзамен пришли некоторые родители и в том числе мой отец.

Когда меня пригласили к столу, инспектор спросил:

— Скажи, мальчик, что дала тебе школа?

— Умею читать и писать.

— А еще что?

— Умею за себя расписаться.

— Отлично, отлично! А еще что?

— Вижу Слово Божие!

— Отлично, отлично, отлично!

Потом мне было предложено написать на классной доске дробь $\frac{4}{120}$ и представить ее в другом виде. Сколько я ни смотрел

на эту дробь и справа и слева, ничего понять не мог. Учителя, стоящие за спиной инспектора, говорили одними губами, без голоса, делали мне знаки руками, но я стоял у стола, как истукан. После этого рассказал какое-то стихотворение и был освобожден. Мне выдали свидетельство о том, что я окончил четыре класса и сдал экзамен с оценкой отлично. Позднее я понял, что мы были недоучками. Умели читать да кое-как писать, но церковно-славянский текст читали отлично.

Десятичные дроби

В августе 1930 года мне пришлось рассчитывать извозчика за доставку бочек под грибы со станции на железной дороге. Был поздний вечер. Счетовод окончил работу и ушел домой. Задерживать извозчика до утра не хотелось. Я стал рыться в документах и нашел ведомость оплаты за доставку бочек, где было написано — 27/8 копеек. За что: одну бочку или единицу веса? Не мог понять, что значит сия цифра. Извозчик оказался грамотнее меня. Пришлось признаться, что десятичных дробей я не разумею. Мы знали «половину», «четверть» и «осьмушку». Извозчик подсчитал зарплату сам. Потом объяснил мне, как считал, и я заплатил ему деньги. В школе нас научили читать «Псалтырь» и «Катехизис». Мы знали на память множество тропарей, кондаков, ирмосов и псалмов, знали толкование каждого члена символа веры, а писать грамотно на родном языке не научились.

ВОЛОГОДЧИНА

Настольный атлас А.Ф. Маркса. 1903 г.

Вологодская губерния занимала срединное положение между губерниями Архангельской, Олонецкой, Новгородской, Ярославской, Вятской и Тобольской. Ландшафт Вологодской губернии представляет собой волнообразную равнину, незначительно приподнятую над уровнем моря. В северо-восточной части Вологодчины — гористые отроги Уральского хребта. Большая часть земельной площади губернии (7313 кв. миль) принадлежала государству. Количество населения в разных частях губернии неодинаково. В конце XIX в. на одну квадратную версту в среднем приходилось три жителя, в Вологодском уезде — 27 человек¹.

В южной части Вологодского края климат мягче. Сложилась трехпольная система землепользования. Длительный вегетативный период в условиях белых ночей в некоторой степени компенсировал скоротечность лета. Из озимых хлебов здесь сеяли рожь и в небольшом количестве — пшеницу. Из яровых посевов — пшеницу, рожь, овес и ячмень. Выращивали картофель и репу, из кормовых трав — клевер, «timoфеевку» и вику. Для изготовления одежды использовали лен. На поля подсеивали горох и коноплю.

Значительные географические просторы определяли сосуществование разнообразных климатических и почвенных условий, сельскохозяйственные и бытовые особенности жизни крестьян в разных уездах, но в целом строй и порядок жизни был одинаковым и устойчивым. Домашний труд и уход за скотом были исключительно женскими занятиями. Мужчины, если не отлучались на отхожие промыслы и не были заняты ремеслом, в зимнее время привозили с полей сено, заготавливали дрова, приводили в порядок орудия труда. В середине апреля начинали сеять яровые. Посев яровых заканчивали в начале мая и начинали обработку паровых

¹ Памятная книжка Вологодской губернии на 1896-1897 г. Вологда, 1898. Ч. 1. С. 3.

посевных площадей. Удобрения, вывезенные в конце мая на поля, равномерно запахивали и боронили. В конце июля сеяли озимую рожь. Лен сеяли после озимой ржи. Наступала пора сенокоса и огородных работ. В начале августа серпами жали хлеб. Вместе работали мужчины, женщины и дети. Вскоре созрел овес. Хлеб складывали в скирды возле гумна, сушили и вручную обмолачивали. Попытки увеличить урожай за счет расширения пахотных площадей, отвоеванных у леса, были безуспешными из-за недостатка удобрений и кормов для скота.

Далеко за пределами губернии славились вологодские кружева. Хорошая кружевница за зиму зарабатывала на дому до 30 рублей. Но в целом крестьянство бедствовало. Избы отапливались по-черному. В сельской местности женщины были преимущественно неграмотны. Крестьяне нуждались в агрономических знаниях. Отношение крестьян к чиновникам и духовенству как к представителям государственной власти было более критическим, нежели в Поонежье. Уездное земство пыталось помочь сельским труженикам. Например, организовало школу в селе Остахово, где 15 ученикам в 1891 г. преподавали «полезные науки». К их числу относились основы сельского хозяйства, Закон Божий, русский язык, арифметика, чистописание, черчение, пение, а также школьники приобретали навыки в столярном, слесарном и кузнечном ремеслах².

Автор публикуемых ниже воспоминаний — Александр Анатольевич Турундаевский — родился в 1900 г. в селе Верхняя Шенренга Шенкурского уезда Архангельской губернии. Учился в Вологодской духовной семинарии. Когда семинария была закрыта, заочно продолжил учебу в Вологодском педагогическом институте. В 1943 г. был призван на фронт. Служил воспитателем в штрафбате. Был ранен. Одна пуля пробила легкое, а другая касательно задела череп. С поля боя его вытащил бывший колонист из штрафбата. Сказал: «Приложишь землю к ране — выживешь». Выжил.

² Там же. С. 10.

До конца войны служил писарем. В мирное время работал учителем физики в селе Ротковец³.

Автор рассказывает о своих ближайших родственниках, которые по рождению, образованию и служению принадлежали к духовному сословию. Они жили в различных уездах Вологодской губернии.

³ Публикуемые ниже воспоминания хранятся у Мосягиной Татьяны Евгеньевны (1964 г.р., с. Подюга Архангельской области), внучки Александра Анатольевича Турундаевского. Проживает в Архангельске.

Александр Анатольевич Турундаевский

НАША СЕМЬЯ

Вод Турундаевских

Зарегистрирован с 1755 года. Предок — Иван Степанович Малинин (1755-1812). Его сын Николай Иванович имел фамилию Малинин-Турундаевский. Мой дед Василий Николаевич носил одну фамилию — Турундаевский. Жил с 1840 по 1916 г. У деда был брат Петр Николаевич (1836 г.р.) и сестра Серафима Николаевна (1845 г.р.).

Василий Николаевич Турундаевский (1840-1916)

Дед Василий Николаевич среднего роста коренастый мужчина, с хорошей мускулатурой, крепкими руками, широкой окладистой бородой, серыми глазами. Человек жизнерадостный, на лице часто появляется улыбка, любил шутить и подшучивать. Среди духовного мира слыл как многодетный батя. У него было 19 детей. Из них осталось семь сыновей и две дочери: Николай, Афинодор, Александр, Анатолий, Екатерина, Феодосий, Константин, Людмила, Афанасий.

Дед Василий всех сыновей выучил в духовной семинарии, дочь Людмила окончила вологодское епархиальное училище¹, а Екатерина осталась только с домашним образованием.

У деда был здравый смысл: «Куда неграмотных парней по денет? У мужика есть надел земли, а поп не может надеяться на землю. Земля — церковная. Пока служишь, пользуйся, а не будешь в силах служить, другой будет поп, и он землей будет пользоваться. Так что сыновей надо учить, и если толк выйдет, — в попы направлять. Тогда и толк будет: попами будут — сыты будут. Не будут учиться — останутся без куска; сделаются у богатого мужика

¹ В Вологодском женском епархиальном училище преподавали Закон Божий, русский язык, арифметику, геометрию, гражданскую историю, церковное пение. См.: Памятная книжка Вологодской губернии на 1896-1897 г. Вологда, 1898. Ч. 1. С. 19.

батраками. Дочерей — девок — можно и не учить. Их удел — около хозяйства и домашний обиход. Им надо приданого побольше: холстинки, полотенец, кружев и прочего. Их надо готовить замуж, женишку приглануться. Будет приданое, и женишок скорее прилетит».

Дочь Людмилу, ростом маленькую, дед решил выучить и определил учительницей в свою церковно-приходскую школу.

Этот план дед выполнил. Он свой век прослужил священником Крестовоздвиженской Закубенской церкви. В приход было объединено много деревень, некоторые из них были за 7–8 верст. Получал от своей паствы натурой — зерном, кусками хлеба, пирогами, яйцами и деньгами. Но главные, основные средства для существования получал от своего хозяйства. Был у него домашний скот: коровы, телята, овцы, лошади. Обрабатывал землю первобытными орудиями — сохой, деревянной бороной. Амбар с хлебом стоял под открытым небом. Овин был простой. В сырую погоду не будешь на улице молотить. Дед сам устанавливал снопы для просушки в овине и сам подтапливал его. Никому не доверял эту работу. Сам молотил, сам веял зерно и сам лично сортировал. Все свободное время у него было занято физическим трудом. «В поте лица снеси хлеб твой», — вполне применимо к этому человеку. Жил у него постоянный работник по уходу за лошадьми. Была работница по уходу за коровами. Одежда и белье нательное было преимущественно домашней работы. Только с 1910 года пошли в обиход белье и одежда фабричного происхождения для праздников и выезда в гости.

Дед Василий прослужил 50 лет. Его долголетний стаж отмечен юбилейным торжеством, на которое собрались все знатные люди духовного и светского звания. Это было в 1910 году. Написано об этом событии в епархиальных ведомостях историком Суворовым.

Проповедями в церкви и какой-либо идеологической пропагандой среди населения, своей паствы, дед не занимался. Сам он был верующим в Бога без всяких рассуждений и доказательств,

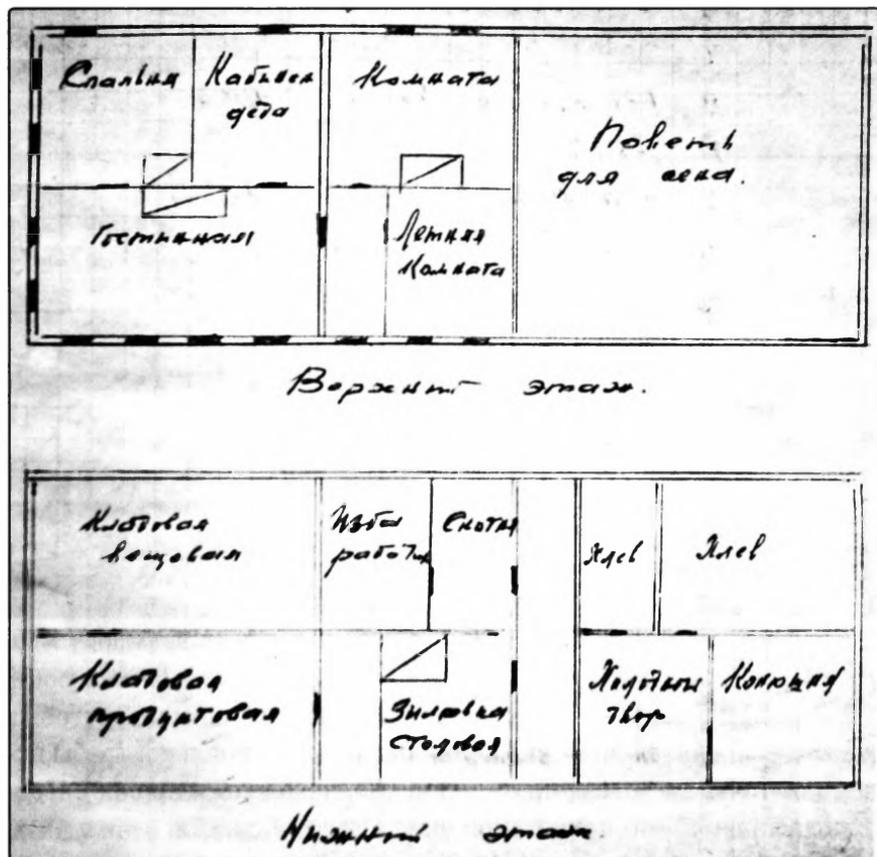
*О. Василий Турундаевский в кругу семьи. Воздвижение. Нач. XX в.
Архив А.А. Турундаевского*

и выполнял обязанности священника: служил в церкви и требы исполнял (крещение младенцев, венчание, похороны и прочее). Преподавал в церковно-приходской школе Закон Божий.

Дом деда Василия и жизненный уклад

У деда был собственный пятистенный дом с теплым подвалом. Зимовка — она же и столовая. Сюда собирались обедать в рабочие дни.

У деда Василия был обычай утренний чай, завтрак, обед и ужин справлять за общим столом, накрытым скатертью. На столе стояли хлеб, соль. В праздничные дни до полдня не ели. Чай справляли после обедни. К этому времени пекли пироги из пшеничной муки: налеушки, ватрушки, грибки, с кашей пшенной, капустники, на сочнях, и очень часто пирог с треской или свежей рыбой (сигом, щукой, окунем). Самовар обычно стоял на столе,

План дома Турундаевских в Воздвиженье. Рис. А.А.Турундаевского

и за ним усаживалась хозяйка. Чай наливался в чашки по старшинству, а иногда и по чину. К чаю подавались на стол сахарница (со щипцами), ваза с вареньем и ваза с яблоками. За столом вели разговор взрослые. Малыши по закону должны быть в безмолвии.

Самовар приносили и ставили на стол до прихода дедушки, но никто раньше его не садился за стол. Дед, приходя из церкви, доставал просфорку из кармана и передавал ее своим домочадцам, которые не были у обедни по домашним обстоятельствам, и благословлял их. Затем усаживались за стол. Каждый знал свое место.

«Каждый сверчок знай свой шесток», — была поговорка у деда. Мое место было около дедушки. У дедушки был большой бокал, стаканы и чашки были с блюдечками. Чай разливали по блюдечкам и, подувая на горячую жидкость, пили.

Пироги и рыбники готовили так, чтобы к чаю они были горячими, только-только из печи. Как это рассчитать,стряпухи знали. В обиходе у деда были хрен и горчица к рыбникам. Справив трапезу, выходили из-за стола, осенив себя крестным знаменем. Но перед тем как сесть за стол, дед Василий всю яству на столе осенял крестным знаменем, благословлял.

Перед обедом стол накрывался скатертью. На стол ставилась солонка (без соли стол считался кривым), раскладывались ложки по назначению. Собирались к столу семейники. Дед читал молитву «Отче наш», и, помолившись, садились за стол. Сидели чинно. Деду давали каравай хлеба, и он отрезал ломти, наделял всех хлебом. Никто из присутствующих за обедом не имел права класть локти на стол. Если какой-либо малец вздумает поговорить, то получит ложкой по лбу. Скажет: «Запомни — кушают, как обедню слушают». Ломоть хлеба, данный дедом, каждый должен съесть, ни одна крошка не должна упасть на пол. Разбрасывание хлеба считалось неприличным, а для малышей — грешным. Дед следил, чтобы у каждого обедающего было достаточно хлеба. Хлеб не экономили.

На первое блюдо подавали щи мясные (в скоромные дни) и щи крупяные, рыбные, грибные (в постные дни). Посты и постные дни справлялись по всем правилам. На второе — пшенная каша (гречневая, овсяная), картофельница, картошка с треской, жареная с грибами, с сущем². На третье — кисели (овсяный, клюквенный) или же молоко или квас с толокном.

Кончали одновременно и выходили из-за стола организованно. Дед читал молитву «Благодарим тя, Христе Боже наш». Перекрестившись, шли по своим делам.

² Сушеная в русской печке рыба.

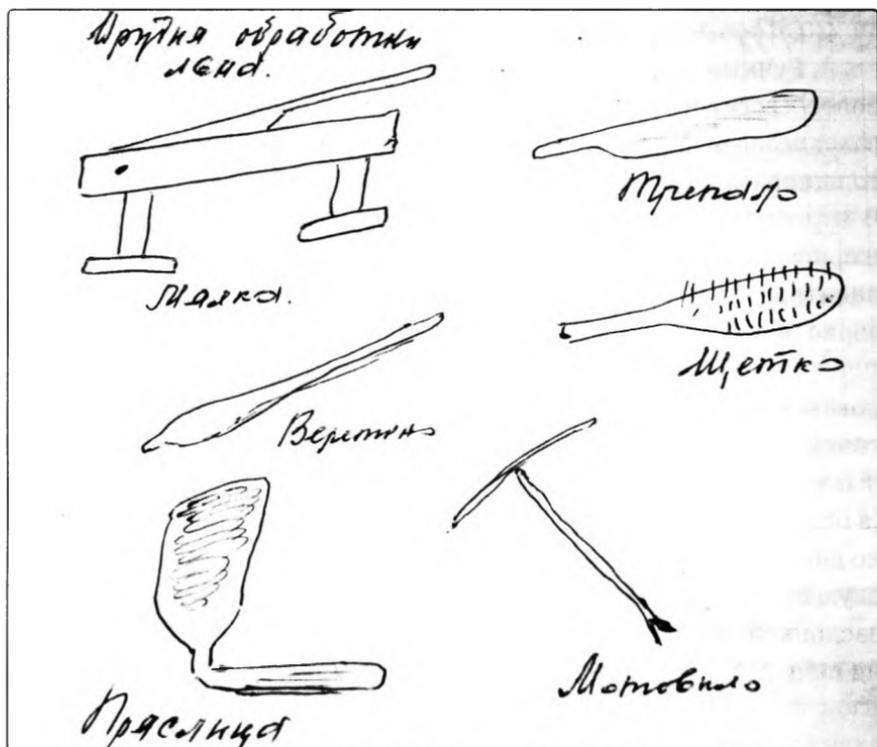
Дед после обеда всегда отдыхал, ложился поспать на один час. Порядок в питании выполнялся строго и в режиме, почти никогда не нарушался для семейников.

Рабочий люд — работник и работница — питались отдельно. Им готовилась пища пообъемистее, но из одного и того же горшка. Добавлялось дополнительное блюдо с капустой, редькой, ягодами — брусникой. На еду никто не мог пожаловаться — ели все досыта. Дед смотрел на работника так: если ест хорошо, не разбирая что повкуснее, то и работать сможет, и дело с ним выйдет, толк из него будет.

В хозяйстве дед держал рабочий скот — двух лошадей и жеребенка, коров 5-6 дойных, телку, каждый год от коров выкармливал телят, имел стадо овец до 10 маток. Так что работы работнице и работнику хватало на целые дни. Часть животных, выкормленных за год, шла в продажу через скупщиков — менухов — барышников. Деньги нужны были деду главным образом для покупок детям. От продуктивных животных получали молоко, сметану, творог, масло, а от овец — шерсть. Все это необходимо в большой семье, где основные продукты питания были от своего хозяйства. Творог хранили в кадушках, загнетали крышками и камнями. Мясо засаливали. Весной всю продукцию переносили в погреб на снег. Засаливали и яйца, собранные на пасхальной неделе, и в рассоле сохраняли до сенокосной страды. Масло подсаливали и набивали в кадочки, а часть перетапливали и хранили топленным.

Осенью собирали грибы для сушки и засолки. Рыжики, волнушки и грузди для засолки. Ягоды — клюкву, бруснику, чернику, малину — собирали для киселей.

Лёса (в бытность деда) около Воздвиженья было много. Край к Кубенскому озеру около болота сплошь был покрыт лесными массивами. Около леса до озера росла трава, а от леса по заливному берегу росла высокая осока.

Орудия обработки льна. Рис. А.А. Турундаевского

Техническая вооруженность сельского хозяйства

В период хозяйствования деда сельхозорудия были примитивными: деревянная соха с железными сошниками и железным отрезом, деревянная, из сучков ели собранная борона, широкая лопата для веяния зерна, молотило — две палки, скрепленные сыромятным ремнем, деревянное лукошко для зерна. Деревянная селяка — на полотенце через шею. При очистке зерна применялись метлы. Косы-кованки, косы-горбуши изготовлялись в местных кузницах.

При обработке льна использовались мялка, трепало, щетки, пряслица, веретена, мотовило. Все эти орудия производства изготовлялись своими руками.

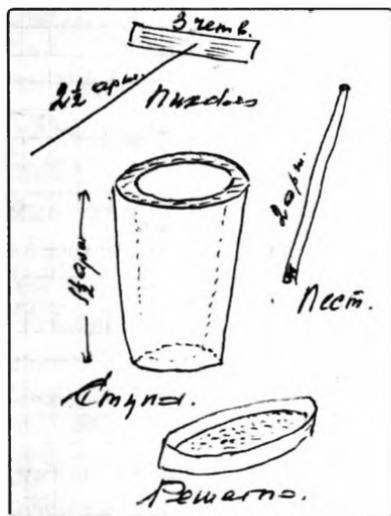
Орудия обработки зерна

Ручные жернова изготовлялись из дерева. Нижняя часть — более массивная — делалась из крепкой еловой чурки. В нее вбивался железный штырь, на который накладывали деревянный круг толщиной вершка в три и тоже пробитый железными пластинками. В верхнем жернове было отверстие для засыпки зерна. Верхний жернов вращали рукой, зерно, специально подготовленное, подсыпали и дробили. Эту операцию проводили несколько раз. Разбитое зерно просеивали решетками. Так получалась крупа разных сортов.

Толокно получали из овса, размолотого на каменных жерновах. Жернова время от времени ковали, пробивали, делали насечки, создавали шероховатую поверхность, чтобы лучше размалывалось зерно. Зерно овса насыпали в кадушки, заливали водой (в одних хозяйствах — холодной, а в других — кипятком), несколько дней держали, пока не разбухнут зерна, а затем засыпали в русскую печь. Золу и угли начисто выметали из печи. Печь закрывали заслонкой. Зерно прело в печи до утра. Утром его выгребали, топили печь снова, засыпали зерно на просушку. Мешали зерно в печи

пихалами, молотилками. Высушенное зерно опихали в ступах. Кожира — мякина — с зерна обсыпалась и оставались ядра. Их провеивали по ветру. Мякина отделялась, а чистые ядра шли на дробление в деревянную крупорушку — ручную мельницу. Крупу получали после разлома ядер, несколько раз просеивали (пропускали через решета с разной величины сеткой). Так получали крупу и мелкую «заспу».

Крупа была одним из главных продуктов после хлеба. Из

Орудия обработки зерна.

Рис. А.А. Турундаевского

крупы варили суп, кашу, делали начинку для пирогов. Сверху пироги посыпались мелкой крупой.

Крупы приготавливали из разных видов зерновых культур: овса, ячменя, пшеницы и ржи. Крупа из пшеницы шла на кашу. Осенью, во время молотьбы, крупа из ржи шла на «завару». Обычно ржаную крупу заваривали кипятком, варили и ели горячую кашу «завару» с говяжьим салом. Пища сытная калорийная, вкусная для рабочего люда. Только надо не забывать о том, что пить холодную воду после этого блюда нельзя. Бывали случаи, когда покушав жирной «завары», человек глотнет из ковша холодной воды, во рту и глотке сало застынет, — и нет дыхания. Это тяжелые случаи жизни, о которых дед часто напоминал и своих людей предупреждал.

Мукомальные мельницы и толчеи

В деревнях зерно размалывали чаще всего на ветряных мельницах. Некоторые из них были шатровые.

Производительность ветродвигателей маленькая и зависела от силы ветра. Устанавливали их на высоких местах, куда могли подъехать на лошади. Принадлежали они зажиточным мужикам. Все механизмы — колёса, шестерни и прочее — были сделаны из дерева. Крестьянин-мельник жил с большим достатком.

Некоторые ветродвигатели были приспособлены для размельчения зерна в ступах. Это — толчеи.

Маслобойня

Льняное семя обрабатывали домашним способом. Лен выдергивали из земли с корешками, завязывали в снопики, сушили на вешалах, просушивали в банях, вальками обивали семенные головки, семя провеивали, просеивали, в печке сушили на противнях, толкли в ступах. Заваривали в чугунах кипятком, складывали в специальные местечки и в жомах отжимали. Так получали домашним способом льняное масло. Остатки — жмыхи, колоб — шли на корм скоту.

В начале XX века стали появляться кустари — специалисты по маслобойням. В деревне Демьянка один крестьянин построил маслобойный завод. Завод — деревянный сарай с конным приводом. Здесь зерно давилось большим движущимся камнем, а затем мастер в специальном котле его варил и прессом отжимал. Получалось масло. Остатки — жмых (колоб) — возвращались хозяину. Плата была натурой по определенному уговору. Для ребят был праздник, когда бьют масло. Обычно наливали масло в кружку, брали кусочки мягкого, а лучше теплого хлеба, макали кусочком в масло и ели, — пальцы облизывали. Также жевали домашние жмыхи (колоб). Посев льна в хозяйствах производился для личных целей. Надо было обеспечить семью одеждой и нательным бельем. Крестьяне не знали фабричных изделий.

Урожай, полученный с полей, дед обрабатывал сам: провеивал лопатой на ветру, подсеивал на большом подвешенном решете, затем сортировал и размещал по засекам. Лучшее зерно отбиралось на семена, муку, крупу, толокно, а помельче — для фуража. Полученный урожай записывал в свою книгу учета. Определял и качество зерна. У него было старинное деревянное ведро, в котором он вешал каждый год различные культуры, т.е. определял удельный вес зерновых культур и количество урожая.

Пчеловодство во времена деда

Пчел в бытность деда Василия редко кто держал. Были отдельные пасечники, в большинстве — старики. На их пасеках были ульи-колоды (дуплянки). Мед добывали варварским способом — просто закуривали пчел дымом и мед с сотами отбирали. Пчелы размножались исключительно роями. Считалось, что та пасека хороша, где больше роев. Каждый пасечник задымлял определенное количество ульев.

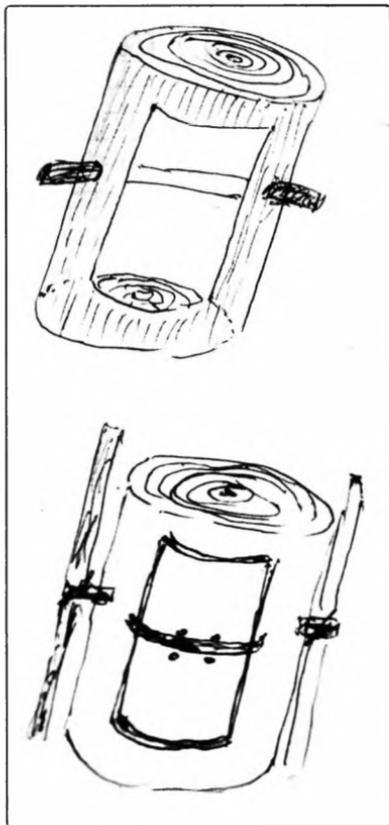
Пчеловод подходил к улью в рукавицах, а на лицо набрасывал мешок, в который вставлялось решето. Пчелы во время сбора меда сильно волновались, так что к пасеке нельзя было ни пройти, ни проехать. Пасечник не вмешивался в жизнь пчел. Пчелы жили самобытно.

Была другая группа пасечников, помоложе. Они ульи не закуривали, а поступали так: в один год вырезали верхнюю часть улья — голову, а в другой — пята (нижнюю часть). Так семья сохранялась, а не уничтожалась. Эти пасечники считали, что когда много роев, то меду пчелы соберут меньше. Надо сказать, что пчелиные семьи в большинстве своем были сильные и после зимовки быстро набирали силу, часто роились. От этих первобытных пасек было больше воску. Мед отжимали руками, а воск перетапливали. На зиму ульи-колоды заносили в подполье.

Домик, жилище для пчел (улей-колоду), делали из бревна толщиной 40-50 см и длиной около 2 м. Выдалбливали и в отверстие плотно подгоняли крышку из 2 створок до половины. Делали отверстия — летки. Улей устанавливали несколько наклонно и привязывали к двум забитым кольям. Пчеловоды-пасечники были людьми суеверными. Считали, что у человека, нечистого на руку, пчелы вести не будут. Пасечники не курили табаку, водки не пили, боялись «недоброе глаза», не любили, когда на пасеке к ульям подходил посторонний человек.

Баня

Мало внимания во времена деда обращали на хозяйственные постройки. Так, например, баня была построена по-черному, размерами маленькая, можно было поместиться только вдвоем. Холодный предбанок, печка-каменка

Домики для пчел.

Рис. А.А. Турундаевского

с маленьким котелком. Грели воду в кадке камнями. Да и воды требовалось немного, т. к. технология мытья была крайне несложной. Сначала грелись на полке, затем поддавали пару и парились — хлестались веником до потери сознания в шапке и рукавицах, выбегали, как шальные, на улицу (летом прыгали в пруд с водой и окунались, а зимой бросались в снег и катались). Потом еще раз парились, обливались водой, одевались в холодном предбаннике и шли домой. Дома брали братыню с квасом или водой, подсыпали овсяной муки и пили. Дома обязательно умывались холодной водой. Вот такой был обычай у деда Василия. Мыла для бани и стирки белья в обиходе не было.

Баню топили каждую субботу. В первый жар-пар ходил дед с внуком. Мытье с дедом было сплошным кошмаром, т. к. он проделывал такую экзекуцию при парке, что черти не выдержали бы этого жару и разбежались. Дед драл себя веником. На голове у него — меховая шапка, а на руках — рукавицы. А кряхтенья и пыхтенья — и того больше. Затем катание в снегу. Дед повторял это до трех раз. Далее обливался холодной водой, надевал одни подштанники и бежал домой. Вообще-то баня в деревне была редкостью. Мылись в печке. Голову мыли щелоком.

Сад

Около дома у деда был сад, где росли яблоки. Яблоки на вкус были разные. Особенно славилась яблоня «репка», плоды которой были величиной с куриное яйцо. По цвету белые, мягкие и на вкус приятные, кисло-сладкие. Их можно было есть в любое время года. С большинства яблоней плоды были кислые, горькие — «осинка». Они употреблялись в пищу поздней осенью или зимой. Яблок снимали по много мешков. Яблоки сушили, заквашивали, варили из них варенье. Долгой зимой все поедали.

Выращивали яблоньку из семечек, какая уродится. Прививки не умели делать. Особой обработки сада не было. В саду был столик и скамейки, где в летнее время с гостями пили чай. Но садом интересовались и ценили его.

Огород

Около дома был и огород. На грядках выращивали лук, чеснок, капусту и брюкву. Картошки садили мало, только для стола. Животных не кормили картошкой. Землю жалели под картошку. Ценность этой культуры не понимали. Делали из картошки картофельную муку для клюквенного киселя.

Служение

У деда Василия была своя особая комната — кабинет. Убранство этой комнаты таково: в передней комнате в углу большая икона с лампадой, зажигаемой перед большими праздниками. В углу стоял письменный стол с ящиками, где хранились разные бумаги и в одном из них — денежные документы. В этом кабинете дед находился тогда, когда было нужно что-либо обдумать, написать. Там у него была кровать, на которой он отдыхал после обеда. Помню, что из журналов у деда были «Русский паломник» и «Кормчий». Из газет, кажется, «Колокол».

В его комнате было особо уютно и тепло. Тепло в квартире дед любил. За своим письменным столом дед вел церковное дело-производство, — метрические книги (1-я часть — о рождении, 2-я — о браке и 3-я — об умерших), клировые ведомости о тех лицах, которые являются служителями при церкви (священник, диакон, псаломщик). Была книга-летопись, заполняемая ежегодно. В ней описывалась жизнь прихожан храма сего (развитие хозяйства, особенности года по урожаю, природные явления). Эту книгу-летопись можно назвать «местным ежегодником».

Священник (поп) на селе был самым грамотным и почти самым образованным человеком. Пословица гласила: «Неуча в попы не ставят». До XX века школ почти не было, и грамотный человек в деревне — редкость. Женщины сплошь были неграмотные.

Самыми распространенными учителями были дьячки. Обучение было частным делом, и обучали самыми «неметодическими» методами. — «Аз, буки, веди, глаголь, добро». Так и заучивали названия букв, а потом — склады, далее — Часослов и Псалтырь.

*Праздник в Воздвижение.
Фото нач. XX в.*

Поощрительная и вразумительная метода — порка розгами.

Кроме дьяков были оставшие солдаты. Они тоже проводили занятия, учили детей. Так часто было в глухой деревне. Бумаги — тетрадей, графленых в линейку или клеточку — не было. Простая бумага, белая в листах, использовалась при обучении. А большая часть письма проводилась на грифельных досках. У нас сохранилась такая грифельная доска в деревянной рамке.

Научной медицины в XIX в. — докторов, фельдшеров и акушеров — было крайне мало. В деревне

пользовались исключительно народной медициной, простыми лекарствами. Большим авторитетом пользовались знахари, бабки-повитухи и коновалы. Эти лекари применяли нашептывания, заговоры, кровь метали при головных болях, больные зубы выдирали, поили отварами трав, гладили спину, завертывали пуп, массажировали живот. Больные к таким людям обращались и были удовлетворены их помощью. «На безрыбье и рак — рыба».

Дед Василий был убежденным, твердо религиозным человеком. Он верил в Бога нутром без всяких дум: «Без Бога — не до порога» — и всё. Перед праздниками накануне читал правило — молился — готовился к служению. Настраивался на службу. К выполнению своих обязанностей относился добросовестно. Выполнял требы. Ездил с крестьянами, исповедовал больных. Эти поездки бывали часто. К больным в тяжелых случаях приходилось ехать во всякое время дня и ночи. Ведь если человек умрет без исповеди, без покаяния, то его не скоро захоронят в землю. Тут вмешается урядник, и получается целая волынка для семьи. Каж-

дый крестьянин старался выполнить все, что требует религиозный и гражданский порядок.

Поп писал и духовные завещания, которые скреплял церковной печатью, как нотариус. Когда какая-либо хворь ходит среди населения, попу нет покоя: то в одну сторону везут, то в другую.

Велась в церковной канцелярии книга «Исповедная ведомость», где переписано все население с обозначением года рождения. Были в ней графы по годам, где отмечалось условными знаками, был ли данный гражданин на исповеди. По этим ведомостям иногда можно узнать годы рождения интересующих лиц.

Из такой ведомости статистика по вероисповеданию устанавливала число православных христиан, бывших на исповеди, а также и не бывших. Сколько лет какой-либо гражданин не был на исповеди.

В XX веке (я беру с 1900 по 1917 гг.) наблюдалось, что мужское население стало неаккуратно выполнять религиозные обязанности. Пропускать стали исповедь. Некоторые — до 10 и более лет. Некоторые мужчины стали смотреть на исповедь как на ненужный обряд и очищать свою совесть от грехов не хотели. Женское население аккуратно исполняло христианский долг. Бывали на исповеди каждый год и не по одному разу.

Праздники

В праздник Рождества Христова дед Василий и диакон Иван Прокошев с псаломщиком и просвирней ходили по домам славить Христа и пели: «Рождество Твое Христе Боже наш...» Их сопровождали пономарь с фонарем и крестносец. Два человека носили икону Рождества. Дед Василий ходил с крестом в руках. На груди — епитрахиль, а на голове — скуфья. В каждом доме поздравляли хозяина и хозяйку с праздником и получали, как нищие христы, по куску хлеба или по пирогу (чем располагал хозяин). Крест ставили в чашку с зерном. Ну и зерно брали как должное подаяние.

В Пасху ходили славить Воскресение Христа. Христосовались и пели: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровах».

Основным делом у деда Василия было выполнение религиозных обрядов и служба в церкви. Весь день — в делах. Сельскому попу XIX–XX вв. некогда было заниматься идеологическими вопросами. Мне кажется, был практический лозунг: «Веруй, надейся и жди!»

Все эти христославы напоминают «калик переходящих». Нечего греха таить, бывало и так, что усталые, наугощавшиеся еле еле приплетутся домой. Более зажиточные хозяева стараются угостить христославов, поднесут стаканчик. Но, надо сказать, дед Василий не пил вина, а весь остальной причт крепко употреблял. Бывали случаи, что диакон с псаломщиком поотстанут от бати, а в некоторых случаях затеряются так, что их домой представляют «в немощных». Народ за такое положение не осуждал духовенство. «По слабости духа», «плоть немощна», «бес попутал» — вот и все оправдание.

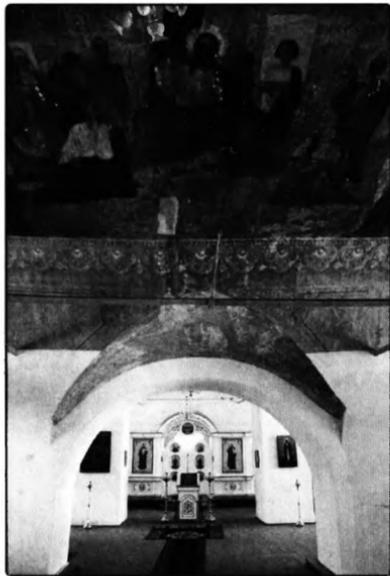
В Петров пост собирали масло, сметану, а осенью — ругу, сбор зерна. Следует отметить, что все эти сборы совершать заставляла малая обеспеченность. Если посмотреть на духовенство XIX–XX вв., то среди них не найдешь лиц с капиталом. Хозяйства их не были показательными. Была поговорка: «У тебя на лошади сбруя, как у поповской кобылы». Это говорит о том, что у большинства попов хозяйство не было как следует поставлено. Лошадям мало внимания уделялось во времена деда. Не скажешь этого по молочному и продуктивному скоту. Его держали в лучшем уходе. Было для них хорошее пойло. Собранные за время «славы» куски хлеба или, чаще всего, испеченные для батюшки специальные хлебцы, — сушили, они шли потом в корм скоту. Отпаивали добрых телят. В народе был поговорка: «Добра, как попова телка».

Собранные в Пасху яйца, а их скапливались сотни (вареных и сырых), варили и засаливали в бочку. Так они хранились долгое время в рассоле и употреблялись летом в навозную возку, сенокос

и жатву как продукт наиболее питательный и калорийный.

Русская пословица говорит: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». О чем это? Был ли крестьянин искушен в религии? Знал ли что-либо о христианской идеологии, будучи неграмотным? Он смотрел на мир так: «Это от Бога — добро, а это от диавола — зло». Идет вечная борьба между добром и злом. А дальше крестьянин видел кучу противоречий, где он разобраться не мог. Вся действительность перепутывалась. Как в ней разобраться? Видимо, поп больше знает, — думал простолюдин. И жизнь свою крестьянин

построил на религиозных обрядах с попом. «Поп крестит, поп венчает, поп в могилу отправляет». Без попа и не туды, и не сюды. Везде с попом. Поп — проводник по жизни. Поп и грехи принимает, и душу очищает, и от вечных мук в аду кромешном сберегает.

*Крестовоздвиженский храм.
Нижний этаж. Фото 2010 г.*

Крестовоздвиженская церковно-приходская школа

Дед Василий был законоучителем в Крестовоздвиженской церковно-приходской школе. Я в ней учился. Помнятся его слова: «Без Бога не до порога». Бог в душе человека проявляется в виде совести. Если человек без совести, то в нем нет Бога. Его место занимает зло — диавол. Надо молиться, настраивать свою душу на добро, чтобы в человеке был Бог. Надо читать Евангелие. Оно укажет человеку правильный, трудовой путь жизни. Бог заповедал человеку трудиться. Адаму сказано: «В поте лица твоего снеси хлеб твой». Правила жизни, закон жизни — в десяти заповедях Моисея

Крестовоздвиженский храм. Роспись первого этажа. Нач. XX в. (?)

и в Евангельских заповедях блаженства. Религия (Евангельский Закон) указывает пути жизни, дает моральный закон. Молитва (возношение ума и сердца к Богу) успокаивает волнующуюся душу человека и приводит ее в равновесие — в состояние, необходимое человеку в труде. Понимайте слова Христа: «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби»; «Трудно богатому войти в Царство Небесное, скорее верблюд пройдет сквозь игольное ушко, нежели богатый войдет в Царство Небесное»; «Имей уши слышати, да слышит». Беседы деда были просты, глубоки по содержанию, понятны.

Приходил он в школу редко, не более одного раза в неделю на тридцать минут. Задавал из книжки прочитать параграфы из священной истории, но никогда не просил их рассказывать. Выучивали наизусть молитвы: «Царю небесный», «Отче наш», «Богородица», «Достойно есть», «Благодарим тя, Христе Боже наш», «Символ веры», «Ангелу хранителю».

Молитва был организующим моментом на всякую работу. Самой краткой молитвой было «Господи, благослови!»

Время служения деда Василия можно назвать последним периодом «крепости веры». В конце XIX – начале XX вв. среди сельского простонародья была жива вера в Бога. Народ ходил в церковь, исправно выполнял обряды, отмечал праздники и во многих случаях жизни руководствовался законами религии. Православная вера, православное христианское вероисповедание было государственной религией. В XX веке служители культа — священники — стали получать жалование от государства. Священники вели регистрацию рождаемости и смертности, давали статистические данные. Священники приводили к присяге верности Царю и Отечеству через поклонение и целование креста и Евангелия. В судах свидетелей приводили к присяге перед допросом при снятии показаний. В войну солдаты шли в бой за веру, Царя и Отечество. Вера в Бога лежала в основе жизни. Большинство государственных должностей занимали люди православного вероисповедания. Согласно христианского закона действовали понятия «грешно», «грех», «совесть». Они сдерживали дикие поступки людей. Воровства почти не было. Запоры-замки были не нужны. Палка, поставленная у двери, была лучшим запором. Она означала, что хозяин вышел из дома. Убийства были редким явлением. За них ссылали в Сибирь, на Сахалин, на каторгу. О людях, побывавших по суду на каторге или в тюрьме, создавалось общественное мнение как об арестантах.

Ругаться (материться) считалось грехом. Пройти мимо церкви или часовни, не перекрестившись, — грех. Не соблюдать поста в урочные дни — грех. Быть непочтительным к старшим — грех. Быть невоздержанным в яствах и питии — грех. Злиться, сердиться, делать пакости — грех. Читать книги развращающего содержания — грех. Врать, обманывать, обсчитывать при расчетах — грех. Ленился, бездельничать, праздно проводить время — грех.

Эти ограничения в поведении создавали моральный закон, определяли нравственные обязанности, права человека (что можно делать и что нельзя), держали человека в определенных рамках.

Воспоминания о деду Василье внука Михаила Николаевича Баженова (запись 1968 г.)

Когда мне было лет 7-8, крестная увезла меня погостить в Воздвиженское, где она работала учительницей церковно-приходской школы и жила в старом доме деда. Вот тогда и произошло мое первое знакомство с дедушкой.

Дело было во второй половине лета, когда рожь наливалась полным колосом, и васильки мелькали по обе стороны дороги. Ехали из Вологды в добротной крестьянской телеге, и потому глазеть по сторонам было удобно. Подъехали к селу Кубенскому. Сделали остановку. Крестной потребовалось что-то купить. Кубенское я увидел в первый раз. Запомнились большие круглые главы церквей и множество лавок с товарами. Запахи свежего сена смешивались с запахами колесного дегтя и конского пота. Теперь эти запахи сменились удушливой вонью отработанных газов двигателей внутреннего сгорания. Зато большой выигрыш в скорости передвижения. Теперь от Вологды до Кубенского — полчаса езды на автомашине, а в то время мы потратили на этот путь 7 часов.

Итак, мы подъезжали к Воздвиженскому. По обе стороны дороги колыхались тучные ржаные поля. Пыли было много на дороге, особенно когда лошадь припускала рысцей. Когда отъехали от Кубенского, на горизонте заблестела светлая полоса Кубенского озера. Я прежде не видел больших водных просторов, и поэтому вид очаровал меня. Вот, наконец, обогнули высокую церковь, спустились под гору, и лошадь остановилась. Передо мной стоял большой деревянный дом. Его бы можно назвать двухэтажным, но по фасаду внизу не было окон. Они поблескивали стеклами только вверх. Стены дома потемнели от дождей. Нижние бревна ушли в землю, но дом казался крепким, не покосился ни в одну сторону. Крыша на доме была тесовая. Сзади, под одну крышу с домом, —

Село Кубенское. Фото нач. XX в. Краеведческий музей с. Кубенского

двор, тоже большой. На поветь двора вел бревенчатый взезд. Это для того, чтобы завозить корм скоту на потолок двора (поветь). Против фасада дома через узкий проулочек — яблоневый сад («Передний сад»). Кроме яблоней, в нем были грядки с клубникой. Рядом с «Передним садом» стоял ледник, где в летнее время охлаждали молоко, держали квас и скоропортящиеся продукты: мясо, рыбу, масло. Поблизости к леднику находился колодец с высоким «журавлем», к которому была прикреплена железная цепь с деревянным ведром — бадьей, окованной железными обручами. Это наружный вид усадьбы деда.

Теперь заглянем внутрь дома. Входов в дом было два — парадное крыльцо и черный ход, не считая, что можно выйти через ворота со скотного двора и через поветь на взезд. Парадное крыльцо, хотя имело громкое название, не содержало в себе ничего парадного. Это обыкновенное крыльцо с двускатной тесовой крышей, вросшее в землю вместе со стеной дома. Чтобы взрослому человеку выйти в дверь, приходилось наклонять голову. Прой-

Село Воздвиженье. Фото С. Рапенковой 2010 г.

ти несколько шагов темным коридором — и дальше деревянная лестница со скрипучими ступенями вела в верхний этаж. Там чистые комнаты: маленькая прихожая, зал, где стояли большой стол и стулья по бокам. Стены оклеены обоями. В одном углу — «горка» (так раньше называли сервант). Низ у него — глухой. Там хранились тарелки, а верх застеклен. Там были чайная посуда, вазочки, чайные ложки. В красном углу — кивот с иконами и лампадкой. По стенам — портреты, фамильные фотокарточки и зеркало-трюмо. Дальше — комната деда, и еще дальше — комната крестной, где стоял комод с бельем. На комодe — разные женские безделушки. Рядом с комодом — кровать.

С черного крыльца — вход в кухню. Русская печь. Стены оштукатурены. Стол. Лавки наглухо вделаны в стены. На полках — кухонная посуда, множество кринок глиняных. На гвоздях висят подойники, сетки, ведра. Имелся вход на верхний этаж по винтовой лестнице за печкой.

При встрече, когда здоровались, дед больно уколол меня своими усами. Он подстригал усы над верхней губой, и они у него

топорщились, как щетка. Волосы у него на лице были жесткие. Дед не курил. Ел умеренно и самую простую пищу. Любил овсяную кашу, а уху из ершей прямо виртуозно кушал. Он целиком проглатывал ерша, заправляя его головой вперед, и не давился. Вероятно, дед не пил вина, потому что я не замечал, чтобы он был выпивши. Дедушка не ругался скверными словами. В гневе (что случалось редко) его бранными словами были «валявка», «курва», «негодник», «каналья». В одежде дед любил простоту. Я спал с ним вместе в пологу (летом по ночам обижали комары). Белье носил из грубого льняного холста.

Дедушка любил детей и часто играл с нами, внуками. Однажды он защекотал меня до слез. А когда у него были гостинцы (пряники или орехи), он зажимал их в руке и предлагал разжать кулак, чтобы получить лакомство. Дед ходил с посохом и эти посохи (или клюшки) изготавливал сам. Вырубил вересковую палку, распарит толстый конец и загнет его клюшкой. Затем очистит кору и повесит сушить. Обязательно в тень, чтобы не было трещин. У него было несколько таких самодельных палок.

Ольга Александровна Турундаевская (Едская), жена деда Василия

Бабушку Ольгу я не помню. Пишу о ней со слов ее снохи тети Тони. О бабушке Ольге она вспоминала:

— Она, покойная, мне лично сказала: «Бывайте к нам чаще, пока мы живы и пока сами хозяева. А нас не будет, живите дружнее, поддерживайте родство, не теряйте связь». Была она глубоко верующей, доброй ко всем людям, гостеприимной. В семье у них был обычай кормить путников, прохожих, странников, богомольцев. Для странствующих людей варили специальный суп. Жили они на большой дороге, на Кирилловском тракте. Много людей двигалось по тракту. Кто куда: в монастыри, в пустыни, по святым местам. Шли просто Божьи люди: безродные, убогие, нищие, питающиеся подаянием. Семейство Турундаевских было на славу, дружное, отличное, трудолюбивое.

Бабушка руководствовалась Божьими заповедями. Алчущего — накорми, жаждущего — напои, странника — приюти, плачущего — успокой. И все это делалось не по-фарисейски, не для вида, а от всего сердца, душевно. Религиозные чувства были направляющими вехами в ее жизни. Умерла бабушка Ольга 20 августа 1904 или 1905 года. Могила бабушки Ольги — около алтаря церкви. На могиле был железный крест.

Мой отец любил свою мать. Припоминается такой случай. Были мы всей нашей семьей в Воздвиженье в гостях. Приехали из Шелашки. Мне, вероятно, было лет 5-7. Школьный возраст. Лето. Вечер после заката солнца. Отец, обращаясь ко мне, говорит: «Пойдем, Шура, проведем мою маму, твою бабушку». Пришли на могилу, поклонились. Я стоял, а отец долго лежал на могиле и плакал...

Братья и сестры

У бабушки Ольги было две сестры Екатерина и Мария и брат Анатолий. Сестры бабушки Ольги жили в Вологде по Желунцовской улице (сейчас улица Лассаля). Имели собственный домик. Этот дом и был квартирой для всех братьев Турундаевских, обучающихся в духовном училище и в семинарии. В этом доме все они нашли приют и пансион. Дед привозил сюда муку, крупу, овощи, мясо, масло и молоко. Зимой молоко доставлялось мороженым, в мешках. И в одежде, и в питании соблюдалась экономия. Одежда изнашивалась до последней возможности, переходила по наследству. Соблюдались посты и постные дни. Хлеб пекли в своей домашней кухне. Много было хлопот бабушке Кате и бабушке Маше, но зато они питались вместе со своими племянниками, а летом имели возможность в каникулярное время гостить в Воздвиженье как дома. Воздвиженье — это была дача для бабушек. Так дед справлялся с воспитанием и обучением своих сыновей. Шестерых из них подготовил для служения в храме, лишь один — Александр Васильевич — вышел по окончании 4 классов семинарии и пошел на работу в акциз, чиновником в «монополюку» — на винный завод. Жил на Власьевской улице в доме Суконщикова.

Насчет смекалки вообще дед Василий был дошлый старик — на хромой не объедешь. Хозяйственные расчеты при такой семье надо было разумно вести. Надо сыновей учить, одевать и приданое дочерям готовить.

Выросли у деда дети, пожелтели и разлетелись, как птенцы из родительского гнезда. Дочь Катерина — тетя Катя — вышла замуж за Николая Баженова. Осталась младшая дочь Людмила — тетя Люша — моя крестная, как горлиночка сизокрылая. Замуж не надумала и осталась после смерти бабушки хозяйкой в доме.

Дед Василий прослужил священником 50 лет, и всё при одной церкви. Умер он в глубокой старости, когда весь его организм от большой физической нагрузки пришел в полную дряхлость. Зрение притупилось. На глазах появилась катаракта. Мускулатура ослабла. Ноги стали плохо носить, а желудок плохо работать. Сердце стало терять ритмичность. Очи потухли, и голос пропал. Дед Василий умер летом 1916 года в Воздвижение. Похоронен на кладбище около церкви, у алтаря на юго-востоке.

Наши предки

Наши предки, прадеды и деды по роду-племени жили в период «крепости веры», когда жизнь была построена на основе религиозной морали. Так и говорили: «Без Бога — не до порога». Воспитание человека с раннего детства определялось христианской моралью, вытекающей из Евангельского учения об отношении человека к человеку, непротивлению злу, смирению, покорности. Веруй, надейся и жди!

*Св. Григорий Богослов. Роспись
Крестовоздвиженского храма
Нач. XX в. (?)*

Духовная семинария в Вологде. Фото нач. XX в.

Закон Моисея, выраженный в десяти заповедях, определял поведение человека в жизненном быту. Евангельские заповеди блаженства указывали на путь добродетели, совершенствующей человека, делающий человека кристально чистым.

Отличительной чертой было трудолюбие, уважение к человеку, честность, скромность, гостеприимство. Труд человека кормит, а лень портит. Странного — приютит. Перед лицом седого восстань и почти лице старче. Предки были духовного сословия. Многие из них — служители культа. Среди сельского населения — самые грамотные. Вели просветительскую работу. Кроме культовых обязанностей, занимались организацией школ, были попечителями. О жизни людей духовного звания писали Лесков, Мельников-Печерский, Некрасов, Помяловский. Жизнь духовенства 1900-х годов описывал Иларий Шадрин в своем произведении «Бурса». Мой дед Василий выведен там под псевдонимом отец Петр.

Наши ближайшие предки, прадеды и деды, уважали и любили искусство, было у них стремление к прекрасному. Дома украшали витиеватыми резными узорами из дерева. Наверху, на крыше, был приделан петух. Любили вышивать узорами полотенца, рубахи, платья, сарафаны. Прялки, веретена были разукрашены рисунками.

Они были в числе просветителей народа. Некоторые из них были врачевателями: собирали лекарственные травы, делали настойки и давали нуждающимся.

Жили предки во времена, когда техника была слабо развита, когда не было понятия о телефоне, граммофоне, радио и телевидении. Многое в окружающем мире казалось непонятным. Физику изучали по Краевичу, с понятиями «тепловод», «эфир». Уважали достижения науки и техники. Развито было у предков чувство удивления. Многие из этих качеств перешли к поколению наших отцов.

Анатолий Васильевич Турундаевский

Мой отец Анатолий Васильевич из рода Турундаевских был среднего роста, физически крепкий, сухощавый, большой мускулатурой не обладал. За всю жизнь ни разу не болел. Имел широкий диапазон голоса — до двух октав. Он не знал болезней гортани. Голос у него никогда не перехватывало. Глаза у него были серые (как у деда Василия), добрые. Характер спокойный. За всю жизнь он ни с кем не спорил. Темперамент у него веселый, живой, подвижный. В праздничных компаниях — «душа общества». Любил спеть, потанцевать, повеселиться, пошутить. В праздники с людьми (гостями) выпивал, но пьяным в полном смысле слова не бывал.

Любил читать светскую литературу. С книгой дружил. Выписывал журналы «Нива», «Природа и люди» с приложениями, а также газеты. Был всегда в курсе мировых событий.

Хорошо разбирался в бухгалтерских системах ведения учета. Обладал организаторскими способностями. Видел в кооперации выход из тупика, создавшегося в хозяйствах, выход крестьянина из бедственного положения. Он организовал кредитное товарищество, кружевную артель, сельскую торговую потребительскую кооперацию. И во всех них был бухгалтером. Своих помощников учил технике счета на счетах.

Папа родился в 1878 году (день именин — 23 апреля по старому стилю) в селе Воздвиженском Кубенской волости Вологод-

О. Анатолий и Анна Турундаевские.
Фото кон. XIX в.
Архив А.А. Турундаевского

ского уезда. Рос и воспитывался в семье, проживающей в сельской местности. Учился в духовном училище и в духовной семинарии. В Вологде во время учебы жил на квартире у тетки Троицкой Екатерины Александровны на Желунцовской улице (дом-флигелек, крыша железная). Последние годы учебы в семинарии жил в бурсе (общежитии семинаристов). Он окончил духовную семинарию в 1898–1889 гг. Семинария в большинстве случаев готовила людей для служения православной церкви, короче говоря, попов. По окончании духовной семинарии он принял сан священника и по назначению владыки поехал в Верхне-Шеренгский приход Шенкурского уезда Архангельской губернии, где и жил, видимо, годов шесть.

Верхняя Шеренга — лесное местечко, глухое (я его очень мало представляю). Называли такие места сюзёмами. Пути сообщения плохие. Летом в сюда пробирались на волоках. Население сплошь неграмотное, бедное. Хлеба не хватало. Вереницы нищих бродили по деревням от дома к дому, питаясь подаянием, полученным «Христа ради».

Деревянная церковь расположена в полуверсте от деревенского жилья. Школы не было. Служителями в церкви были поп, дьяк и сторож.

Дьяк пел и читал на клиросе, поп служил в церкви и выполнял требы, сторож прислуживал в церкви: кадило подавал, лам-

пады зажигал, звонил в колокола, оповещая о церковной службе, и сторожил здание церкви.

У меня сохранилось в памяти об этом сюэме:

1. Посещение этой церкви с мамой и братом Васей. Держался за мамину юбку (боялся потерять мать). Брат Вася сидел на руках у мамы. На клиросе стоял дьяк и что-то пел. Народу было много. Ребята ревели.

2. Помню расположение комнат в нашем доме. Считал, что в нашем доме три солнышка.

3. Приезд крестного Макарьяна Алексея, который подарил мне книжку «Тарас Бульба» Гоголя.

4. Случай гостьбы у церковного старосты в какой-то деревне.

Верхняя Шереньга — бедный приход. Служители культа долго в нем не жили из-за нищенского положения. Правда, был построен казенный дом, собиралось зерно-руга с прихожанок. Сюда попадали служители культа или из молодых (со скамейки), или для отбытия наказания провинившиеся пьяницы-попы. В таких местах можно только прозябать.

В Верхней Шереньге отец организовал школу и занимался вместе с моей мамой Анной Александровной с детьми прихожанок совершенно безвозмездно. Школа помещалась в какой-то халупке, келейке. Два маленьких окна по лицу. Книг, какие мы сейчас имеем для школ, не было. Писали на грифельных досках и начинали учить буквы: аз, буки, веди, добро... да вдобавок на славянском языке. Так было принято. Считалось, что грамота нужна простому народу, чтобы читать молитвы по часослову и псалтырь.

Время шло. Народ понял замысел своего духовного пастыря. Добились получения леса от удельных владык, и построена была церковно-приходская школа грамоты. Приехал и учитель грамоты. Кто он такой — не знаю, но все-таки учитель-наставник, человек, который начал открывать глаза «слепым от рождения».

Это здание школы мне запомнилось почему-то. Вспоминается один из осенних вечеров. Я со своим папой был в здании только что построенной школы, срубленной из лиственницы. Полумрак.

Стены белые. Мох в пазах не обрублен. Тепло. Только что истоплена печь. Учитель сидит за столом и что-то пишет. На столе — керосиновая лампа. Я считал, что учитель — это большой человек, наставник. В старые времена была пословица: «За ученого двух неученых дают, да и то не берут».

Я и брат Василий родились в Шереньге, в глухом лесном сюзёме. Здесь в те дальние времена не было ни врачей, ни фельдшеров. Их заменяли знахари народные, бабки-повитухи. Коновалы лечили и кобыл, и людей одними и теми же средствами: метали кровь, присаживали пиявок, завертывали пупки, ставили на живот горшки-банки, выдирали клещами большие зубы, заговаривали кровь, выгоняли порчу. Были среди них лекари, которые применяли для лечения средства народной медицины: травы, цветы. Были массажисты.

Шелаша. Село Петровское

Примерно около 1905 года папа с семьей из сюзёмов переехал в село Петровское-Шелашу, верстах в 12-ти от Шенкурска по тракту Шенкурск - Вельск.

Село Шелаша стоит на реке Шелаша в устье впадения ее в реку Вагу. Село нельзя назвать глухим. Здесь народ более развит. Дома в большинстве были не с черным дымоходом, и окна не тулочные³. У каждого дома — два жилых помещения. Две избы — летняя и зимовка. Большие дворы и хлевы. Народ более хозяйственный, трудолюбивый и предприимчивый. Для удобрения полей широко использовали торф, который завозили во дворы весной и осенью, а через год вывозили на поля. Держали достаточно скота. Занимались огородничеством. Много выращивали белокочанной капусты. По заливным берегам Ваги — хорошие сенокосы, а потому население имело возможность накопить траву и поставить стога сена. Некоторая часть населения занималась лесным промыслом, дегтекурением и смолокурением. Леса принадлежали уделу и охранялись по всей строгости закона лесной стражей.

³ Волоковые, узкие поперечные окна.

Село Петровское-Шелаша. Фото нач. XX в. Архив А.А. Турундаевского

В селе Шелаша жил купец И.И. Лагин, у которого была торговая лавка с вывеской. Еще была мелочная лавка без вывески Нестора Ивановича Плотицына. Дома этих хозяев были большими, обшитыми тесом и покрашенными. У Лагина — в зеленый цвет, у Плотицына — в желтый. Крыши смоленые. Торговец Лагин имел большое хозяйство. Кроме надельной земли, у него была земля купленная — собственная и арендованная. Были большие площади сенокосной земли, так что он мог держать стадо крупного скота, рабочего скота — лошадей, и мелкого — овец. Постоянно жили у него работник и работница для ухода за скотом. Торговыми делами заправляли старик-отец и сын Лагины. Купцы умели читать, малограмотно писать, но практически свои дела знали и умели направлять. Часть населения держали в руках. Создали-собрали небольшой капиталец, но широкое торговое дело не развивали. Торговали по-русски, по-христиански. Знакомство держали по своему званию, имуществу и некоторому положению: «Мы — люди купеческого сословия». Были религиозными. Справляли все праздники. Старик Лагин был церковным старостой, имел медали. Вид

у него величественно-елейный. Широкая борода. У Лагиных был парень (внук старика, сын молодого Лагина) Николай, 1898 года рождения. Он окончил сельскую школу. Учился в Шенкурском городском училище. Дочь старшего, Лагина Любовь, имела образование и работала учительницей. По характеру Лагины были гордыми, самолюбивыми и внутренне замкнутыми людьми «в скорлупе». Народ Лагиных не любил, и многие старались их хозяйство терроризировать: то у коровы или лошади окажется нога переломлена, то копны сена на лугах загорятся, как свечи.

Семья Плотицыных

Наиболее выдающаяся семья — Плотицына Нестора Ивановича. Старика Ивана не было в живых. Оставались его дети: Нестор, Иван, Анастасия, Анна и Николай. Семья самостоятельная, грамотная. Читали газеты и журналы. Старший — Нестор — остался после отца хозяином, вел хозяйство. Иван выучился и работал учителем в сельской школе. Остальные — Настя, Анна, Николай — были малыми и учились в школе. Нестор, помимо хозяйства, поторговывал мелким ходовым товаром, зашибая копейку в хозяйство. Наемных рук (работника и работницу) не держал. Дела управлял со своими членами семьи. Нестор Иванович частенько заглядывал вечерами к отцу побеседовать. И наша семья гостила у Плотицыных. Сидели, говорили. Из этой семьи самый малый мальчик Коля был моим другом, а с его сестрой Анной я сидел за одной партой в школе.

Семья Терлецких

Простая крестьянская трудовая семья Терлецких (из первой деревни по тракту к Шенкурску) была близка к нашей семье. Сын — молодой человек — служил в Петербурге каким-то чиновником и каждое лето приезжал в отпуск провести отца с матерью. У него был фотоаппарат, и он делал снимки.

Дом Терлецких особо часто мама посещала зимой. Обычно вечером, перед заходом солнышка, мать любила пройтись — осве-

Открытка к Пасхе о. Анатолию от Нестора Плотницкого. 1912 г.

Архив А.А. Турундаевского

житься на воздухе. Заберет меня с братом — и пойдем погулять. Возьмем санки. С горы скатимся. А по дороге бежим вприпрыжку. Хорошая тетя Терлецкая вечером топила печку и варила картофель. Любила она угощать нас картошкой в мундире. Мать беседовала с тетей, а мы играли и всегда были довольны прогулкой.

1904–1907 годы

Революционные настроения, мысли, идеи докатились до Шенкурского уезда, до Шелаши. Много административных, политических было сослано в эти глухие, лесные дебри. Жили они среди местного населения. Это были люди грамотные и в большинстве случаев умели и могли высказывать свое мнение. Это были представители разных партий. Называли их «политическими», «вольнодумцами», «чудаками». Многие из них не имели твердых, последовательных убеждений. Были среди них сомневающиеся в существующих истинах. Ходили в церковь. С попом держали зна-

комство. На исповедь к попу не ходили и о церковных догмах рассуждали, видимо, по-вольтеровски. Считали, что религия нужна как средство, помогающее держать нравственность среди народных масс.

Люди, имеющие за собой подозрение, не собирались группами, а посещали наш дом в одиночку и рассуждали потихоньку с отцом. Мне запомнилось одно обсуждение произведения Тургенева «Отцы и дети».

Одним из не особо благонадежных был сельский учитель. Человек женатый, семейный. Были у него дети. Он дружил с отцом, и, видимо, отец ему покровительствовал как школьный законоучитель. Папа часто помогал ему выкручиваться из затруднительных положений. У учителя был граммофон с большой трубой, пластинки с песнями разного содержания, в том числе и революционные.

Однажды учитель, глотнув водки изрядно, задумал повеселить народ и позлить жандармских урядника, стражника и прочих блюстителей порядка. Закрыв двери и окна в доме, где он жил, поставил граммофон в мезонине и давай проигрывать революционные песни. «Солнце всходит и заходит» и многие другие. Собралась деревня послушать граммофон. Граммофон — редкость в деревне. Урядник и стражники, услышав запрещенную музыку, хотели остановить просветителя, но не тут-то было: все ходы и выходы заперты. Попасть не могли. На другой день сделали у него обыск, но пластинок с запрещенными песнями не нашли. Как в воду канули. С обыском к попу не приходили. Считали неудобным. Полиция в праздник была не в особо трезвом виде, а потом на другой день не стали заниматься фокусом учителя, считая его пьяницей-забулдыгой. Полицию (стражника, урядника и прочих) народ не любил, не уважал и ни за что не хотел выдать школьного наставника, пусть и пьяницу.

Жизнь нашей семьи в Шелаше

Дом, в котором жила наша семья в Шелаше по приезде из сюзёмов, принадлежал купцу Лагину. Дом, покрашенный в зеле-

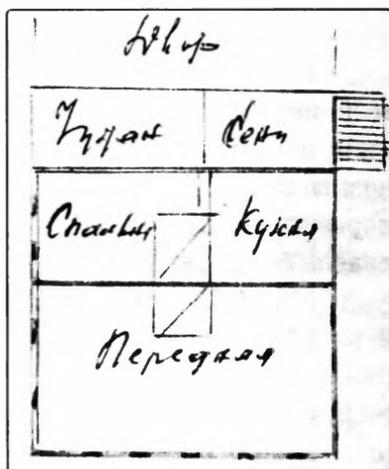
ный цвет, стоял напротив церковного алтаря. После постройки дома для служителя культа в этом здании расположилась школа-трехлетка. Размещалась она в передней комнате. Там, где была спальня, жила учительница.

После 1905 года служителям культа — попам и псаломщикам — было дано казенное жалованье через Госбанк. Священник получал 300 рублей золотом в год. Для большей заинтересованности служителей церкви, чтобы они не убежали (не уезжали) из глухих мест, строили церковные приходские дома. Такие дома в бытность отца были построены в Шелаше на берегу реки. Первый дом — для священника и второй рядом — для псаломщика. К этим домам даны и усадебные площади под огород. Церковной земли в Шелаше не было. Дома стояли окнами на церковь, в 50 метрах от храма.

В хозяйстве отца были корова, куры и огород для овощей. Сажали немного картофеля, морковку, свеклу. Парника не было. Большой заинтересованности в сельском хозяйстве не имели. У папы было мало свободного времени. Жила у нас пожилых лет женщина — домашняя работница, которая управлялась с коровой и делала уборку по дому. Сенокосные площади брали в уделе и накашивали достаточно сена.

В свободное время мама занималась шитьем и рукоделием, а отец читал художественную литературу и газеты. Он был в курсе событий в стране.

Вечерами семья — отец, мать и мы с братом — сидели в сумерках кружком и пели детские песни: «Буря мглою...», «Птичка», «Весело сияет месяц над селом» и другие. Рассказывали сказки, читали басни.

План дома купца Лагина, в котором располагалась школа.
Рис. А.А. Турундаевского

*Семья Турундаевских: Анна Александровна, Василий, Александр, о. Анатолий.
Фотография нач. XX в. Архив А.А. Турундаевского*

Воли-свободы нам с братом не давали. Был за нами незримый контроль. Болтаться по деревне не позволяли. К нам приходили определенные ребята. Отец и мать любили детей. Организовывали игры, учили играть и сами играли с нами. Папа сделал деревянный шар, сшил мяч кожаный, напилел городков. Мы не сидели без дела. Была у нас качель.

Мы с братом Васей часто сами импровизировали разные игры и занятия. Устраивали барабанный бой палками о доску, подражая колокольному звону. Делали свистульки из бересты. Клеили бумажных змеев и пускали их в воздухе.

Были у нас и удочки. С папой ходили на реку Шелаша удить рыбу. Папа рано научил нас плавать. Купаться ходили в специальные места. Каждую осень отец любил собирать грибы и особенно маленькие рыжики. Рыжики он умел солить. Засол получался за-

мечательный. Папа солил рыжики только бутылочные. Такие рыжики ели со сметаной. Рассол был очень вкусным и похожим на студенистую массу.

Отец умел готовить варенье из ягод. В этом деле он был мастером. Ягоды варил так, что они никогда не превращались в кашу. Сначала он растапливал сахар с небольшим количеством воды. Массу доводил до кипенья. Снимал пенку. Затем опускал ягоды, помешивал на огне и разливал в фарфоровую посуду.

Между отцом и мамой хозяйственные обязанности были разделены. Мама солила капусту, рыжики, волнушки, сушила белые грибы (а их росло очень много, недалеко был сосновый бор), мариновала белые грибы, бруснику заливала раствором сахара. Клюква летом хранилась в воде, а зимой была заморожена. На мою долю присчитывалось изредка мешать сметану. Эта нужная работа не нравилась, но приходилось делать, не показывая вида, что она не по нутру.

Ставили к лету творог. Загнетали его в кадушке деревянным кружком и сверху клали камень.

Недалеко от дому был погреб, набитый снегом. В нем летом хранились скоропортящиеся продукты.

Быт в Шелаше

Приготовлением деликатесов не занимались. Стол был сытый, вкусный, но скромный. Соблюдались постные дни на неделе — среда и пятница, посты (Великий, Петров, Успенский, Рождественский). Особого аскетизма, конечно, не было. Мясные блюда не готовились в постные дни, а молоко и яйца нам разрешались. Вкус мясного блюда, мне кажется, был несколько другим, чем сейчас. Готовили русские щи, а не суп с мясом. Есть разница.

Каша была разнообразная. Чаще пшенная, овсяная, а иногда гречневая. Картофель — жареный с грибами, с треской, со сметаной. Варили кисели: клюквенный, овсяный, молоко в разных видах. Нравилось молоко с толокном.

Обедали за общим столом. Наособицу никого не кормили. Даже нам, малышам, в ту пору не было исключения. Как овцы, с кусками не бегали. За столом начинались и кончались завтрак, обед и ужин с Божьим благословением.

В праздничные дни и стол был праздничный. На завтрак — теплый пирог-рыбник, пироги-налеушки и чай. К приходу отца из церкви стол уже накрыт-собран. Со звоном к «Достойно есть...» няня-кухарка ставила самовар. К концу обедни он поспевал. Делалось все по проверенному много раз опыту.

Приходя из церкви, отец раздевался и приветствовал своих домочадцев словами: «Бог милости послал!» Давал няне просфору, а нам — другую, и вся семья организованно садилась за чаепитие. В дни, когда нет гостей, стол накрывался на кухне. Стол обязательно покрывался салфеткой. На стол ставился медный поднос, а на него — самовар на всех парах. Такова была обстановка в доме. За столом каждый знал свое место. Шла тихая мирная беседа. Между отцом с матерью никогда не было раздорных разговоров.

Сослуживцы церковные в Шелаше

Ближайшим сослуживцем отцу был псаломщик. В церкви на клиросе он пел, читал. Ростом — выше среднего. Характером — веселый. Голос у него был бас-баритон широкого диапазона. Он организовал при церкви хор многоголосый. Хор пел в праздники обедню. Получалось хорошее звучание. Служба проходила в более торжественной обстановке. Псаломщик отличался способностью к рисованию и в свободное время писал красками картины. Мне он нарисовал на память судно «Варяг». Долго я хранил эту картину. Этот псаломщик (имя и отчество не помню) женился на учительнице, дочери попа из села Спасское, находящемся недалеко от Шелаша, на правом берегу реки Ваги. У него была семья, дети моложе нас. Хозяйства не имел. Одни куры. Политика его не интересовала. Был добрым семьянином. Дело по ведению церковной канцелярии исполнял честно. Дом его стоял рядом с нашим.

Стол, накрытый для чаепития. Краеведческий музей с. Устье

В церковной сторожке жил старик сторож. Ходил он к нам каждый вечер. Приносил на ночь церковный ключ. В сторожке всегда было жарко. На стене висели старинные часы с двумя гирями. Маятник у них был длинный. Сторож в свободное время чинил обувь: сапоги, валенки. Добрый и уважительный был старичок.

Отношение к служению в церкви

Папа, мой отец, был человек религиозный. Исправно выполнял долг служителя культа. Перед службой накануне готовился — читал правило. Но он был уже не дед Василий. В его понятии религия — православие и другие виды религий — была шире и, как мне думается, он считал, что в религию вкладывается весь моральный закон жизни. Он считал, что без религии жизнь человека — простое существование без перспективности и надежды.

В бытность в Шелаше отец редко говорил проповеди. Чаще беседовал с отдельными прихожанами. Говорили о житейских,

Покровская церковь в с. Пучке. Фото середины XX в. Архив Н.А. Плигиной

более близких вопросах, чем загробная жизнь. Отец заострял внимание прихожан на поминовении умерших. У него были свои синодики (имена умерших сродников своего и маминого рода), которые он прочитывал в церковном служении и в домашней молитве. Поминали за здравие и за упокой. Помню скорбь папы и мамы по поводу смерти деда Александра Беляева. Он умер зимой. Весть получили письмом. Мама подала письмо папе. Он прочитал, перекрестился и пошел в церковь служить панихиду. Это показывает его религиозность и настроенность.

Отец считал, что молитва индивидуальная, общественное служение и выполнение обрядов нужны человеку для успокоения души, для приведения нервов в порядок, для уравниваемости. Он молился, уединившись в своей комнате.

Мама перед каждым праздником накануне заправляла и зажигала лампаду. Создавалась в комнате таинственно-торжественная обстановка. Мать любила стихотворение Лермонтова «Молитва»:

В минуту жизни трудную,
Когда на сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучии слов живых,
И дышит непонятная
Святая сила в них.
С души как бремя скатится.
Сомненье далеко.
И верится, и плачется,
И так легко-легко.

Что услышано в раннем детстве, сохраняется в памяти на всю жизнь.

Болезненное настроение у мамы

Мать была болезненная, часто прихварывала, а в связи с состоянием здоровья и настроение у нее было подавленное. Грусть на сердце заставляла искать помощи, поддержки настроения у сверхъестественной силы, в религии.

Господи, помилуй,
Господи, прости!
Помоги мне, Боже,
Крест свой донести.

Мать просила на ее могиле сделать надпись:

«Под крестом моя могила,
На кресте — моя любовь».

Влияние чтения книг и журналов на настроение мамы

Мама много читала книг и журналов по медицине. Изучала народную медицину, разговаривала со знахарями, вела переписку с врачами-гомеопатами. Осведомленность иногда оказывала на нее вредное влияние. У нее развивалась мнительность. Подчас представлялось ей, что у нее есть болезни, о которых она читала в лечебнике или слышала. Каких болезней маме ни представля-

лось! То у нее язва желудка, то туберкулез легких, то заболевание гортани и тому подобное. Как будто все болезни организовали колонии в ее организме.

Была у мамы аптечка, в которой уйма порошков, пилюль, склянок с жидкостями. Ее организм стал терять способность к самозащите, и все это отрицательно сказывалось на ее настроении. Для укрепления нервной системы был выписан пояс с электрическими карманными батарейками — гальванолечение. Для лечения горла — прибор с пульверизатором.

Детские Рождественские праздники

На Святках устраивали для нас Рождественскую елку. За несколько дней до Рождества ее укрепляли. Наверху у елки ставили стеклянный шпиль. На ветвях развешивали легкие светящиеся игрушки, бусы. Прикрепляли на маленьких жестяных подсвечниках свечи и в праздник зажигали их. Пользовались бенгальскими свечами-огнями и хлопушками. На елке рассказывали стихотворения, пели песни, водили хоровод. Обычно было много гостей с детьми. Глубоко в памяти остались эти детские праздники — Рождественские елки.

Раздумья мамы и папы о воспитании

Надо научиться проводить детские праздники, чтобы они сыграли воспитательную роль. Надо учитывать возраст, развитие и интересы детей. Надо, чтобы они были активны, инициативны, изобретательны.

1905 год

События 1905 года всколыхнули народ в деревне. Волна недовольства шла стихийно, непродуманно, неорганизованно. Погнали стражников, урядников. У купца Лагина сожгли стога сена, рамы побили, да на этом все и кончилось. Помню, как понаехало казаков на лошадях, да как устроили в волостном правлении порку мужиков под руководством урядника и исправника. Одних драли

за то, что из удельного имения вывозили себе лес, других — за оскорбление начальства и богатых людей.

После буйной расправы с мужиками жизнь опять пошла по старому руслу. Прибавилось на деревне высланных политиканов, и они были теперь под более строгим наблюдением. Наступила реакция. Работал шпионаж. Многих мужиков забрали и сослали в Сибирь на каторгу.

Раздумья

Отец не был революционером, хотя его друзья принадлежали к группе социалистов-революционеров, но он был противником дикой монархической реакции. Он говаривал, что в наших царях кровь не русская. Они ничего доброго трудовому русскому народу не могут пожелать. Отец любил русский народ и был на стороне трудового люда. Он хотел видеть общество, построенное на идеях христианства, и в то же время слышал песню:

Не надо нам монахов,
Не надо нам попов,
Мы на небо залезем —
Разгоним всех богов.

Отец не был фанатиком, бросающимся против атеистов. Он — христианин, искреннее верующий в справедливость идей Христа. Он видел лицемерную елейность православных христиан высшего сословия — людей, прикрывающихся Христом, а на самом деле далеких от истинного Христа. Он видел развивающийся капитализм, как паука, опутывающего земной шар, щупальца и паутина которого были перед его глазами. Видел жертв капитализма, читал о них.

Матери отец говаривал: «Трудно богатому войти в Царство небесное». Книги Льва Николаевича Толстого — «Война и мир», «Анна Каренина», «Крейцера соната», «Воскресение» и другие — обсуждались при встрече с друзьями. Отец очень сожалел, что Толстого предали анафеме и отлучили от церкви. Книги были друзьями моих родителей.

*Болезнь мамы.
Поездка к врачу в Санкт-Петербург*

Примерно в 1906 или 1907 году серьезно заболела мама. Врач-терапевт из Шенкурска дал совет ехать к врачу узкой специальности в губернский город Архангельск или в Вологду. Была зима. Единственный транспорт — гужевой, на лошадях. Самое близкое расстояние до железнодорожной станции Няндомы — 150–200 верст, а далее — по железной дороге до Вологды или до Архангельска. Отец договорился с одним добрым хозяином-крестьянином на поездку до станции Няндомы. Сделали на сани кибитку с пологом, и транспорт был подготовлен. Стоимость проезда — 9 рублей (золотом). В эту поездку мама взяла меня с собой, а брат Вася остался с папой.

Дорога пролегла среди лесных массивов. Населенные пункты встречались редко. Останавливались на постоянных дворах, где кормили лошадь, спали, отдыхали, питались. Ехали и днем, и ночью. Сидеть в кибитке было удобно. В теплом тулупе не ощущается мороз. По сторонам — высокие, устремляющиеся в небо деревья. Ночью на небе светились яркие звезды. Сидишь, смотришь кругом и уснешь. Глядишь — волок проехали. Опять остановка и отдых на постоялом дворе.

Хозяевами постоянных дворов были мужики, желающие подзаработать денежку. Предприниматель строил дом с большим двором с расчетом проезжающих и большой избой для людей. Две чистые избы: одна — для почетных людей, а другая — для своей семьи. У хозяина двора всегда имелся запас фуража сена и овса для лошадей. Желающие могли купить его. Лучше и удобнее, чем везти из дому корм для лошадей. Потихоньку, из-под полы хозяин имел и водочку, и треску на закуску. Знал мужик, как можно копейку нажать и людям удружить. На постоялом дворе мужик-возница помещался в общей избе. А мама со мной — в чистой комнате, где было спокойно, и свет — от керосиновой лампы. В дороге мама чувствовала себя плохо. Ее беспокоила болезнь горла и особенно болезнь живота. Старушки из хозяйской семьи применяли все-

возможные народные средства лечения: гладили живот, горшки ставили, согревали, и чего только не делали люди, чтобы помочь больному человеку. А я сидел и думал, как бы скорей лошадь наелась да поехать быстрее. Жалел я мать, страдающую от болезней.

На постоялом дворе в общей избе было грязно. Окна маленькие. Вечером освещение от лучины. Стены темны от дыма. Воздух имел специфический запах. Пахло лошадиным потом, махоркой и жилым ночным запахом. В избе были полаты, где спали проезжающие. По стенам — широкие лавки. Посередине избы — большой обеденный стол. В углу — печка, на которой отогревались озябшие проезжие люди. К русской печке — подпол с котлом, где грелась вода для хозяйского скота. Мне особенно запомнился подпол в вечернее время, когда топили печку. Внутренность печки казалась от котла черной. Не мог я долго сообразить, почему в печке так черно... Появлялся суеверный страх. Я даже боялся этой печи.

Добрались до железной дороги. В Няндоме сели на поезд и доехали до Вологды. Дяди-носильщики со светлыми бляхами на груди помогли нам с нашим багажом добраться до извозчика, а дальше легковая лошадка довезла до дяди Саши Турундаевского на Власьевской, дом Суконщикова. Так закончился первый этап путешествия.

В Вологде мама была недолго. Врачи посоветовали для продолжения лечения съездить в петербургскую клинику. Мама уехала в Петербург и остановилась у дяди Вани (своего брата). В клинике сделали операцию — удалили гланды. Установили причины болезни в области живота — «блуждающая почка». Порекомендовали носить специальный пояс. Во всем организме мама чувствовала общее недомогание. Побывала у многих врачей-специалистов. Общее их заключение сводилось к тому, что надо укреплять нервную систему. Мама была и у гомеопатов.

Обучение грамоте

Знакомиться с грамотой русского и церковно-славянского языка начинали вне школы. Почему так произошло, не знаю. В 1-й класс я не ходил. Занималась со мной мама. Дела шли почему-то очень туго, особенно со славянским языком. Схоластикой было пропитано обучение. Твердили аз, буки, веди, глагол, добро и так далее, а потом — склады. Вспоминаю и никогда не забуду «ба-би-бе-бо-бя-бю». Прибавление гласного звука к согласному. Нудное было обучение. Ничего интересного я не видел в этом обучении. Занимался поэтому только тем, что требовали, без всякого желания. Письмо тоже страдало. Каракули и кляксы заполняли тетради. Мама беспокоилась, буду ли я владеть техникой чтения по русскому языку, не говоря уже о церковно-славянском. Мать нервничала. Применяла меры принуждения и наказания. Дело продвигалось туго.

На другой год меня направили в школу и поместили во 2-й класс (группу). Мои познания за 1-й класс были скудны, и занимался я ниже среднего ученика по чтению и письму. Школа была трехлетка.

Заботы отца с матерью обо мне было много. Что делать с парнем? Через год надо везти в Архангельск поступать в духовное училище, а тут грамота туго дается. Забота!

В школе стояли четырехместные парты. Я сидел на краю, и моей соседкой была девочка Плотицына Анна — способная. Училась по всем предметам хорошо. Диктанты писала на «отлично». А у меня оценки были немного выше, чем «плохо». Так начиналась моя учеба.

Режим, созданный в домашней обстановке, не способствовал качеству усвоения школьных заданий. Изоляция от деревенских ребят неблагоприятно отражалась на общем развитии.

Детскую одежду мама сама шила по выкройкам: штанишки коротенькие, блузку. Все — хорошее, но не такое, как у ребят в деревне, и это действовало на психику, на характер, на поведение. Хотелось быть, как все ребята одного возраста со мной. У ребят

— длинные штаны, а у тебя — коротенькие. У ребят — длинные рубахи, а у тебя — блузка. У ребят — картузы, а у тебя — кепка или шляпа. У ребят — лапти или сапоги, а у тебя — ботинки, туфли или сандалии. Получалось, что у тебя всё — не так, как у людей, и это тяготило.

В Рождество ребята бегали со звездой по домам и славили, а я сидел дома и с завистью наблюдал пение христовославов. Вечерами ребята ходили наряженками по деревне, катались с гор, а это нам не разрешалось. У ребят был свой детский коллектив, а мы с братом были лишены интересов этого общения. Нам хотелось быть, как все прочие дети. Летом ребята ездили в ночное пасти-кормить лошадей. Много интересного рассказывали о лесе, ночи в лесу у костра. На вопрос, а почему нам с братом нельзя жить так, как все ребята живут, нам давали ответ простой и понятный: «Вам надо готовиться ехать учиться в город и заниматься с деревенскими ребятами не следует». Все понятно, и ничего не понятно. Почему? Это «почему» на долгое время оставалось непонятым.

Классовые традиции

Видимо, глубоко въевшаяся традиция, укоренившиеся представления о построении классового общества вошли в плоть и кровь родителей. Они считали, что их дети должны вести продолжение своего рода по классовому принципу. Дети духовного звания должны учиться в духовных учебных заведениях. Мальчики — в духовных училищах, в духовных семинариях, а студенты — в духовных академиях; девочкам — дорога через епархиальное училище в учительницы или в жены попов. Так уж построено общество. Каждый класс, прослойка старались держаться своих родов.

Купечество знало своих людей из торгового звания, с ними вело знакомство и с ними рождалось. Духовенство знало своих людей. Из родов «культов» брали себе жен. Среди крестьянства также были свои традиции: «Выбирай жену из хорошего дома. Бери себе в жены ровню». — «С рожки не воду пить. Смотри, чтобы девка была работящая и умела все делать». Крестьянину нужна жена-ра-

ботница: сильная, здоровая, неленивая. Родители думали так, как думали их деды: «Детей надо выучить. Неуча в попы не ставят». Безусловно, хотелось им протолкаться до попов. Эта профессия казалась им родной по природе. Отцы, деды и прадеды были людьми из духовного звания. Пусть и дети будут «Божьими дудками». Надо детям давать образование и сообразно положению воспитывать их, приучать к церкви и воспитывать потребность к молитве. Таковы были родительские мысли. Куда ребятам идти? Капиталов нет — торговцами не будут. Земли нет — сельским хозяйством, крестьянством заниматься не будут. Значит, надо ребят учить и через учење пробивать себе дорогу сообразно способностям и наклонностям, своим дарованиям.

Значение религиозных праздников и обрядов

Религиозные праздники воспитывали в определенном направлении. Подготовка начиналась заранее. Санитарная обработка помещения. Приборка в комнатах. Смена декораций. Кулинария. Подготовка вкусных деликатесов. Обстановку соответствующим образом подготавливали. Настраивали психику человека.

Пасхальные наборы — пасха, кулич, крашеные яйца, поставленные на стол, придавали особенно праздничный вид, создавали торжественность.

Церковь тоже украшалась перед праздниками. Плели гирлянды из хвои. Чистили с иконостасов и икон пыль, мыли генерально полы, увеличивали свет. Хор подготовлял слаженность. Певчие спевались, репетировали.

В Пасху вокруг церкви зажигали в глиняных чашках деготь и смолу. Обстановка получалась необычайно торжественная. Церковь была полна народу. Вокруг церкви ходили с иконами, хоругвями и фонарями. Целую неделю все дни звонили в колокола. Любители колокольного звона виртуозничали на всякие лады. Люди при встречах обменивались приветствиями:

- Христос воскрес!
- Воистину воскрес!

И все это проходило в необычайно торжественном тоне.

В Пасху, Рождество, Крещение в каждый дом православного христианина ходили служители культа с иконами и крестом славить, освящать дом своим присутствием, а в Крещение — окроплять святой водой.

Обрядность церковная по-особому настраивала людей, успокаивала и организовывала. «Без Бога — не до порога!»

В переднем углу каждого дома стояла икона. Около иконы — вербочка и веточка березы, а в некоторых домах на подоконнике в маленьких бутылочках — крещенская вода и масло лампадное. При входе в дом каждый снимал шапку и, перекрестившись, приветствовал хозяев. Хозяйственная жизнь крестьянина освящалась церковной обрядностью. Христианская идеология определяла моральные законы, а само учение Евангелия почти не было знакомо широким массам народа. А потому бытовала поговорка: «Бог-то Бог, да будь и сам не плох».

Покрово-Пучковский приход

В 1910 году владыка архиерей Вологодской епархии дал отцу Покрово-Пучковский приход. Отец поступил на приход, заменив священника отца Рафаила Лумбовского, который переехал на Лысую гору Кадниковского уезда. У отца Рафаила купили дом, построенный на кирпичном круговом фундаменте и обшитый тесом. Крыша деревянная. Около дома сад и огород. Дом построен в 1903 году. Располагался недалеко от церкви. Село Пучка — в 43 верстах от Вологды по Кирилловскому тракту недалеко от сел Воздвиженье и Шутково.

Население деревень занималось земледелием, имело сенокосные угодья около своих деревень и косило осоку по берегу Кубенского озера. Поздней осенью, когда спадет вода в озере, ездили косить на лодках на другой берег озера, и осоку сразу метали в стога. В начале зимы, когда замерзнет озеро, по гололеду перевозили сено домой. Накладывали возы по 40-50 пудов на лошадей. Осока — хороший, продуктивный корм скоту. Надои молока

Покровское - Пучка. Фото нач. XX в. Архив А.А. Турундаевского

коровы давали хорошие. Система полевого хозяйства — трехполка. В деревнях Моденово, Бережок, Шилово, Федотово были отдельные рыбаки, которые промышляли — ловили рыбу для своей семьи и продавали.

У женщин было развито кружевное дело. Плели на подушках коклюшками разные кружева. Женщины сплошь неграмотны. Грамотных взрослых мужчин мало. Наделы земельные были невелики и полностью не удовлетворяли потребность населения, а поэтому в больших хозяйствах, где не один мужчина, кто-либо уходил в отхожие промыслы. Чаще всего — на земляные работы под Ярославль. К сенокосу бурлаки возвращались домой. Отхожий промысел длился примерно три месяца. Бурлаки с отхожих промыслов приносили деньги и вещи, необходимые в хозяйствах. Они видели и жизнь в других местах. Кругозор расширялся. Появлялось желание улучшить свое хозяйство, а у некоторых — желание перебраться в место, где другая экономическая база.

Наше хозяйство. 1910-1917 годы

Отец, вращаясь среди населения, прекрасно видел жизнь крестьянина, его экономику и развитие хозяйства. Замечал в обществе начинающееся расслоение. Видел и соображал...

На Пучке у церкви была земля пахотная и сенокос («попова выгородка», обнесенная кругом изгородью). На середине этой выгородки рос осинник. Площадь была большая, а толку мало. Пахотная земля раскинулась отдельным клином, и вести хозяйство можно было, но требовалось большое вложение капитала. Отец сообразил, что «шкурка выделки не стоит» по некоторым мотивам. Во-первых, народ с завистью смотрит на эту землю, и не исключена возможность потрав. Заставить крестьян отгораживать свои земли от поповских полей вызовет много хлопот и озлоблений. Во-вторых, доходы от земли за вычетом всех вложений будут крайне невелики, а потому вся земля была отдана в аренду за небольшую плату. Оставлен небольшой клочок для личного пользования. Забота об изгороди исключалась.

В хозяйстве у нас были лошадь, две коровы и две козы с козлом. На этот скот накашивали сена на приусадебном участке и немного добавляли полевой травы. Но хозяйство папа знал как вести. Косил виртуозно. Коса шла по траве, как по воде. Кос не отбивал. Отбивал и налаживал косы один мужичок — Миша Валяев. Отец знал, что косы можно строгать, но сам не пользовался этим способом.

Наглядная агитация

Отец задумался над общим состоянием сельского хозяйства. У него появилась мысль о том, как элементарно можно увеличить получение урожаев с земли. Народная мудрость говорит: «От плохого семени не получишь хорошего племени»; «Что посеешь, то пожнешь»; «Сколько на полосу свезешь, столько и с полосы возьмешь».

Связавшись с земской управой (а там у него были свои люди-приятели), достал семян овса «Шатиловского» сорта и «Золотой

дождь», семян клевера и вики и на своей земле сделал показательный участок площадью в одну десятину. Земля начала зарастать кустарником. Ее расчистили, вспахали, продисковали (отец достал из Управы железную дисковую борону) и засеяли этими семенами. Половину участка — овес с викой, а другую — овсом, и по овсу посеяли клевер. Две полосы были посеяны чистым овсом на семена. Урожай получился настолько показательным, что для людей не нужна была какая-либо агитация. Отец пользовался уважением народа. Имел авторитет среди прихожан. Опыт, поставленный им, послужил примером, которому надо последовать. «Нет плохой земли, а есть плохие хозяева», — говорили мужики.

Организация Кредитного товарищества

Для получения большей доходности от хозяйства крестьянам требовались деньги. А где их взять? Стали думать и решили организовать Кредитное товарищество. Устав и санкцию на его организацию дала земская управа. Кредит получили через госбанк. Расчет вели по векселям. Отец был председателем Кредитного товарищества и бухгалтером. Членами были Валяев Михаил (кассир), Макин Александр Флегонтович (оформлял долговые обязательства), Губайловский и Копылов Андрей. Из Кредитного товарищества можно было брать деньги и класть, как в сберкассу на хранение, получая проценты. Отпускались деньги на укрепление хозяйства: покупку лошади, коровы, сбури, на семена, на сельскохозяйственный инвентарь. Операции производились один раз в неделю по воскресениям. Заявку давали на одну-две недели раньше, чтобы можно было получить нужные деньги через госбанк. В Кредитном товариществе деньги давались из расчета 12 % годовых. Процент, на первый взгляд, большой, но он устраивал мужика, так как деньги нужны были человеку на время. Ростовщики бы, мужики-кулаки, брали не меньше, да еще надо было отрабатывать в самую страдную пору.

Через Кредитное товарищество земская управа развертывала работу по снабжению сельхозинвентарем, семенами высокого

качества и сорта. У населения деревянные сохи заменились плугами, деревянные бороны — железными. Народ стал улучшать скот: приобретали бычков-производителей (отдельные хозяева). Кобыл местной породы стали возить на случку на конский государственный конюший завод.

Сельскохозяйственное производство тормозили мелкая чересполосица и общественный трехпольный севооборот. На каждого хозяина в поле приходилось пять-шесть клочков земли, что не позволяло вести хозяйство улучшенными способами. Назрел вопрос коренной перестройки, земельного передела.

Все видели, что на участке у попа творятся чудеса: хлеб растет в пояс, и травы достаточно, да еще качественной. И обработке удобно, и все мероприятия проводить легко. А земля как у всех — одинаковая. «Из той же мучки, да не те ручки». Отец понимал, что чем лучше будет жить мужик, тем больше будут доходы. Недовольство имели только богатые крестьяне, которые держали бедный люд в кулаке. Для них новшества, введенные попом, уменьшали доходы. Народ не шел к ним за деньгами, не спешил и за семенами на посев. Деньги в кубышках не росли, не шли в оборот. Для богатых мужиков «Кредитка» была поперек горла. Они имели недовольство на отца как организатора «Кредитки» и громко заявляли, что поп не своим делом занимается. — «Кадил бы, пел, Бога молил, да нам жить не мешал. Без попа знаем, как голопупым помогать». Но на опыты отца смотрели со вниманием и пытались кой-что подобное использовать в своих хозяйствах. Некоторые даже вступили в «Кредитку» как члены с целью получить семена ссудой и пытались сделаться полезными вкладчиками. Но это были одиночки. Обычно богачи стремились доставать семена за наличный расчет через контору земской управы. «Мужик богатый, что бык рогатый». Эти заядлые индивидуалисты сами хотели стать благополучными.

На Пучке не было мелких торгашей. Территорию прихода обслуживал вологодский купец Масляников. Он имел своих людей-продавцов и торговые точки. Товар отпускал в кредит, в долг, а население на добровольных началах сдавало ему молоко от своих

коров. В деревнях были оборудованы пропускные пункты, а сливки свозились в основной маслозавод в деревню Бережок. Товар отпущенный записывался в книжку, а в конце месяца подсчитывался итог: на какую сумму сдано молоко и сумма сданного товара. Так щупальца капитализма, как паутина, запутывали крестьянство, но деваться мужику было некуда, и он должен был подчиниться создавшемуся положению.

Организация Кружевной артели

Вторая крупная работа, которая была проведена в бытность отца — это организация артели женщин по кружевному производству — Кружевной артели. Вологодские мастерицы славились по всей России. Вологодские кружева слыли хорошим товаром, и много их экспортировалось, продавалось за границу. В те годы изготавливались кружевные изделия из шелка. Для многих женщин кружевное дело было единственным источником пропитания, удовлетворения основных потребностей. Плели шарфы, косынки, занавески, покрывала на постели и подушки, кофты и платья. Конечно, эта трудоемкая работа требует усидчивости, прилежания и аккуратности выполнения. Технология процесса такова:

— берется цилиндрическая подушка, набитая туго сеном, устанавливается на пяльцы (подставку);

— нитка навивается на коклюшки (тоненькие палочки, как карандаши). На подушку накладывается сколок, по которому изготавливается изделие. При работе необходимы булавки;

— коклюшки соответствующим образом перекидываются и получается по сколку узор изделия.

Среди кружевниц некоторые мастерицы отличались особо отличным качеством. Опять верна пословица: «Из одной мучки, да разные ручки».

Сбыт изготовленных изделий не был организован. Скупали кружева предприимчивые люди (попросту говоря, сегодняшним языком — спекулянты). На территории Борисовской волости — Быкова Манефа из деревни Кольнеево и Федосеева из деревни

Борисово. Эти женщины брали изделия, как на комиссию, возили их в Москву и там продавали крупным предпринимателям, которые большую часть продукции отправляли за границу. Самим труженицам-кружевницам причиталась скудная сумма. Но работать надо было. Скупщицы давали кружевницам шелк, а кружевницы обязаны были сдавать свою продукцию. На сторону нельзя было продать, так как материал принадлежал заказчику.

У отца зародилась мысль помочь женщинам в их положении. Он видел и знал трудоемкую работу кружевниц. Знал цену кружевных изделий на рынке и видел, что получают труженицы за свой труд.

Собрал он женщин, провел собрание, и была организована Кружевная артель, которая вошла в объединение кружевниц области. Работой кружевниц руководило правление Кредитного товарищества. Только прибавился браковщик. Кружевная артель получила из областного фонда шелк, специальные нитки и раздала кружевницам. Работа по приему готовых изделий производилась по воскресениям одновременно с «Кредиткой». Собрав партию изделий, отец вез продукцию в Вологду, получал шелк, льняные нити для раздачи кружевницам, оформлял учет и расчет. Папа любил людей и хотел, чем мог, помогать трудовому люду. Организация Кружевной артели обескуражила спекулянтов. Им пришлось повысить цену на изделия кружевниц, и к тому же они лишились многих клиентов, так как в артели было еще стимулирование дефицитным товаром. Обозлились на отца спекулянты. Как они ни выли на раз-

*Плетение кружев.
Открытка нач. XX в.*

ные голоса, артель работала. Кружевная артель помогала рыбакам доставать для сетей льняные нитки машинного производства.

Знакомство с пчеловодством. Рабочие ульи. Пасека

В 1913-1914 годах отец начал заниматься пчеловодством. В приходе было два пчеловода — Исаков Ваня (так звали старика) и Коновалов Григорий. Исаков жил в деревне Бережок через реку Пучку от нас в трехстах метрах. Пасека его располагалась возле дома, в переднем огороде, к югу по склону горы. Кругом росли яблони. Пчелы водились в ульях-дуплянках. В жизнь пчел-семей пчеловод не вмешивался. Наблюдения вел. Но никаких записей о пчелах у него не было, так как он был неграмотен. Его обязанностью было выставлять пчел весной, в конце лета достать мед, вырезать соты. Если будет рой, то собрать пчел и посадить в новый улей. Осенью унести пчел с пасеки в ольшаник на зиму.

При отборе меда пользовался дымом. Брал горящее поленоголовешку и дымил пчелам в ульи. Затем открывал ульи и вырезал все соты с медом. Вместо сетки на голову надевал мешок с вделанным решетом, на руки — рукавицы, сверху голову закрывал большой шапкой. В своем костюме дед-пасечник ходил на страшное чучело. В руках — нож и головешка с дымом. На голове — лохматая шапка, лицо закрыто решетом. Пиджак и пальто ватные, чаще всего из домотканины. Для сот с медом брали глиняную порожнюю кринку. В пасеке у деда Исакова было, примерно, около десяти семей.

Во время посещения пчел на пасеке наблюдалась жуткая картина. Пчелы сильно тревожились, разлетались кругом, жалили людей и скотину. Трудно было в такие часы проходить по улице около его дома. Народ (соседи) сердились на пасечника. А чтобы не было неприятностей, пасечник вынужден наделять соседей медом, угощать их. Прибыли от пасеки почти не получалось, а хлопот много. Обычно пасечники были родовыми. Прадед - дед - отец - сын один другому передавали пчел и способы пчеловодения.

Народ считал семьи пасечников хорошими, честными, без пороков. У плохого человека пчелы водиться не будут. Пасечник обычно ульи не продавал, да никто их и не покупал. Моему отцу дед Исаков подарил колоду пчел. Пчеловод Исаков считал, что у отца будут пчелы водиться. Считал, что отец — не вредный человек, много пользы людям приносит и хороший полезный совет дает по хозяйственному делу. Дедо Исаков с Валяевым Мишей (надо сказать, что взрослых мужиков часто звали, как зовут дети, с прибавкой «дядя» или «дедо») перенесли с его пасеки улей на руках и поставили у нас в саду на место, указанное дедом Исаковым.

Года два дедо Исаков приходил к нам по три раза в год проводить пчел. Весной выставлять из-под спуда, летом добывать мед, а осенью убирать улей в подполье на зиму. Улей с зимы выходил хорошим. Весной семья быстро приходила в силу, набирала силу и на третьем году дала рой. Собрал дедо Исаков рой и говорит отцу: «У тебя все хорошо. Пчелы тебя полюбили. Теперь настало время быть тебе самому самостоятельным хозяином. Управляйся сам. У меня легкая рука. С Богом принимайся за Божьих мух. Если покусает, не сердчай. Их укусы вреда не приносят. Человек после укуса пчелы здоровее бывает. Хворь от него уходит. Да и кусать хозяина они не будут». Такое напутствие дал старый пасечник. Далее наступило время самостоятельного руководства пчелами на своей пасеке.

За два года была прочитана сельскохозяйственная литература, получена хорошая консультация от агронома, и отец повел пасечное дело по-новому. Через земскую управу достал из города Вятки рамочный улей и пчеловодный инвентарь: две сетки, дымарь, пчеловодные ножи, стамеску, луженую проволоку, медогонку и самое главное — вошины для наващивания рамок. Решено было посадить пчел в рамочный улей. Рой снял дед Исаков и передал его папе с напутствием: «Теперь делай сам, как подскажет тебе Бог. Желаю тебе, батюшка, всякого добра и успеха».

Рой был большой — около восьми фунтов. Улей был подготовлен, рамки навощены. Вечером домик поставили на землю. Перед

летном разостлали простынь. Поварешкой стали сыпать пчел на леток улья, а затем высыпали пчел на простынь. Через некоторое время пчелы быстро ходом побежали в улей. Пчелы зажили в новом доме и в новой обстановке. Недели через две отец пошел самостоятельно осматривать улей. Взял с собой меня. На вооружении у нас был дымарь, а не головешка. На головах — сетки. По установке, по указанию деда Исакова, сначала подымили в леток. Через две-три минуты сняли крышку. Холстик (рамки сверху) были закрыты и утеплены. Стали осматривать. Нашему удивлению не было предела. Почти все рамки были оттянуты ровными сотами, и в некоторых из них был напрыск меда и детка. Жизнь пчелиной семьи в улье была активна. За летний сезон пчелы оттянули десять рамок и запасли достаточно меда для зимнего периода.

Весть, людская молва о пчеловоде-попе, который по-новому водит пчел, сделал домик-улей из досок, соты — в рамках, дымарь использует вместо головешки или курилки (глиняного горшка), быстро разлетелась по округе. Из разных мест старики-пасечники стали заглядывать к нам, знакомиться с новым способом пчеловождения. Ну, и по-разному, как следовало ожидать, относились к нововведению. Многим не верилось, что можно взять от пчел только мед, а соты не трогать и обратно им возвращать. На медогонку смотрели с недоверием. Высказывали суждения, что мед из медогонки другого качества, что пчелы в ящиках долго жить не будут. Много было дебатов. Всесторонне обсуждали вопрос пчеловождения на заседаниях «Кредитки». Это между прочим. В Кредитное товарищество стали поступать заявки на домики и пчеловодный инвентарь. Кредитное товарищество стало выписывать домики Дадана и прочий инвентарь, отпуская его в кредит как ссуду.

Другим старым пасечником был старик Коновалов Григорий Дорофеевич из деревни Шумково. До его сознания так и не дошла пропаганда нового пчеловождения. Он остался со своими ульями-дуплянками. Григорий Дорофеевич в конце жизни потерял зрение («темная вода» — глаукома) и ульи продал. Дед Исаков и Коновалов до конца жизни остались верными заветам дедов и новую сис-

тому пчеловодства не вводили. Первым последователем папы стал дядя Саша из Шухтова. Он приобрел два домика Дадана и у себя завел пчел. Рой ему продал пасечник из его прихода. Затем почти все попы в округе завели пчел в рамочных ульях.

В нашем хозяйстве пасека была доведена до пяти-семи ульев, и больше нам не требовалось. Мед шел только на личные семейные потребности, давался больным прихожанам и женщинам — матерям-кормилицам. Мед был высокого качества. Хорошо кристаллизовался.

По уходу за пчелами сделан сдвиг, но управлять пчелами мы с отцом не научились. Матку-пчелу мы очень редко видали. Делить пчело-семьи без роя не пробовали. Подкормку весной давали. Во время главного взятка ставили магазины на ульи, а иногда и по два (улей получался многокорпусным). Выкачивали мед медогонкой. На зиму пчел убирали в подпол. Утепляли сверху подушкой со стружками. Гибели пчел не наблюдалось. Крыши ульев были деревянными. Ульи окрашивались в различные цвета. Стояли они в саду под яблонями. Записей наблюдений не вели. Литература по пчеловодству в нашей домашней библиотеке была. Читали. Появился интерес к пчелам в нашей семье. Мать интересовалась лечебными свойствами меда, воска, прополиса. Меня интересовала жизнь пчел. Отец занимался практическими вопросами, но не был коммерсантом и дохода от пчеловодства не получал. Мед не продавали, а раздавали нуждающимся. Наблюдали за пчелами, их полетом. Какие цветки посещают? Делали специально посев горчицы, и на этом наша работа заканчивалась.

Опыт пчеловодения, проведенный моим отцом, стал наглядной агитацией для всех, кто хотел улучшить свое хозяйство. По примеру отца пчеловодством занимались многие крестьяне, и отец был у них консультантом. Ульи-домики ставили через «Кредитку». Так шла жизнь. Вернее, кипела кругом, как в котле. Мама из воска и прополиса варила пластырь. Около пасеки на огороде был посажен ягодник-малина, как медонос. Кусты малины привезены из питомника Земской управы. Малина сортовая, ягоды круп-

ные. Отец рассматривал малину как медонос, потому что во время цветения пчелы густо покрывали цветы малины. За малинником ухаживала мама, а ягоды собирала вся семья, кроме отца. Он занимался варкой варенья. Заготавливал много варенья чайного и пирожного, как паста. Ягоды на зиму сушили на сковородках.

Отец думал об увеличении доходности и рентабельности хозяйства прихожан и старался всеми возможными способами помочь им. Много экспериментировал в области сельского хозяйства. Так в один год попробовал действие фекалий на урожай трав. Около нашего дома был участок земли, не приносящий никакой пользы — северный склон горы в деревне Бережок площадью полдесятины. Осенью эта площадь обнесена изгородью и земля полита фекалиями. Весной участок проборонови граблями, сделали подсев клевера и тимофеевки. На глазах всего села наблюдалось по местному говору — «чудо». В сенокос травяной покос стоял густой стеной выше колена и дал невиданный на селе урожай. А рядом на такой же земле не было признаков травы, годной к сенокошению.

Книги

В свободное время (особенно зимой) отец любил читать художественную литературу. Выписывал журналы «Нива» (с полными приложениями), «Природа и люди», «Кормчий», «Русский паломник», «Епархиальные ведомости», «Воскресный день», «Слова Пастыря». Отец дал нам с братом наказ: «Читайте книги. Книги — друзья человека. Научитесь понимать книгу. Читайте книги согласно возрасту. Книги помогут понимать жизнь, природу, общество, людей». И несколько задумавшись, сказал с грустью: «Есть и бесполезные книги, вредные. От них пусть Бог сохранит вас. Они беспокоят человека, его душу, возбуждают страсти, и пользы от чтения таких книг нет». Указывал, что при чтении надо пользоваться словарями иностранных слов и толковым словарем. Есть много слов, которые в разговорной речи почти не употребляются.

Спaso-Каменный монастырь. Фото нач. XX в. Архив Н.А. Плигиной

— Помните слова Бориса Годунова из произведения Пушкина: «Учись, дитя! Наука сохраняет нам опыты быстротекущей жизни».

Отец советовал в первую очередь прочитать серьезно мастеров — художников слова классической русской литературы. Указывал, что изучение русской истории без привлечения художественной литературы не даст полного представления о жизни русского народа в прошлом. Отец был книголюбом, патриотом, уважающим и любящим русский народ. Наша библиотека насчитывала до 6000 томов книг. Много было книг с кожаным переплетом. Все это богатство в 30-е годы растащено и уничтожено дикими силами. Отец не видел этих дикарей. Не дожил до разгрома.

Спaso-Каменный монастырь

Архимандрит Спaso-Каменного монастыря Павел (Попов) был духовником папы, искренним другом и советчиком в церковных делах. Архимандрит Павел отмечал, что стало наблюдаться оскудение веры среди народа. Посещаемость монастыря богомольцами уменьшилась. Средств на содержание монастыря поступает

меньше. Зеленый змей (водка) чаще искушает братию. Дисциплина среди послушников (людей, не принявших монашество, живущих в монастыре как обслуживающий персонал и находящихся под наблюдением старцев-монахов) начинает расшатываться. Курят, а когда удается, то и водку пьют, безобразничают. Земли, принадлежащие монастырю, отданы в аренду крестьянам и доходов почти не дают, так как с поднятием воды в озере покосы (осока) затоплены водой. Доброжелатели-благодетели помогают монастырю: купцы дают продукты питания, хлеб, сахар, крупу, рыбу и прочее. Рыбаки снабжают рыбой из озера, так что монастырская братия довольна питанием и господа Бога молит о даровании им добра, здоровья и успехов в труде.

Монастырь не имел денег для производства необходимого капитального ремонта зданий и острова. С поднятием воды в озере надвигается угроза острову и монастырским зданиям от весеннего движения льдов. Опасны ветры S/O и S/W, которые движут льды вдоль озера. От сильных весенних ветров льды поднимаются на остров, на крыши зданий. Срывают трубы, разрушают здания. Это всегда беспокоило отца архимандрита.

Старец Павел — умный, рассудительный человек, охраняющий старину и древние реликвии. При монастыре была библиотека-архив, которую никто не пользовал. Много в ней ценных документов для историка. Старец Павел большое внимание уделял организации благолепия церковного. Церкви, где проходила служба, были прибраны, украшены. Печи хорошо натоплены. Иеромонахи и диаконы держались скромно в своем чине.

В зимний период, когда в монастыре случалось стечение богомольцев, отец архимандрит содержал штат послушников певцов-сладкопевцев, которые пели обедню и всенощную.

После лета глубокой осенью, бывало, приходит в монастырь старая бывалая партия босяков в опорках. Идут к отцу архимандриту под благословение.

— Пришли под Ваше покровительство. Не откажите, отец архимандрит. Будем верой и правдой служить монастырю, вся-

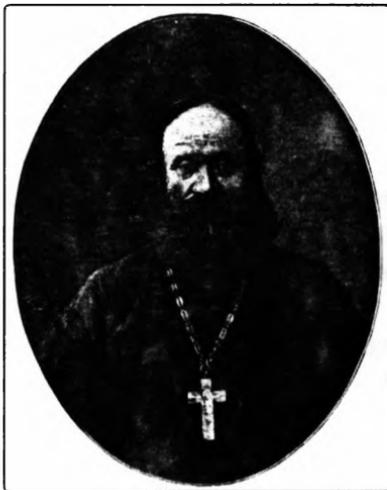
кую работу исправлять, что нужно будет.

И обычно исполняли ему какую-нибудь мелодию духовного содержания. Отхватят, например, «Разбойника благородного» так, что заслушаешься. В монастырях такие люди нужны. Определят их по указанию архимандрита для послушания на клирос певцами — «Божьими дудками», наденут подрясники, поместят по кельям к старцам, накормят голодных. Вот

и заживут ребята в тепле, о голодухе забудут. Днем спевку сделают, небольшие дела по келье справят, а вечером служба — всенощная. Утром обедню отпоют. Так идут дни. Своим организованным пением певцы могли действовать на души богомольцев, вызывали у людей слезы, умиление. Запоют «Утоли моя печали» — за душу хватает. За это их и ценили.

За зиму в монастыре молодчики отъедятся, отоспятся. Кровь по жилам заходит, и с весенними днями, обычно по последнему ледяному пути, разбегаются из монастыря. Их летняя профессия — водоливы на баржах, или грузчиками нанимаются к какому-нибудь купцу. Так до следующей осени. Летом в свободные минуты они тоже занимались пением, потешали народ и своих хозяев. Поют душевные песенки, за сердце хватающие: «Соловьем залетным юность пролетела», «У зари было, у зореньки», «Среди долины ровныя», «Есть на Волге утес», «Ты взойди, солнце красное». Слушатели расчувствуются, смотришь, ребятам и попадет на шкалик. А им больше и не надо. Питаются, как птицы небесные. «Будет день, будет и пища».

Архимандрит Павел был в преклонных годах, но жизнь вообще и жизнь природы интересовала его. По его инициативе на

*Архимандрит Павел (Попов).
Гравюра по фотографии нач. XX в.*

Архив Н.А. Плигиной

острове были установлены метеорологический пункт и маяк, где находился дежурный матрос. Наблюдали за уровнем воды в озере, ветром, температурой, а летом за поверхностью озера. Если заметят на озере лодку, то время от времени следят за ее движением и в случае аварии быстро выезжают для оказания помощи. Зимой в ночное время на маяке держали огонь, а в пургу и вьюгу давали сигналы колоколом для ориентировки путникам, сбивающимся в пути по озеру.

По Кубенскому озеру проходил зимний грузовой тракт, по которому купцы возили товары из Вологды в Белозерск, Кириллов, Уфтюгу, Устье.

В монастыре была гостиница для приезжающих, проезжающих и рыбаков. В гостинице можно попить горяченького чайку с кренделями, путникам можно отдохнуть и лошадей покормить. Обслуживали гостиницу монахи и послушники. Монастырю принадлежали пустыни Белавинская и Александра Кушского, где в давние времена было небольшое хозяйство.

Архимандрит Павел наблюдал за жизнью общества, и в разговорах с отцом определялись их взгляды:

1. Монастыри прежде были оплотом православной веры и церкви. В монастыри шли жить люди, утомленные мирской жизнью, удаляющиеся от соблазнов, в молитве и в посте находящие себе утешение, крепкие духом, углубляющиеся сами в себя, отрекшиеся от мира, живущие созерцательно. Аскетизм проповедовали монахи... В монастырях воспитывалось полное подчинение наставнику и монастырскому уставу. Службы церковные в монастырях совершались почти круглосуточно, с небольшими перерывами. Монахи — это люди, отрекшиеся от мира.

2. Монастыри — учреждения просветительские. В монастырях учили грамоте, ремеслам, искусствам. В составе монастырской братии были и послушники, которым давалось послушание работать и обслуживать старшую братию.

3. Монастыри для некоторых были богадельней. Богатые делали соответствующий денежный вклад в монастырь, строили

в нем домик и жили на территории монастыря с монастырской обслугой.

4. Монастыри для лиц духовного звания, провинившихся по службе или в быту, по решению высшего духовного учреждения Синода могли становиться местом заключения — тюрьмой.

5. В известные времена монастыри были местом заключения государственных преступников в одиночных камерах — каменных мешках. В Спасо-Каменном монастыре были каменные мешки, но они вскрыты и никаких следов обитателей в них не осталось.

6. Простому люду в монастыре можно успокоиться от бушующих душевных бурь, получить советы старцев, подвижающихся в монастыре.

7. Монастырские старцы — люди большого жизненного опыта, на своем жизненном пути встречавшие много людей в разных экономических состояниях. Они практически понимали психологию. Посмотрит старец на пришедшего к нему человека и по чертам лица определяет его состояние. Были среди них и ясновидцы. Звали их прозорливыми. Монастырские старцы, наставники и прозорливцы, пользовались особым уважением народных масс.

8. Монастыри были военными крепостями. Стены их часто делали каменными или кирпичными, с бойницами, подземными ходами. Крепости массивные окружены рвами, наполненными водой.

9. Монастыри иногда становились приютом проходимцев-авантюристов, ничего общего не имеющих с религией, под маской благочестия творящих грязные дела. Таких людей подметил император Петр Великий, называя их «тунеядцами», приказывая гнать их из монастырей. К сожалению, такие люди остаются в монастырях.

10. Монастыри будут «крепостью» до тех пор, пока у настоятеля будет абсолютный авторитет, а братия монастырская останется в безукоризненном подчинении без всяких толков и криво-толков.

Архимандрит Павел и мой папа отец Анатолий были монархистами, склоняли головы перед самодержавием, но жизнь рассматривали не в состоянии статики, а в динамике. Кругозор у этих стариков был широкий. Жизнь они понимали глубоко. Для них Царь (с большой буквы) был священным лицом, миропомазанником. Они считали, что без авторитетных лиц общество не может нормально жить и развиваться. Будет брожение умов, торжество эгоизма, индивидуализма среди людей. Люди не будут понимать ничего святого.

11. Монастыри — место жительства монахов (людей отрекшихся от всего мирского) — должны быть организациями закрытыми. Монахи должны как можно меньше соприкасаться с внешним миром, чтобы не нарушалось их душевное равновесие.

12. Монастыри наши не так давно имели права крупных помещиков с крепостными крестьянами. Это не совпадает с учением Христа. Общество живет. Экономика меняется. Взгляды людей на мир тоже меняются. Люди по своим настроениям теперь не те, какими были в древние времена.

13. Монастыри должны оставаться древними, и православие древнее должно в них сохраняться, как в музеях. Жизнь монахов должна остаться трудовой.

14. Бродяжничества с иконой по деревням не должны иметь места в жизни монастырей.

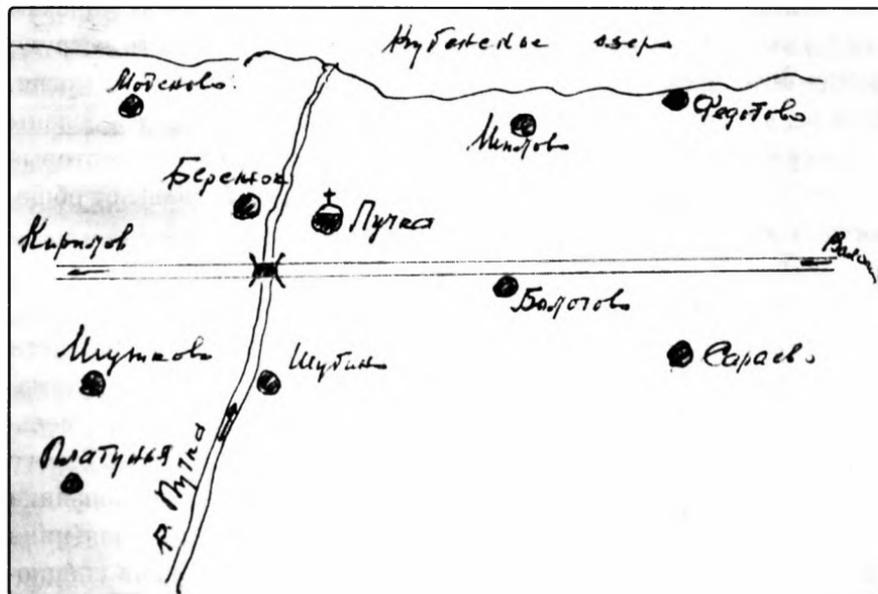
Душевный был человек Архимандрит Павел: умный, понимающий людей, дальновидный, сообразительный, сильной воли. Свято хранил заветы старины. Архимандрит Павел умер в революционный период. Он завещал отцу, что если монастырь будет закрываться, пусть все ценности передадут в Покровскую церковь на Пучке. Папа хоронил его. Тело погребено под церковью в подвальном помещении. Через небольшое время монастырь закрыли. Монахи разошлись. Большинство монашествующих ушли в мир. Некоторые поженились, завели семьи, стали трудиться в сельском хозяйстве. Отдельные монахи преклонного возраста служили в приходских церквях священниками, а после закрытия церквей

жили в деревнях у религиозно настроенных граждан. К монахам не было особых претензий со стороны советской власти и групп атеизма. В дискуссионных спорах монахи состязаться не могли. К моменту коллективизации монахи и монахини были сосланы в лагеря, где они и трудились относительно спокойно. Некоторые убежденные религиозные люди в 30-е годы изолированы от общества на Урал, где оставались пожизненно.

Люди, близкие к нашему семейству

Сапов Василий Ефимович, его жена Ольга Васильевна, дети Иван, Василий и Александр. Жили они в деревне Шубино. Занимались хлебопашеством. У Василия Ефимовича была водяная мельница на реке Пучка. Воду к мельнице подводил канавой по берегу реки. Мощность маленькая. Колесо наливное. Работала мельница весной и осенью. Летом и зимой воды не доставало. На мельнице был привод для шастанья зерна. Временами подключали спецножи для получения дранки для крыш. Голова у мужика работала хорошо. На этой небольшой мощности и лес пилили на доски, и лен трепали, и солому резали для запарки, и зерно веяли, и свой урожай обмолачивали. Замысловатые были хозяева. Водяной привод облегчал работу в хозяйстве. Правда, трудов по разному сооружению было много. Грамоты не хватало для расчетов. Все делалось с практической подгонкой. Семья жила зажиточно, но небогато. Все у них было, но без излишков. Деньги, заработанные за помол, уходили на усовершенствования мельничного механизма.

Щупальца капитализма начали проникать в деревню. Деревня стала развиваться неравномерно: одна прослойка стала богатеть, другие хозяйства пошли под уклон ликвидации. Люди поплыли в город. Некоторые, более предприимчивые и грамотнее других, стали соображать, как увеличить «копейку». Деньги стали пускать в оборот, а не хранить в кубышке. Появились скупщики, перекупщики, ростовщики. На речках, где возможно, построили механизмы.

Покрово-Пучковский приход. Рис. А.А. Турундаевского

Хозяин, Василий Ефимович, был моим старшим другом. Я любил бывать у него на мельнице и беседовать по вопросам техники. Много ума, смекалки, сообразительности и фантазии в этом человеке. Он был русским самородком, какие редко встречаются. Помогал мне осуществлять на практике многие идеи, возникающие у меня в голове в области радиотехники.

С его сыном Василием сделали простой детекторный приемник. Установили высоченную антенну и слушали московские радиопередачи в наушниках. В 20-е годы радиотехника только зарождалась. Мощность вещательных радиостанций была мала, и такой приемник был в диковинку.

Василий занимался и интересовался вопросами народной медицины. Собирал лекарственные травы, книги по народной медицине, консультировался у моей мамы, Анны Александровны, был народным врачом.

Старший, Иван Васильевич, — коренастый, плечистый, трудолюбивый и хозяйственный. Рано созрел. Женился на Никитиной Поле. Построил дом и зажил своим хозяйством.

Семья часто нас навещала. Молодые Иван, Василий и Александр убиты на фронтах Гражданской войны. Василий Ефимович хоронил папу, копал могилу и обделал внутри досками. Старики в 30-х годах спокойно умерли. Вечная память добрым людям! Добро никогда не забудется.

Уткин Михаил Алексеевич — труженик из деревни Сараево — личный друг моего отца. Это был человек высоких душевных качеств. Он понимал намерения отца, стремился к перестройке жизни. Положительно оценивал значение Кредитного товарищества и Кружевной артели (для женщин). Отец любил проводить с ним время. Они много беседовали. Были у него хорошие идеи. Он считал отца новатором в жизни деревни, светильником, освещающим путь жизни крестьянина.

В деревне Уткина звали дядей Мишей. Он был рыбаком и много времени проводил на Кубенском озере. Это был русский человек с простой, высокой, светлой душой. Удовольствие он находил в труде. Трудился в меру своих сил. Большого богатства у него не было. В поте лица добывал свой хлеб. Он в числе первых «пионеров» понял идею пчеловодения рациональными методами (рамочный улей, вошина, медогонка, дымарь, сетка). Была у него небольшая пасека. В революции не участвовал. Жил старик своей жизнью. Мне он написал хорошее письмо и прислал фото. Умер в глубокой старости со здравым рассудком.

Макин Александр Флегонтович из деревни Бережок. Умный, грамотный, самостоятельный человек с сильной волей, твердым характером. Занимался сельским хозяйством. Земельный участок не обеспечивал его семью урожаем. Он дополнительно арендовал часть церковной земли. Любимым его занятием было рыболовство. Рыбу добывал сетями-ловушками: вершами, курмами и неводком.

Александр Флегонтович обладал большой наблюдательностью над природой. Записей своих наблюдений не делал, но прогноз погоды давал почти без ошибок. Объектом его наблюдений были небо, ветер, озеро, рыба и прочее. Каждое утро и вечер бежал на озеро и на реку Пучку посмотреть рыбную удачу. Он был рыбаком-одиночкой.

Александр Флегонтович участвовал в общественной жизни как член правления Кредитного товарищества и Кружевной артели. Принимал заявки на деньги и вел дневник (вспомогательную книгу) ровным каллиграфическим почерком. Александр Флегонтович был человеком религиозным, но не фанатиком. Он принимал предание и писанные законы религии как законы морали и по ним жил. В праздники ходил в церковь, пел на клиросе. У него был бархатистый бас — мягкий, приятный на слух голос.

Александр Флегонтович не был реакционером. За старину не держался. Жизнь рассматривал в динамике. Считал, что в сельском хозяйстве необходим многопольный севооборот. Не любил лентяев, тунеядцев, губошлепов, поэтому на комитеты бедноты смотрел недоверчиво.

— Растащить-то вы сумеете, и уничтожить у вас рука не дрогнет, а вот создать что-либо у вас толку нет и не было. Но жизнь, может быть, вас научит? Вряд ли. Подохнете, как фараоновские коровы. У вас нет способности к созданию хорошего, ценного. Вы можете только пожирать созданное и, пожравши, сдохнете. На ваше место должны придти люди, способные трудиться. В основе жизни лежит труд. Я с Лениным согласен: «Кто не работает, тот не ест».

Александр Флегонтович не был активным революционером, но не был и реакционером. Он хотел видеть такую жизнь, о которой они с отцом мечтали. Чтобы жизнь была построена на труде и разуме, без грабежей и насилия. Налоги и оброки платил в срок. Урядник к нему не мог придраться, так как не имел основания. Жил умно. Советская власть также не имела повода сделать на

него экономический нажим, так как все, что он имел, было трудовое. Трудиться он любил и умел.

Александр Флегонтович уважал древнюю культуру, возмущался халатности и дикости некоторых людей, проводящих «культурную революцию», за то, что они бесцеремонно, без разбора уничтожают все старое, а поэтому при разгроме Спасо-Каменного монастыря забрал ряд малоценных книг на память о прошлых временах жизни наших предков. Свой поступок он не считал святотатством. Александр Флегонтович участвовал в перенесении мощей князя Иосафа в Покровско-Пучковскую церковь. Александр Флегонтович не был продажной душой. Его нельзя было купить ни за какие деньги. Он имел на все свой взгляд. До конца жизни он остался верным другом моего отца. Пусть память о нем сохраняется в веках как о настоящем, русской души человеке.

Валяев Михаил Дмитриевич — крестьянин деревни Бережок, землелашец и рыбак-любитель. Грамотный. Мог расписаться и прочесть «по догадке». Дядя Миша (так все его звали) был человек честный и трудолюбивый. Работал он бессменно кассиром Кредитного товарищества и Кружевной артели. Глубоко в идею кооперации не вдавался. Он знал одно — «Кредитка» в нужде помогает людям деньгами, и честно выполнял долг перед народом. Дядя Миша был человеком религиозным. Религию понимал как наследство от предков. Выполняя религиозные обряды, ходил в церковь по привычке. Долгое время был церковным старостой. Идейная сторона религии не доходила до его сознания. В жизни он унаследовал положение: «Без Бога — не до порога». Особых выдающихся качеств у него не было заметно. Он часто заходил к нам, толковал с отцом о хозяйственных вопросах. Он арендовал у нас землю и помогал нам в хозяйственных делах. Дядя Миша был своим человеком. Вид у него благообразный. Среднего роста. Волосы, постриженные «под скобку». Борода широкая, рыжая. Коренастый, широкоплечий. Руки крепкие, с короткими пальцами. В революции не участвовал и не был репрессирован. Остался в по-

кое как труженик земли. В хозяйственных делах он был особым мастером отбивать косы. Жизнь у него прошла в трудовых буднях. Пусть у потомков останется добрая память о нем как хорошем человеке-труженике. Он интуитивно понимал стремление отца и не мог понять, почему отцу предъявлено обвинение. «Не понимаю, — говорил он, — что плохого сделал отец Анатолий? Всем людям он желал одного доброго».

Коновалов Григорий Дорофеевич — крестьянин, земледелец из деревни Шумково. Никакими новшествами в хозяйстве не занимался. Имел у себя небольшую пасеку до десяти колод. Рамочных ульев не завел. Остался верным старине до конца дней. Пчел не обижал. На зиму достаточно оставлял меду. Мед в сотах частично продавал. У Григория Дорофеевича была родовая профессия — коновал. Ходил он по деревням и кастрировал жеребят, бычков, барашков. Это у него было доходной статьей. Честным, трудовым путем добывал он копейку для своей семьи. Григорий Дорофеевич был безукоризненно справедливым человеком, знающим и понимающим жизнь и людей. Мой отец часто консультировался у него по хозяйственным вопросам, слушал его рассказы о старине и старой жизни. Григорий Дорофеевич на «Кредитку» смотрел как на добрую организацию, но денег никогда не брал и вкладов не делал. У него был свой финансовый план. «Копейку» он хранил дома, не доверяя общественным организациям. Говорил: «А как бы не обанкротились. Тогда моя трудовая погорит». Он был небольшого роста, коренастый, с сильной мускулатурой. На голове имел черные, как смоль, волосы, подстриженные «под скобку». Глаза темные, добрые. Борода черная, окладистая, но небольшая. Григорий Дорофеевич был глубоко верующим человеком. Свято хранил заветы и обычаи старины. Каждый праздник ходил в церковь к самому началу службы — к заутрене, и домой уходил по окончании обедни. В праздник Григорий Дорофеевич никогда не работал, отдыхал. Вина он не пил и табаку не курил. В праздники любил со стариками поговорить и послушать, что творится на белом све-

те. Революцию не понял. Он не представлял, как можно жить без хозяина, без царя. На научные достижения смотрел недоверчиво. Радиовещание относил к нечистой силе и в наушниках слушать радиоприем не решился. Вечная память ему, великому и честно-му, душевному, искреннему человеку. Он остался верным нашему семейству до конца дней. В конце жизни Григорий Дорофеевич потерял зрение. У него была глаукома («темная вода»).

Мария Григорьевна Коновалова из деревни Шумково. «Маша черноглазая» звали ее, дочь Григория Дорофеевича. Грамоту получила через воскресную школу. Была певчей в хоре при церкви на Пучке. Голос у нее был звонкий, сильный. Глубокий альт широкого диапазона. Познакомилась с нотами, с музыкальной грамотой. Маша была маминой любимицей. Маша часто бывала у нас с Ольгой Шестериковой и помогала в хозяйственных делах. Иногда просто приходила навестить маму и Кланю. В 30-х годах Маша уехала в Вологду и работала в детском саду по хозяйственной части. Последние 15 лет — поваром. Получила комнату. Вышла на пенсию. Все бы хорошо, но потеряла зрение и теперь — темная. Предлагали ей жить в доме престарелых, но пока хочет быть более свободной. За ней ухаживает старшая сестра Глафира.

Ручников Василий. В деревне его звали Вася Попик. Молодой гражданин. Круглый сирота. От природы умный. В школе выучился грамоте, окончил четырехлетку. Учителем в то время был Александр Иванович Евстадиев. Поступил писарем в Волостное правление. Набил руку в письме. Стал грамотно писать и научился оформлять документы. При Советской власти стал секретарем в Сельсовете. Вел регистрацию в ЗАГСе. Записывал рождение, брак, похороны. За эту работу и звали его Вася Попик. Ручников Василий — сверстник моего брата Василия. Учился с ним в одно время. Часто бывал у нас. Наша семья помогала ему питанием и одеждой. Характер у него был веселый, и вырос он человеком, полезным обществу. Всегда видели его улыбающимся. С ним было

приятно повстречаться. Поздоровается, что-нибудь скажет. Взглянет — как рублем подарит. Женился он на Соне Никитиной. Зажил семьей. Маленький домик завел. Были дети. Рано помер от какой-то болезни. Говорили, от испанки, после операции. От многих неприятностей предупреждал он нашу семью в революционный период. Добрая душа была у этого человека. Отец любил и уважал его за честность, скромность, тактичность и светлый разум. Он был в числе первых здоровых, разумных комсомольцев. Никакой дикости не допускал.

Куклин Александр Васильевич. Звали его Саня Куклин-Горбач. Крестьянин из села Покровского-Пучки. Землепашец. Занимался только сельским хозяйством. Хозяйство по мощности было небольшое — ниже среднего — и занимался он им так себе. Большая часть нагрузки лежала на плечах жены. Дом у него был с тулошными окнами и глинобитной большой русской печью. Семья большая. Дети спали на полатах вповалку. Прожиточный минимум был крайне скудным, но по миру за кусками не ходили. Александр Васильевич — первый мастер по налаживанию кос, и мог отлично их отбивать. Голова у него работала. В хозяйственных вопросах хорошо разбирался. Уважал отца за «Кредитку» и Кружевную артель. Из деревни никуда не ходил. Начальство не уважал. Считал себя анархистом. Никакому Богу не молился. В церковь не ходил — был атеистом. В доме у него висели иконы. Христианский порядок соблюдала его жена, и он ей не запрещал. Каждому человеку — своя свобода! Свободное время Александр Васильевич посвящал чтению книг, журналов, газет. Был очень начитанным человеком, знал хорошо историю государства и всеобщую историю. Не любил богачей-скопидомов. Героями романов он был пропитан до мозга костей. Говорил так:

— Батюшка! Ты заходи к нам. У меня жена — верующая, ребята — крещеные. Пусть она справляет обычай старины. Приходи с иконами, с крестами, со святой водой. Славьте Бога по обычаю старины. Все оброки церковные я плачу. Но меня оставьте с моими

взглядами. Батюшка! Не обходи мой дом! Хотя я и неверующий, но заходи. Мне будет спокойнее. Урядник не будет меня записывать в черную книгу как инакомыслящего, да и тебе какой-то грош не лишний.

Он к иконам не прикладывался, креста не целовал, под благословение не подходил, грехи сдавать на исповеди не считал нужным. Крест на воротах не носил. Александр Васильевич — честный человек, имеющий свои взгляды и убеждения. Он здраво смотрел на жизнь и считал, что основой жизни является труд без насилия и спекуляций. Таких куклиных было мало. Больше было теплохладных, формально верующих, не разбирающихся в вопросах философии и религии, в законах морали. Придут мужики в церковь, погреться и уйдут в сторожку отдохнуть. Набьется полная изба. Сидят, курят, ведут хозяйственные разговоры. Когда позвонят к «Достойно...», то зайдут в церковь, постоят несколько минут, подойдут ко кресту — и домой. Были у обедни и считают, что они христиане православные.

Николай Васильевич Турунгаевский

Мой дядя по отцу, в семействе деда был старшим сыном. Телосложения атлетического. С хорошо развитой мускулатурой. Рост выше среднего. Вид у него мужественный: темно-голубые глаза казались строгими, сосредоточенными. С виду он внушал доверие. Был человеком с большим кругозором познания окружающего мира и знанием людей разных классов, прослоек, специальностей, ведомств. Хорошо изучил психологию людей. Прекрасно понимал людей.

Дядя Коля окончил Вологодскую духовную семинарию. Студентом, то есть в первом разряде, имел в своем аттестате только отличные отметки. Он имел возможность поступить в Московскую духовную академию без экзаменов, но по бытовым особенностям семьи должен был вступить в самостоятельную жизнь и помочь семье отца учить своих братьев.

Семинарское начальство и местный владыка направляли дядю Колю в Духовную академию как даровитого, предполагая, что из него выйдет авторитетный, властный, представительный служитель церкви, место которого — быть настоятелем кафедрального собора, а в будущем, может быть, архиереем.

По складу характера дядя не склонен был проявлять себя в обществе высокопоставленных лиц, видеть вокруг себя пышность, натянутость, елейность, фальшивый формализм. С детства привычен он к простому люду и решил устроить свою жизнь среди деревенского русского народа как народный просветитель, учитель и пастырь духовных овец. Получил он от архипастыря приход Димитрия Солунского в Раменье, недалеко от Заоникиевского монастыря. У церкви были земельные угодья для пользования церковному причту.

Семейная трагедия жизни

Дядя Коля был женат. Его сын умер в младенческом возрасте. Дядя рано остался вдовцом. С ним жила тетка Серафима Николаевна Попова (сестра деда Василия). Тетя управлялась по дому, около печи вела обряд, готовила завтрак, обед и ужин, наводила порядок в доме...

Тяжелые роды у жены, смерть жены, а через некоторое время и смерть сына дядя трагически переживал: «Я до смерти буду одинок. После меня не будет потомства. В жизни я не услышу звонкого смеха и щебетания своих детей. Не успокоит жена волнующееся сердце. Ласково не посмотрим в глаза. Нет, я одинок. Мне кажется, что и солнце не так светит и греет».

Горькие слезы душили его ночами. Подушка, на которой он спал, к утру становилась мокрой. Первые годы после смерти жены кто-либо был около него. Часто ездил навещать брат Александр Васильевич из Вологды. Тетя Серафима переехала на постоянное место жительства в Раменье, где и жила до смерти.

Церковные власти еще раз предложили дяде ехать учиться в Духовную академию, принять монашество. По законам церкви

людям, принявшим сан служителя культа, не разрешалось второй раз вступить в брак.

Отношение дяди к монастырям и монахам

Монастыри в начале XX века представляли собой довольно солидные и богатые организации, но авторитетность их стала падать среди населения. Для многих монастыри были богадельней. Монастыри стали изоляторами для духовных лиц (пьяниц, самодуров и хулиганов), нарушающих церковные уставы и допускающих знакомство с зеленым змием. Среди монастырской братии большинство было малограмотным, понимающим веру-религию только сердцем. Все монахи — индивидуалисты и эгоисты, люди, добывающие Царства Небесного для себя. Счастья после смерти — для себя, а на земле кормить их должны были богомольцы и благодетели. В летнее время и осенью монахи часто бродили по деревням, пели молебны и занимались поборами — кто сколько даст. Наружное благочестие, ханжество, низкопоклонничество, нытье, угодничество, скупость, жадность — характерные черты большинства монашествующих. В монастырях получали «воспитание и образование» высоковозрастные молодые люди, выгнанные из духовных училищ по неуспеваемости. В общем, в монастырях часто подбирался набор братии из тунеядцев, не приспособленных к трудовой жизни. Всю эту братию монастырскую не уважал дядя Коля. Народу нужны врачи, учителя и просветители, указывающие и разъясняющие нравственность — закон жизни.

Материальная база — сельское хозяйство

Приход Раменье — маленький, население — крестьяне малоземельные. Земли песчаные, заболоченные. Урожай на полях низкие. В основном, в деревнях проживал бедный люд. Многие прихожане уходили на отхожие промыслы. Изредка наведывали родные дома. Среди прихожан были купцы, приказчики, ремесленники и разные служащие — чиновники. Они не жили постоянно в деревне, но по традиции не разрывали связи с родным домом. В празд-

ники и летние отпуска навещали деревню и считали обязанностью отчислять некоторую часть дохода продуктами, промтоварами или деньгами в пользу духовного наставника. Так что дядя не имел ни в чем нужды.

Сборами и поборами с граждан прихода дядя не занимался. Службу церковную считал долгом, принятым на себя, как служителя культа. Конечно, за выполнение треб-обрядов некоторые добровольные воздаяния он получал, но это малые гроши. Основной прожиточный минимум добывал от сельского хозяйства.

На церковной земле дядя имел возможность вести полеводство с многопольной системой. Проводил в жизнь агротехнические мероприятия. Земли было до 20 га. Держал 4-5 коров, 4-5 телят, лошадь, 10-15 овец, кур и уток до 50.

Хозяйством руководила тетя Сима. В сенокос дядя сам косил, а в остальное время работу по обслуживанию хозяйства проводили работник и работница, которые жили круглый год у попа на полном довольствии: были обеспечены питанием, обувью и одеждой. Работник говаривал так: «Живем у попа, как у Христа за пазухой: сыты, одеты, обуты, в тепле и нос в табаке. Никакой заботы. Пусть обо всем думает хозяин. Наше дело такое — делай на совесть. Выполнил работу, попил, поел, да и на печь».

Если посмотреть на дядю со стороны, можно назвать его колокольным дворянином или помещиком.

Поселение Раменье

Поповка — поселение церковников — служителей культа — состояло из трех домов-квартир и школы — двухэтажного здания, построенного земством. В летнее время это был тихий уголок — «не слышно шуму городского». В недавнем прошлом на этом месте стоял лес, где скрывались уголовники во главе с атаманом воином Аникой. В пяти километрах от Раменья проходила большая дорога — тракт Вологда - Кириллов: торговый путь купцов по перевозке товаров. Около поселка Раменье редко кто проезжал.

Досуг

Дядя все свое свободное время (а его было больше, чем достаточно) посвящал чтению книг, газет, журналов. Был в курсе событий жизни общества, интересовался политической настроенностью города и деревни. Выписывал газету «Биржевые ведомости». Изучал народную медицину. Читал серьезную медицинскую литературу, имел медицинскую аптечку. Использовал ее для оказания первой помощи больному, так как заболевший человек обращался в первую очередь к попу. Так было.

Война 1914–1917 годов

В империалистическую войну солдаты шли на фронт с лозунгом «За веру, царя и Отечество»! Для поддержания патриотического долга и религиозного чувства, для умиротворения волнуемых «сердец солдат» в каждом полку был поп.

Церковные владыки выделяли и благословляли видных священников, по-возможности, вдовствующих, бессемейных. Таким оказался дядя Коля. Мотивов для отказа у него не было.

Во время пребывания на фронте дядя вращался среди солдат, а жил на правах офицера в отдельной палатке с денщиком. Видел жизнь офицерского состава и солдат. Офицерский состав не был религиозен, формально выполнял религиозные обряды и обычаи. Среди офицеров много вольнодумцев. Офицеры считали попа миротворцем, временным укротителем волнуемых солдат. Солдаты присягали на верность царю, Отечеству и вере православной в присутствии служителя культа — попа, целуя крест и Евангелие, лежащее на аналое.

Поп с христианской моралью был барьером в истинном понимании военной обстановки и событий времени. Христианская мораль затуманивала сознание солдата, и он храбро сражался за веру, царя и Отечество.

Время шло. Среди солдат чаще стали слышаться разговоры о том, какому Богу молятся немцы, какую веру исповедуют? —

«Бог, которому молятся немцы тот же самый, как и наш? Кому Бог будет помогать? Всё... Дальше некуда ехать».

Безусловно, среди солдат были люди грамотные и с ясным пониманием причины войн, их бесполезности и бесцельности. Кому нужны войны? Кто, главным образом, погибает на войне? Трудно и невозможно стало поддерживать патриотический дух солдата. Служители культа, духовные лица, духовная религиозная настройка потеряли авторитет. В начале 1917 года большинство попов выехали из воинских частей. Вернулся и дядя Коля в свое родное гнездо.

Впечатления от войны 1914–1917 годов

Россия к войне с Германией была неподготовлена. Техническая оснащенность немецкой армии — на более высокой степени. Одно патриотического духа наших солдат недостаточно для одержания победы. Не было взаимного понимания между солдатом и офицером. Солдата рассматривали как пушечное мясо. Для народных масс не ясна была цель войны. Попы в воинских частях оказались ненужными. Они иногда слышали разговорчики: «В христианском законе сказано «не убий», а вы благословляете идти в атаку, в рукопашный бой». — «Не могли мы удержать патриотического духа. Мы были не нужны».

1917–1925. Отношение дяди к церковным группировкам

После революции среди руководства и церковных вожakov появились различные направления в понимании религиозных вопросов — группы: «Живая церковь», «обновленцы», «староцерковники», «тихоновцы» и др. Ни к каким религиозным группировкам дядя не примкнул. Он внутренне, интуитивно заметил фальшивость в их предлагаемых изменениях церковных служб. Он рассуждал, что понять религиозную настроенность одним разумом невозможно. Надо изменить форму церковных отношений: пусть люди подумают, а потом и сделают. Все быстрые заскоки ни к чему добро-

му не приведут. Необходимо помнить русскую мудрость: «Тяп да ляп — не получится корабль». И решил: буду доживать свой век по старым, дедовым духовным установкам.

1917–1929. Хозяйство — источник материального достатка

Местное население уважало дядю как серьезного авторитетного человека, приносящего общественную пользу своим советом. Он хорошо определял способности и подмечал наклонности к профессии известного человека, а затем помогал получить знания по выбранной специальности. Люди шли к нему на совет, как к мудрому наставнику. Представители местной советской власти были его учениками, помнили его заветы. Во время революции при земельной реформе местные власти оставили дяде в трудовое пользование 5 га земли. Этой земли было достаточно, чтобы прокормить лошадь, корову и 2–3 овцы. Такое хозяйство и оформил дядя. Тети Симы не было в живых. Домработницей была старая дева Лидия — юркая проворная женщина с некоторой хитрецей, бережливая до скупости, свойственной женщинам пожилого возраста. Она обменивала сельскохозяйственные продукты на промышленные товары. Таким образом приобретала чай, сахар, соль, мыло, табак, папиросы, махорку, спички, вино, консервы.

Лидия присосалась к хозяйству и чувствовала себя на правах хозяйки, так как все работы выполняла одна и товарообмен производила по своей инициативе. Индивидуализм, эгоизм, жадность стали отличительными чертами ее характера. Потеряла она чувство сострадания к людям города. Она перестала понимать, что город голодает, что в доме тети Катерины (на Лассалья) всё променяли на продукты питания и сидят полуголодные. Редко заходила она к ним. Лидия — экономка в доме дяди — была опытный экономист. В чуланчике у нее все было, но ларек открывался не для каждого. Гостей (посетителей) она различала и знала, кого чем надо угостить, кто чего заслуживает.

Разговор дяди с молодым поколением

Пришли новые времена, будет и новая жизнь, которая работает новые формы общежития. Вместо христианской морали появится новый моральный закон. Определятся права и обязанности человека. Религия будет частным делом. В этом сущность свободы совести. Христианская идеология не мешает человеку строить жизнь на новых социальных основах. Но как эта «свобода вероисповедания» будет выглядеть, покажет время. У партии есть лозунг: «Религия — опиум для народа». Не могут существовать на равных правах две идеологии при нашем государственном строе. Вы видите, что иных политических партий не может быть, кроме одной ВКП(б), а тем более идеологий. Диспуты на религиозные темы запрещены. Это значит, что новое общество построено на атеистических началах. Весь фундамент жизни будет крепиться на данных науки. Служители культа — попы — не нужны. Попов считают «шаманами», мракобесами, врагами прогресса, тормозами в проведении культурной революции. «Если враг не сдается, то его уничтожают». При этой мысли немного жутко. На молодых поповичей тоже косо смотрят. Будьте мужественны. Покажите, что вы можете работать и имеете право на жизнь. А пока «кипит котел», спасайся, кто может.

1927. Последние слова дяди Коли к молодому поколению

— Дорогие друзья! Наше племя, молодая смена, новое поколение! Перед вами — новые горизонты, светлые идеи. Сумейте осуществить в жизни мечты человечества о счастливых временах. Но не клеймите печатью презрения своих отцов, дедов и прадедов. Они прожили свой век великими тружениками. Видели они страдание народа, слышали плач и воздыхания обездоленных людей. Они знали причины народной нужды и бедствий, а помочь могли только словом утешения. Самое тяжелое переживание для человека — это бессилие помочь страждущему. Хорошо охарактеризовали жизнь попов в своих произведениях Некрасов, Лесков, Помя-

ловский, Илари Шадрин. О попах — всё. Времена колокольных дворян закончились. Попы в свое время были самыми грамотными людьми в деревне, а теперь они не нужны. XV съезд партии указал пути развития народного хозяйства. Расчистил дорогу к новой общественной формации. Дал санкцию новому революционному наступлению на идеологическом фронте.

Мне он сказал так: «Шура, устраивайся на работу куда угодно — безразлично. Поезжай отсюда и, по-возможности, дальше. Надвигается ураган, смерч. Скоро всё смешается во едино месиво. Всё будет сметено могучим ураганом».

1929. Последняя встреча с дядей Николаем

На похоронах папы была наша последняя встреча. Родственно, сочувственно отнесся он к нашей утрате. Мы понимали эту неизбежность в жизни. Его интересовал вопрос жизни живых людей. Как устроился? Как встретили? Какие настроения у людей в Ротковце? Есть ли у них действующая церковь? Как население относится к школе?

Виделись с ним два часа. Ночью он уехал домой.

Летом дядя почувствовал боль в области живота, а осенью умер на руках у дяди Кости. Никаких репрессий со стороны советской власти к дяде Коле не было. Был он уважаемым человеком до смерти. Знал он законы церковные и гражданские. Знал свои права и обязанности. Спокойно закончил свой жизненный путь.

Воспоминания о дяде Коле его племянника Михаила Николаевича Баженова

Дядя Коля — самый старший из моих дядей с маминой стороны. Дом у дяди Коли был деревянный, одноэтажный, с вместительным двором под одной крышей с домом. Приход у него небогатый, и дядя жил в основном на доход, получаемый от сельского хозяйства. Держал он несколько коров, хорошую выездную лошадь, она же и рабочая. Надобно отметить, что дядя Коля был конесер, то

есть большой знаток лошадей, и любил, особенно зимой, быструю езду на лошади.

Однажды он состязался в быстроте с пассажирским поездом. Было это зимой. Дядя ехал на санках в Вологду к дяде Саше, куда он частенько навещался, чтобы встряхнуться от своей одиночной жизни и попутно закупить продуктов на неделю. Санная дорога шла рядом с железнодорожной колеёй на протяжении нескольких километров. И вот дяде Коле пришла в голову мысль испытать резвость своего Карька в скорости бега, а главное — машинист поезда подзадорил: «Догони, поп!» И вот дядя Коля проявил искусство наездничества и обогнал поезд на третьей версте. Когда он рассказывал у дяди Саши за чаем об этом происшествии, все были в восторге и изумлении. Надо сказать, что дядя Коля и в верховой езде никому не уступал. Когда он был в армии полковым священником (1915–1916 гг.), тоже разъезживал верхом. Он был жизнерадостен, шутлив, любил детей. С нами, племянниками, играл часто. Поднимал малышей на бороде и на мизинце руки. Любил сделать приятное нам. Угощал лакомствами. Был спокоен в общении с окружающими, не проявлял гнева и раздражения, не ругался скверными словами. Взгляд его был лукавым, с хитрецей, с прищуром. Роста он был выше среднего, сухощав, но с крепкими сильными мускулами. Разбивал ударами пальцев грецкие орехи и раскалывал пальцами сахар. Походка у него была стремительная и прямая. Высоко держал голову, не горбился. Любил физический труд. Не избегал и тяжелой работы. Сам пахал плугом землю, косил, молотил.

Овдовел очень рано и любовь к детям перенес на нас, племянников. В Раменье было много игрушек, но он не позволял их растаскивать и увозить с собой по домам. Когда мы, племянники, приезжали гостить в Раменье, то игрушки всегда были на месте.

Дом состоял из трех комнат: кухня (она же прихожая), средняя комната — маленькая, но самая теплая, и зал, или гостиная. В зале — портрет дяди Коли, очень схожий с оригиналом: с таким же прищуренным глазом и черной (вернее, русой) бородой. С по-

толка над столом спускалась керосиновая лампа под матовым абажуром. Стены не оклеены обоями, как и в других комнатах.

У него жила домработница, она же — кухарка и экономка, а в летнее время и полевая работница — Лидия Алексеевна.

Итак, что же мне вспоминается о хозяйстве, жизни и особенностях характера дяди Коли?

Дом в Раменском был большой, вместительный. Там стояла вся скотина: коровы, овцы, лошадь, и даже нашлось место для повозок. К повети пристроен въезд для подвозки сена и овсяной соломы. Кроме помещения для корма, на повети находились три проходных чулана: первый — мучной для продуктов, второй — для одежды, а третий — в виде горенки. Там стояли две кровати для спанья в летнее время. Там же находилась груда книг из приложений к журналам «Родина» и «Нива». Дядя любил читать беллетристику.

Летом у него не было достаточно времени для чтения, так как кроме полевого хозяйства он огородничал: выращивал помидоры, огурцы, лук и прочее. Поливка овощей — нелегкое дело, хотя пруд был недалеко от грядок. Ежедневно, утром и вечером, дядя выливал по 50 ведер воды на огурцы, помидоры, клубнику и прочие гряды. Немало огурцов засаливали для себя, и много Лидия сбывала на рынке в Вологде. Кроме овощей отправляли на рынок и продукты животноводства: молоко, творог, сметану. У него был свой сепаратор.

Дядя Коля занимался лечением прихожан, главным образом оказанием первой помощи. В домашней аптечке у него были бинты, йод, вата, хинин, аспирин и прочее. Однажды, я помню, привезли к дяде на дом истекающего кровью, изрезанного парня, и дядя, отложив все свои дела, умело выполнил обязанности медика.

Дядя Коля любил выпить, но пьяным я его не видел. Курил много, как дядя Саша и дядя Боря.

Был ли он религиозен, не знаю, едва ли. Это впечатление напрашивается по сравнению его с другими священниками. Дядя Коля исполнял церковную службу стремительно, поспешно, «по-

полковому», как он выражался. Крестная тетя Люша, как ни спешила утром закончить печение воскресных пирогов до обедни, часто возвращалась из храма обратно, так как служба уже заканчивалась. Диакона и псаломщика в приходе не было. Обязанности псаломщика выполняли добровольцы из прихожан.

Дядя Коля всегда был в хорошем настроении. Никогда не впадал в уныние. Любил пошутить, рассказать анекдоты. Его любимая поговорка — «Всякое дыхание любит подаяние».

Когда разразилась Первая мировая война с кайзером, три брата Турундаевских Николай, Афинодор и Афанасий, как три витязя Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович, ушли добровольцами на фронт в действующую армию в качестве полковых священников, оставив свои насиженные места. У дяди Коли и дяди Дори не было семей.

В последние годы жизни здоровье дяди Коли сдало. Он не имел ни одного зуба во рту. Пищу употреблял жидкую (овсянку). От капусты, соленых огурцов и грибов, которые раньше любил, отказался. Выпивать стал больше и часто впадал в дремотное состояние и бредил. В последние дни жизни тетя Люша покупала ему и виноград, и дорогие папиросы, но он уже не дотрагивался до них. Перестал курить и выпивать. А перед смертью попросил рюмку водки. Умер он в своем Раменье, в кругу родных, в сане митрофорного протоиерея. Отпевание прошло соборно и пышно. Много было протоиереев и священников. Слезы я заметил у крестной, тети Тони и Лидии. Во время поминального обеда была краткая лития, и печальная «Вечная память» прозвучала сильно и торжественно.

Дядя Коля мужественно и правдиво прожил свою жизнь. Его не сломали житейские бури. Он был тверд и крепок духом и телом. Не был корыстолюбив и завистлив, не имел почестей и богатства. Светлая память о нем пусть сохранится у потомков. Умер дядя Коля в 1929 году.

Александр Васильевич Турундаевский

Дядя Саша — второй сын деда Василия — был мужественным серьезным мужчиной с темными очками на глазах, физически крепким, с твердым волевым характером. При чтении газет, журналов и книг надевал пенсне в золотой оправе. Читать любил лежа.

В семье деда дядя Саша не отличался религиозной настроенностью. Кончать в семинарии богословские классы не захотел. У него не было склонности быть «Божией дудкой» (попом). Сыновья деда Василия были служителями культа, а он пошел на гражданскую службу — чиновником в акцизное управление.

В церковь ходил редко. Примерно, один раз в год, к Пасхальной заутрене. По традиции принимал попов-христовлаво в Рождество, Крещение и Пасху. Воспитание детей в семье дяди Саши было безрелигиозным, с лозунгом: «Бог-то Бог, а и сам не будь плох». Если в семье деда Василия настольной книгой было Евангелие и жизненными лозунгами — заповеди блаженства, то в семье дяди Саши объясняющей жизнь была книга «Вселенная и человечество» (изд. 1911 года), в которой с научной точки зрения рассматриваются теории и гипотезы о происхождении вселенной и развитии жизни в растительном и животном мире. Для семьи дяди были созданы все необходимые жизненные условия. Таким я запомнил дядю к 1917 году.

Жизненный реализм дяди Саши

— В живом царстве природы человек — единственное существо, которое обладает способностью мышления, свойством разобраться в факторах обстановки, изменять жизнь, покорять природу, наслаждаться природой. «Человек — кузнец своего счастья», — говорит русская пословица. Труд сделал человека человеком. Манна небесная не сыплется. Ничего не получается без труда как основы жизни. В работе человек развивается, приобретает ценные качества. Нельзя ждать милости от кого-либо. Благополучие и счастье завоевываются в упорной борьбе. В борьбе обрета-

ешь ты право свое. Счастлив только тот человек, который умеет и способен разумно трудиться. Такому человеку и без сахара хлеб будет сладким казаться. Лень — мать всех пороков...

На формирование взглядов дяди Саши повлияла художественная литература, в частности, произведения Максима Горького. Дядя Саша стремился понять жизнь народа, создающего материальные ценности, жизнь труженика-крестьянина, рабочего-пролетария и служащего-чиновника. Крестьянская масса с феодальными взглядами — безграмотные, необразованные, мелкие производители сельскохозяйственных культур. Крестьянин по душе — добрый человек, но индивидуалист с мелкими и мелко-собственническими интересами. В периоды тяжелого положения с продуктами питания зажиточная прослойка из крестьян обдирает голодного пролетария, за хлеба кусок выменивая ценные вещи. Главным идеологом крестьянства был служитель культа — поп. Древняя поговорка говорит так: «Каков поп, таков и приход». Семья крестьянская жила по «Домострою». В основе ее хозяйства — частная собственность. Так было до 1917 года.

Рабочие, пролетарии — люди, не имеющие собственных орудий на производстве, собственного производства, продают свою энергию предпринимателю и за это получают зарплату. Благополучие пролетария зависит от наличия работы, от личных способностей, от хозяина, владельца средств производства, а также от рынка, снабжающего продуктами питания. Пролетарии — организованный народ. Из среды рабочих, бывает, появляются люди, не приспособленные к жизненной борьбе, — пройдохи и пьяницы. О жизни и быте рабочих много писал Максим Горький. Служащие — чиновники — это чаще всего чернильные души. Это люди кропотливого труда, просиживающие всю жизнь на одном стуле, в одном кресле какого-либо департамента. Из среды служащих выходит много людей, интересующихся искусством: музыкой, пением, рисованием, а также литературой. Возьмем, к примеру, Ковалева Александра Сергеевича. Всю жизнь просидел в регистратуре почтового управления, а свободное время отдавал игре на

скрипке. Каплин Клавдий Митрофанович — учитель. После школы писал картины. Иларий Шадрин после службы занимался литературным трудом.

Так дядя Саша рассказывал нам о людях, о профессиях, о трудовой жизни. Свой взгляд на служителей культа дядя не высказал перед молодым поколением. На духовную семинарию смотрел как на учебное заведение, требующее пересмотра программ.

Семинаристов называл «кутейниками». Кутейник — от слова «кутья»: каша рисовая с изюмом или пшеничная, залитая медовым раствором. Кутью варили для поминания покойников. Это прозвище имеет глубокий смысл. Семинаристы — люди, готовящиеся держать народные массы в повиновении начальству. Так и сказано в писании: «Повинуйтесь наставникам вашим и покоряйтесь: тии бо заботятся о душах ваших». Семинаристы, будущие служители церкви, обучались владеть умами людей.

Взгляд дяди Саши на современность, на необходимость образования

Нужда и беднота в знаниях душит народ. Быт и облик деревни начинают изменяться. Домов с окнами из бычьих пузырей становится меньше. Кое-где появляются бани. Деревянные оси у телег заменяются железными. В избах кладут печи с трубами. Нарастает потребность в грамоте. Кругозор у людей расширяется. Человеку хочется жить лучше. Пословица говорит: «За ученого двух неученых дают, да и то не берут». Появляется тяга к учебе. У нас много учебных заведений, но, чтобы учиться, нужны деньги: на обучение, на приобретение формы одежды и обуви, на книги, тетради и прочее. Дядя Саша уважал реальные училища, где давались знания нужные людям в повседневной жизненной практике. Он считал хорошими учебными заведениями гимназии (для детей из семей более знатных), городские училища, торговые школы, коммерческие школы, медицинские — фельдшерские, акушерские (для детей из семей со средним заработком). Желал, чтобы были школы ремесленные и профессионально-технические (для детей

из семей с низким заработком). Знакомым людям дядя советовал давать образование, посылать карману, готовить детей к какой-либо профессии, чтобы направить на самостоятельную жизнь со специальностью.

Встреча четырех братьев: дяди Доря, Коля, Саша и Анатолия

В Первую империалистическую войну наши дяди — Коля, Доря и Фоня — были в действующей армии служителями культа — полковыми священниками. Получали довольствие на правах офицерского состава. Жили в отдельных палатках с денщиком. С ними двигалось церковное культовое имущество. Службу справляли под открытым небом.

Дядя Доря:

— Я в Армии, как Божья дудка. Служу обедни по праздникам, и больше от меня никакого дела нет. Проповедями сроду не занимался. Считаю, что они во фронтовой обстановке не нужны. Наша задача — поддержать настроение солдат верой. А как поддержать? Мудрено. Вообще-то у меня не было таланта оратора. Зубов во рту нет. Правда, вставили мне протезы, да они не держатся. Я ношу их в кармане. Так вот я и решил: лучше ничего не говорить. Отслужил — да и на бок. У солдат много вопросов, на которые если ответить, то на душе будет тоскливо. Умный солдат не спросит. Помолчит. А простачок будет мытарить тебя: «Какому Богу молится немец?» «Какую веру исповедует?» «Кому Бог поможет, если обе стороны просят победы?» Острые на слово молодцы сразу могут осадить. Так подклинят, что лучше молчать, не связываться с разговорами. Офицеры — люди, в лучшем случае, безрелигиозные. Редко они посещали церковные службы. Мы — попы — нужны царю-батюшке как укротители волнующихся масс. Господь, прости мои сомнения, мои согрешения!

Дядя Коля:

— На нас — служителей культа — возложена задача поднимать настроение солдат. Не давать им задумываться и впадать

в уныние, поддерживать надежду на лучший исход войны. Но это не Бородинский бой... Временами мы бываем главными. А что получается? Вот пример. Братан Афанасий поднял в атаку подразделение. Немцы опешили, увидев кресты и иконы перед собой. Не стали вступать в драку. Отступили. А затем окружили и в плен забрали. Люди ждут чуда, а сами в чудо не верят. Но надо понимать, что на одном желании не получишь победы. Теперь рукопашная схватка не решает успеха боя.

Анатолий:

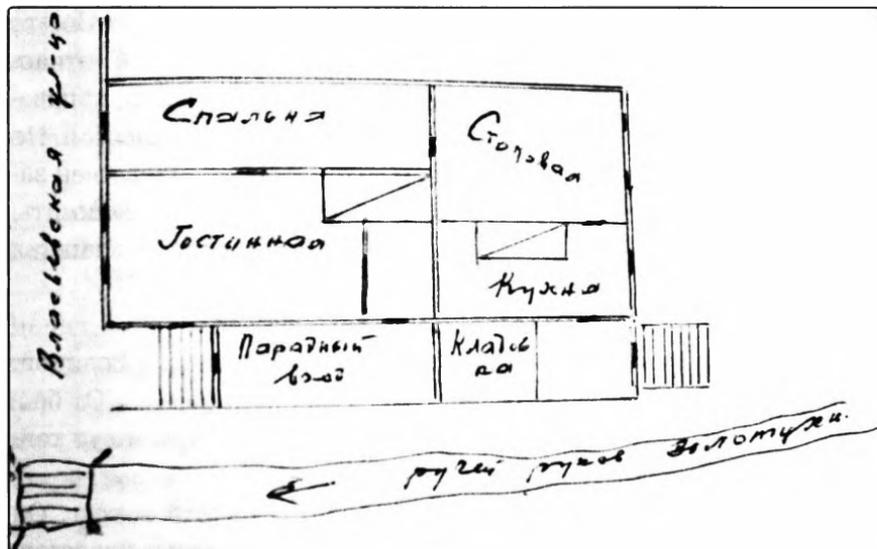
— Люди тыла честно выполняют свой долг перед Родиной. Они отдают все свои силы для фронта... Они выдыхаются. От бесилия начинает появляться уныние, упаднический дух. Ждут конца войны. Сельское хозяйство приходит в упадок.

Дядя Саша лежал на кровати, а братья сидели вокруг. Он слушал рассказы из военного быта и по своему тыловому представлению определил:

— Вы, бати, не особо нужны на войне. Фронту нужны техника, снаряды и толковые полководцы. Время штыковых атак ушло. Теперь техника и стратегия определяют исход боя. Вы — Божьи дудки — там лишние. Это вы сами видите. От вас ваши командиры ждут, чтобы вы привезли из тыла в своих чемоданчиках «зеленого змия» для упокоения души. Так ведь?!

Из разговоров с дядей Сашей

— Коммерсанты, купцы крупные и мелкие, — это особая группа дельцов. У них свой круг интересов: сделать оборот, нажать денежку. Каждый имеет свою зону влияния. Каждый старается держать выше свой авторитет, марку. Так, лучший колбасник был Мазалев. Лучшее пиво — Первушинское. Лучшее масло — Масленникова. Лучший кондитер — Смирнов. Лучшая аптека — Подзерского. Лучший торговый дом (мануфактура, готовые изделия, пальто, платье и прочее) — Свешникова. Цены на товары в магазинах этих дельцов были без запроса — твердые. Приказчики умели показать товар покупателю, знали, кому и что нужно предложить. Не

План дома дяди Саши на Власьевской. Рис. А.А. Турундаевского

отпустят покупателя из магазина без покупок. Языки у них были подвязанные — умели расхвалить товар. До революции сферы влияния были распределены между предпринимателями, и, безусловно, видную роль играла конкуренция. В центре Вологды недалеко от кафедрального собора был базар, где мелкие предприниматели перепродавали разные товары. А рядом «толкучка», где можно ненужные вещи продать или что-либо купить по сходной цене.

Воспоминания о дяде Саше

В 1904 году во время поездки мамы в Санкт-Петербург я жил в семье дяди Саши и тети Тони. Они ласково меня приняли и создали условия, при которых не чувствовалась оторванность от семьи. В семье дяди Саши и тети Тони росла дочь Ирина (1904 г.р.) и жила няня Анна Димитревна. У няни была поговорка: «Я думала». Однажды дядюшка купил кусок мяса и задумал по просьбе няни разрубить его на части. Няня держала, а дядя рубил. Вздумалось няне указать, по какому месту надо рубить. Указала — и по-

пало топором по пальцу, и часть пальца была отрублена. Няня и говорит: «Я думала, что топор в это место не попадет». Дядюшка рассерчал: «А я тебе давно говорил и говорю: надо покончить думать, надо соображать и делать!»

Замуж тетя Тоня вышла молодой. Разница с мужем в годах была большая, но жили дружно. Дядя работал на винном заводе — на «монопольке» (так звали предприятие). Выпивал, но никогда не безобразничал. Детей любил, и мы с двоюродной сестрой Лелей часто встречали его с работы. Он посадит нас на руки и несет домой. Что-то разговаривает и шутит. Ходил в черных очках. Помню дядю хорошо. Он оставил о себе светлые воспоминания. Обращаясь ко мне, часто говорил: «Мишенька-медведь научил меня..., и далее, смеясь, заканчивал — плясать»!

Воспоминания о раннем детстве

В праздники ходили гулять с тетей Тоней и Лелей. Мы — малыши — обычно шли впереди, а сзади — тетя Тоня. Однажды были у бабушки... Его звали «дюдя». Сергей Александрович Ковалев. Его семья — дочери Валентина, Варвара и сын Александр. Александр Сергеевич был тогда гимназистом, малоразговорчивым подростком среднего роста. Играл на скрипке. Носил пенсне. С нами, малышами, не общался, не занимался и не играл. Держал себя высоко и удалялся в отдельную комнату. Жил своим внутренним миром. По окончании гимназии Александр Сергеевич поступил работать в почтово-телеграфную контору. Именовался чиновником и всю жизнь сидел на регистратуре исходящих и входящих бумаг, заведовал столом, имел помощников для подшивки, сортировки бумаг, оформлял отправку и исполнение входящих бумаг с ювелирной точностью. Свободное время Александр Сергеевич отдавал музыке. Играл в ансамблях скрипачей в театре. В кинематографе сопровождал картины под аккомпанемент пианино, принимал участие в симфонических оркестрах. Он пребывал в мире звуков и делами общества почти не интересовался. Всю жизнь прожил

холостяком. Перед выходом на пенсию женился. Детей не было. Потомства не оставил.

Варвара Сергеевна (тетя Варя) окончила гимназию, приобрела специальность машинистки и работала в канцеляриях различных учреждений. Жизнь ее прошла одиноко. В пожилых годах вышла замуж. Детей не имела.

Валентина Сергеевна (тетя Валя) с рождения была глухо-немой. До смерти отца жила с ним. А потом стала жить с тетей Тоней. Разговаривать с ней с помощью мимики и жестикуляции могла только тетя Тоня.

Антонина Сергеевна (жена дяди Саши, моя тетя Тоня) — женщина небольшого роста, худощавая, очень подвижная, с веселым характером, приветливая и внимательная к людям, сердобольная, добрая. При отъезде мамы в Петербург заменяла мне мать, заботилась обо мне, отвлекала от грустных дум.

Квартира дяди Саши была на винном складе — в каменном, кирпичном двухэтажном доме. Вверху квартировал заведующий складом и заводом Кукушкин, а внизу — дядя Саша, помощник заведующего. Квартиры у них — четырехкомнатные, с кухней и водопроводом. Дома-квартиры служащих были на территории завода, обнесенного кругом деревянным забором. Во двор вела проходная, в которой стояли вахтеры. Вход — по специальным пропускам.

Беляев Александр Александрович

Дядя Саша — брат мамы — был высокого роста, крепкого атлетического сложения, близорукий. Носил очки. Имел звучный, сочный голос широкого диапазона — бас с октавой. Любил низкие тона, музыку. Играл на фисгармонии. Он окончил Вологодскую духовную семинарию. Мечтал пойти по дороге брата Ивана. У него была возможность поступить в консерваторию или в певческую капеллу. Имел все данные для этого: и голос, и музыкальный слух, и музыкальную память. Но жизненная обстановка подсказывала нечто другое, менее романтическое.

Годы у деда подходили к 60-ти. Справляться со службой стало трудно, и он посоветовал сыну, моему дяде, поступить в церковные служители, пойти дорогой своих предков и принять от него Спасо-Преображенский приход. Это было в 1900-х годах. Подругой жизни дяди Саши была Екатерина из рода Марковых.

Взгляд на религию

В Шухтовской семье дяди Александра детям давалось религиозное трудовое воспитание без фанатизма. Указывалось и считалось, что в основе жизни человека — труд. Бог сказал Адаму: «В поте лица снеси хлеб свой». Все семейники трудились от мала до велика. Всякое дело начинали со слов «Господи, благослови!»

Подготовка к жизни

Перед созданием семьи, вступлением в брак дядя Саша исследовал, проверил себя на здоровье. Из семинарского курса серьезные семинаристы усвоили элементы санитарии и гигиены⁴. Многие занимались самокалыванием, гимнастическими упражнениями, укрепляющими организм. Дядя Саша был серьезным

Александр и Екатерина Беляевы.

Фото нач. XX в.

Архив А.А. Турундаевского

⁴ В Вологодской духовной семинарии преподавали Священное Писание, догматическое и нравственное богословие, обличительное богословие, историю раскола и сект, Библейскую историю, общую церковную историю и историю русской православной церкви, гомилетику, литургику, практическое руководство для пастырей церкви, краткую историю философии, психологию, логику, педагогику с дидактикой, теорию русской словесности, историю литературы, всеобщую, русскую и гражданскую историю, физику и математику, латинский, греческий, немецкий и французский языки, церковное пение, гимнастику. См.: Памятная книжка Вологодской губернии на 1896-1897 годы. Вологда, 1898. Ч. 1. С. 18.

человеком. Когда задумал жениться, решил проверить свое здоровье. Врачи установили, что у него нет никаких дефектов.

Многие семинаристы не пошли дорогой своих предков. Одним из них был друг дяди Саши Михаил Левицкий. В книге «Бурса» Иларий Шадрин называет его Миша Кот. После семинарии Левицкий окончил университет по медицинскому факультету и до глубокой старости работал в Вологде врачом-терапевтом. Он в числе первых встал «на платформу советской власти», тогда как многие старые врачи царского времени задумывались, как принять новую власть. Он был особенно авторитетен среди людей преклонного возраста. Мог душевно беседовать, успокаивающе действовать на пациента. Умер врач Левицкий в 1965 году.

Психологическая настройка

Дядя Саша был умным человеком. Получив образование, он имел широкий кругозор и рассматривал жизнь с разных сторон. Он много времени уделял чтению книг, прессы. Выписывал журналы «Нива», «Природа» (с приложениями), «Церковные ведомости», «Воскресный день». Газеты «Колокол» и «Биржевые ведомости». Газеты и журналы давали ему информацию о жизни русского народа. Видел он бедность и нищету крестьян, ради которых жил, почти полное отсутствие грамотного населения. Школы не было. Для женщин грамотность считалась ненужной. Жизнь крестьянской общины была насыщена обрядовой религиозностью: «Без Бога — не до порога». В своем обращении к народу, в своих проповедях он заострял внимание на моральном законе, который освящался религией.

Прожил дядя Саша всю свою жизнь в Шухтовских дебрях. Изучил народ, быт, нравы и обычаи. Пронял душу русского простолюдина. По внешнему виду определял человека. А отсюда получались взаимопонимание и оценка — кто чего стоит. Каждого прихожанина знал по имени и отчеству, характеру, наклонностям и способностям... Он понимал, с кем и о чем можно поговорить.

Воспитание народных масс — прихорожан. Закон совести

В старом обществе поп был самым авторитетным и грамотным человеком в округе. «Неуча в попы не ставят». Он отвечал за судьбы своей паствы. В народе говорили: «Каков поп, таков и приход». На своем веку многое передумал дядя Саша. Народные массы — христолюбивое стадо — как овцы доверчивы. Идут за пастырем. Надо оправдывать их доверие, правильно направлять людей, удерживать от дурных поступков, разъяснять учение Христа. Дядя рано понял, что русский мужик — крестьянин — мало разбирается в христианской морали. Мужик был обрядововерен и требовал особого подхода к его совести.

С 1900-х годов наблюдался упадок веры среди мужского населения. В церковь ходить стали редко. Постоят в сторонке, покурят, обсудят хозяйственные дела — и домой. «Относить грехи попу», говеть, ходить на исповедь желания у мужиков было мало.

Как помочь простолюдину очистить совесть? Как жить по христианскому закону? Дядя Саша заменил церковные индивидуальные исповеди общими. Исповедь — искреннее признание человеческих слабостей, проступков против религиозных законов, определяемых нравственным законом жизни. Исповедь с большим коллективом верующих настраивала массу людей на нормальный режим жизни, воспитывала нравственность и успокаивала бушующие страсти души. После исповеди у верующего появлялось чувство самоочищения...

Дядя Саша вспоминал: «Для проведения общей исповеди требуется тщательная, продуманная подготовка священника. Он должен настроиться на ответственную роль душевного лекаря овец своего стада. Он должен быть убежден в своих суждениях, должен быть искренне верующим в правду христианской веры, должен знать моральный закон жизни, знать людей, которые пришли получить врачевание. Вера священника передается верующим, и они чистосердечно признают свои слабости, грехи с намерением не повторять их в грядущей своей жизни».

Думы дяди Саши

— Тяжела шапка Мономаха. Быть душеприказчиком народных масс — морально ответственная обязанность. Видишь жизнь и должен исправлять жизнь прихожан. Теперь не дедовы времена. К попу идут не только сдавать грехи, а за советом, за наставлением...

Это было в период империалистической войны 1914-1917 годов. Много задумывался над экономикой крестьян. Положительно оценивал роль Земской управы. Шухтовский приход состоял из нескольких деревень. Сельское хозяйство крестьян в культурном отношении крайне запущено. Система полеводства — трехполка, мелкополоска. Земли истощенные. Навозу на полях недостаточно. Орудия производства — соха, деревянная борона, молотило, топор, пила, лопата. Ни о каких машинах и помину не было. Скот — малопродуктивный: коровы и лошади мелкой породы. Хозяйство — натурального покроя. Производилось все необходимое для себя и своего хозяйства.

Тяжело жить человеку со здравым смыслом среди темного люда. Совесть грызет душу. Видишь невежество, дурь окружающих, болезни, знахарей, колдунов, запутывающих людей своими чарами. Невольно становится не по душе.

Дядя Саша добился от земства постройки типовой школы, которая была открыта перед войной 1914 года. Стали появляться свои маленькие грамотеи. С населением вел беседы о моральном законе жизни, вытекающем из основной идеи христианства.

Служители культа Шухтовского прихода не получали жалования от государства. Было в их распоряжении 80 десятин земли. Жили на мелкие доходы за требы и урожаем с земли.

Как хозяин-экономист

Сельское хозяйство, от которого получался доход, было малопродуктивно, а потребности стали возрастать. Дядя размышлял о том, что необходимо для повышения урожаев. Земли достаточно, а урожаи — низкие. Скота много, а молока мало. Подумал и сделал. Соху заменил плугом, деревянную сучковку — железной боро-

ной. Приобрел веялку, сортировку. Построил крытое гумно с деревянным полом. Производительность труда увеличилась, возросло качество продукции. Семена сменил на сортовые — овес «Шатиловский», «Золотой дождь», рожь «Кустовка». Ввел в хозяйстве многопольный севооборот с посевом травяных культур клевера, вики, тимофеевки, гороха, моркови, турнепса (это была новинка). Вид полей изменился. Урожаи стали выше, и земля начала выращивать разные культуры при той же площади. Урожайность и доходность увеличились в пять раз. Появилась возможность расширить хозяйство для получения товарной продукции. Разводил телят и овец для продажи. Нужны были и деньги.

О. Александр Беляев.
Фото середины XX в.
Архив А.А. Турундаевского

При встрече с прихожанами проходили беседы по обмену опытом в сельском хозяйстве для повышения его продуктивности.

Как огородник и садовник

Во времена дяди Александра мало внимания уделяли огородным культурам. Выращивали капусту, брюкву, редьку и лук. Картошка была не в моде.

Дядя Саша решил по-другому. Он занялся огородничеством, как хозяин. Правда, надо сказать, он сам не занимался посадкой, поливкой и уходом за огородом. Это было делом семейников. Он, как хозяин, инструктировал работников и решал организационные вопросы. Площадь под огородные культуры была выделена до 0,5 десятины. Построены парники с рамами для огурцов и поми-

дорной рассады. На грядках появились морковь, свекла, капуста. Росли брюква, лук, редиска, редька, огурцы, укроп. Большой участок засаживали картофелем. Не забывали чеснок и петрушку.

Полученные урожаи использовались в своем хозяйстве: сушились, солились, консервировались разными способами, заготавливались впрок на целый год. Огородные семена культивировались. Долго привыкали к помидорам. Они с виду привлекательны, но сначала их не могли есть. Появлялась тошнота.

В Шухтове у дяди был сад. Росли яблони, но плоды их — горькие, кислые, невкусные. Дядя Саша из уездного питомника достал сортовых привитых саженцев «антоновки» и вишен. Яблоки и вишни привились и давали урожай. Площадь сада — до 10 соток.

Жизнь в Поповке

Шухтово — маленькое поселение, которое называлось «Поповка». Жили в нем поп и псаломщик. Об этом поселке можно сказать как о сказочном уголке своеобразных старосветских помещиков. «Не слышно шуму городского». Не было в поселке шумливых разговоров. Никто не ругался. На работу выходили каждый по своему желанию и усмотрению. Жизнь текла мирно и тихо. Все дни заняты были трудовыми делами. В хозяйстве дела хватало от утра и до поздней ноченьки.

Выселок Поповка отстоял от церкви на расстоянии одного километра. К службе в церковь служители ходили пешком. Не принято ездить на лошади. Хотя лошади у попа и псаломщика были справные, утренний променаж они делали пешком.

Псаломщик и его семья

Псаломщик — дяденька высокого роста, коренастый мужик с худенькой бородкой, плешивый, глаза с раскосом (один глаз — на Кавказ, а другой — на Арзамас). Грамотой его Господь не умудрил. Окончил он один класс духовного училища. Учеба не давалась, да и желания учиться не было. В бурсе ему натыкали бока, и вернулся он в свой медвежий угол. Был определен послушником в монас-

тырь и оттуда направлен псаломщиком в Шухтовской приход в помощь к своему отцу. Стали звать его Михайлом. И зажил Михаил с матушкой Верой добром и порядком. Было у них двое детей — сын и дочь. Сын Алексей удался в своего папашу по способностям, и не мог осилить даже букваря. Так и остался неграмотным. Стал заниматься хозяйством, ходил на охоту, знакомился с деревенскими ребятами, присматривал себе невесту так, чтобы уйти в приемыши. Он понимал, что по смерти отца останется бобылем. Приедет другой псаломщик, и земля отойдет к нему. Дочь — Александра Михайловна — другого уклада. Она имела хорошие способности. Получила образование, окончив епархиальное училище, и работала учительницей.

Так по старинке шла жизнь в Поповке до 1917 года. Хлеб есть свой, а немножко деньжонок на чай да сахар ему хватало. Потребности были маленькими. Годы у дяди Миши стали уже порядочные, и он рассуждал: «Буду жить по старинке. На мой век хватит добра, а дальше пусть думает тот, кому Бог дал ума побольше, чем мне». Он не расстался ни с сохой, ни с сучковой бороной и довольствовался своим бытием. Вся надежда у него — на Бога да на добрых христиан. Такие люди были «последними из могикан».

Хождение по мукам. 1917–1930

Революцию, свержение царизма дядя Саша встретил спокойно. Он ожидал политических событий. Свистопляска у престола царя, растерянность руководящего аппарата, неудачи на фронтах, экономические затруднения, свободные разговорчики — все показывало, что надвигается буря, и буря грянула.

Особых репрессий со стороны новой власти хозяйство дяди не имело до 1925 года. В Советах были свои прихожане. Земельный отдел оставил достаточную площадь земли из расчета на десять человек. Ну и жил дядя это время без больших трудностей. Налоги были посильными. Некоторое время хозяйство считалось культурным, и ему давали льготы.

Тетя Катя в эти годы работала счетоводом в организованной молочной артели и кооперативе. Тетя помогала новой общественной формации встать на ноги. Так было, пока готовились кадры. Неграмотность затормаживала развитие общественного хозяйствования. Народ был заинтересован в сбыте молока и в приобретении товаров. Организовалась новая форма хозяйствования — кооперативная.

Тетя Катя — Екатерина Протогеновна — физически крепкая мужественная женщина с волевым характером. Она любила трудиться — без дела не сидела. Любимыми ее занятиями были домашние дела на кухне, уход за скотом, птицей, а летом — работа в огороде или на поле. В хозяйственных вопросах тетя была главным заправилкой. Она умела толково поговорить с закупщиками, менухами, выгодно продать продукцию, а также сделать покупку. Мужики говорили: «Толковая женщина наша попадья! На хромой ее не объедешь — знает, почем гребешки. Воробья на мякине не проведешь».

Помощником и постоянным спутником ее в хозяйственных делах была ее мать Любовь Николаевна. Они вдвоем кропотливо крутились по хозяйству с утра до вечера. На раздумья оставалось мало времени.

Тетя Катя получила образование, окончив епархиальное училище. Свои знания (грамотность) использовала для себя. В период революции участвовала в организации потребкооперации и молочной артели. Там она была нужна как грамотный человек. В церковные дела не вмешивалась. Пусть владыки, архиереи, протопопы и попы занимаются делами церкви. Им больше дано знать. «Наше женское дело — помолиться и с Божьей помощью трудиться».

Вся жизнь тети была заключена в трудовых делах. В работе она находила уладу. Это отношение к труду она унаследовала от своей матери Любви Николаевны. Ее отец Протоген Марков (тесть дяди Саши) был человеком среднего роста с вьющимися волосами. Имел особую бороду в виде пяти скрученных витков (как сосиски висели на подбородке). Был он высокого ума. Окон-

чил семинарию по первому разряду. Прекрасно знал древние языки — греческий и латинский. Читал тексты без словарей. Знал на память много басен Эзопа. Любил декламировать на древних языках. Учиться в академии не захотел, а поступил попом в Лаптевскую церковь, где и дожил до смерти. Язык у него был, как жало змеи. Много анекдотичности случалось в его жизни. Светское и духовное начальство избегали его. Он говорил всегда аллегорически и с сарказмом высмеивал людей высокопоставленных. Так, однажды «всыпал» губернатору в присутствии архиерея: «Не страшны тебе громы небесные, а земные — ты держишь в руках».

О. Протоген Марков.

Фото нач. XX в.

Архив А.А. Турундаевского

Так, однажды «всыпал» губернатору в присутствии архиерея: «Не страшны тебе громы небесные, а земные — ты держишь в руках». Думали послать его в монастырь на исправление, да отдумали. Видят, что отец Протоген может своим языком любой монастырь на дыбы поставить. Так и оставили его жить на бедном Лаптевском приходе.

Протоген обладал лирическим голосом — тенором. В праздники любил петь русские народные песни. Знал много анекдотов. Был интересным собеседником. Умел жить с простым народом, разговаривать с крестьянами, не удалялся от масс, но имел специфику характера. К концу жизни он, просто говоря, юродствовал. У него появилась старческая психическая болезнь — «ревность». После тридцати лет супружеской жизни он свою жену, Любовь Николаевну, отправил к дочери и зятю. Жил одиноко. Из ума совсем не выжил, но чудил. Кошку, собаку и петуха держал на привязи. Посадил их на скудный паек, от которого они сдохли. Корову доил сам. В гости к зятю — дяде Саше — ходил вместе с коровой. Внешний вид отца Протогена не внушал уважения. Ходил он взлохмаченным, плохо причесанным. На шее зимой и летом — полотенце. Подпоясан кушаком. На ходу разговаривал — думал вслух.

Революционные события отец Протоген встретил спокойно: «Всему надлежит быти. Восстанет народ на народ и царство на царство».

Много читал отец Протоген. Он по литературе знаком был с революционными течениями, и политические события его не удивили.

После революции был случай. Заходит отец Протоген в Совет, крестится и говорит: «Нет ни Бога, ни царя! Дайте мне земельки». Наклонившись над столом председателя Совета, обмакнул свою бороду в чернильницу и перепортил на столе все написанные бумаги. Его никто не обижал в Лаптеве, не считали вредным человеком. Потребности у него были маленькие. Местные власти вступились за него. Налогов Протоген не платил. «Докажите, что я имею заработок! Укажите мне человека, у которого я попросил что-либо за мой труд!» Вечная память отцу Протогену. Мир его праху и покой душе!

В революцию было много раздумий в решениях вопросов идеологического порядка. Среди церковников появились разные течения, просто говоря, раскол. Староцерковники во главе с патриархом Тихоном отстаивали незыблемость церковных положений, обновленцы («живая церковь»), возглавляемые митрополитом Александром Введенским, ратовали за усиление религиозной пропаганды. Народ не понимал, что делается. Сektанты — баптисты и адвентисты — били набат: пришел конец свету, начинается светопреставление. Всякую ересь несли анархисты, приехавшие из городов, спасаясь от голода. Трепали языками, сбивали народ с рабочего настроения. Слово «антихрист» было модным, переходящим из уст в уста. Решали задачу числа «666» — имени зверя. Деревенский народ с удивлением слушал трескотню активных апостолов. В Угрюмове Хлебников с Библией в руках ратовал о белых и красных конях. В Отводном Бесов (друг Хлебникова) околпачивал народ приближением светопреставления.

Добрые люди шли к батюшке за советом, просили помочь разобраться, а жизнь двигалась своей дорогой. Партия утрамбовы-

вала фундамент и готовила кадры для новых наступательных боев. После XV съезда ВКП(б) повела массы деревни на путь коллективизации.

Шухтовский хор

Кадры псаломщиков чаще всего пополнялись послушниками из монастырей. «Божьи дудки» иногда выходили и толковые, если в монастыре были под руководством людей, знающих церковные мелодии, знакомых с нотной грамотой. Из таких был Трапезников Павел. Переманили его из села Кубенское от церкви Ильи Пророка. У Паши была большая семья — голопупников целое застолье. Думал Паша, что ему в захолустье будет сытнее. Приехал с целым табором. Начал работать. Набрал певчих в хор. Стал обучать. Кое-что получилось. Для Шухтово все было в диво. Раньше на клиросе стоял один дядя Миша в стихаре, а теперь — цело стадо девиц-модниц. Тянут на разные голоса. Правда, ходить-то они стали в храм к одной обедне, как артистки.

Чтобы петь, надо владеть голосом, надо учиться. Трудоемкая работа. Регент стал требовать дисциплины в посещении спевок, а девицы ему спели:

До-ре-ми-фа-соль-ля-си.
Паша — регент, не форси.
Я и то уж не форшу —
Штаны с заплатами ношу.

Пенье по нотам часто получалось кошачьим концертом на завалинке. Народу в церкви не прибавилось. Не привык простой люд услаждать слух витиеватыми мелодиями. И сказали: «В церковь мы ходим молиться, а не пискотню слушать».

Недолго был регент в Шухтове. Тяжел показался он прихожанам. Уехал со своим табором.

О. Протоген Марков (второй слева в среднем ряду), о. Николай Марков (второй справа в среднем ряду). Фото 1920-х гг. Архив А.А. Турундаевского

Николай Протогенович Марков – апостол обновления

Марков Николай Протогенович, брат тети Кати, унаследовал от отца феноменальную память, хорошие умственные способности, сообразительность, организаторские методы, быструю ориентировку в действиях, жизнерадостность и неиссякаемый запас энергии. Знал массу анекдотов. В обществе был вожаком, веселым собеседником. Окончил духовную семинарию. Особой религиозностью не отличался. В жизни прошел, как часто говорит народ, огонь, и воду, и медные трубы. Начал карьеру чиновником в Госбанке. В его натуре была заложена коммерческая жилка. Служба чиновником его не устраивала. Сиди день-деньской на стуле да три штаны. Перед тобой — бумага да счеты.

Видел он жизнь деревенского обывателя, крестьянина, помещика и своего шурина — «шухтовского помещика» дяди Саши (так называл его в шутку)... Все было не по душе.

Не было у него призвания становиться служителем культа, но в попы пошел. В рясе поехал искать счастья в Сибирь. Был в Барнауле, в Чите, Новониколаевске и в других местах. Перед революцией он говорил: «Устал. Пора отдохнуть. Деньжонок запас имею. Хватит».

Особенности отца Николая

Подвижный, ищущий дела, восприимчивый, энергичный, настойчивый в достижении поставленной цели, неунывающий при неудачах. Любил общество себе подобных. Был весельчаком, способным поднять настроение у своих собеседников.

О. Николай о церкви при новом социальном строе

— Новое время настало. Появились широкие горизонты. Люди из своих берлог вылезают, расползаются. Мало остается Шухтовых, Перебатиных, Лаптевых. Люди видят другую жизненную обстановку, не довольствуются тем, что оставили им старики-деды. Одна вера в Бога с непоколебимыми догматами не устраивает их. Процент людей, верующих в непогрешимость церковнослужителей, уменьшается. Я верую в Бога, но по-новому. Хочу, чтобы и мои «пасомые овцы» поняли это. Внешняя форма церковного служения должна изменяться.

Ответ дяди Саши отцу Николаю

— Николаша! Складно ты говоришь. Твои бы слова Богу в уши. Закон дает свободу? Хитрые слова! «Хочешь — верь в какого угодно Бога, молись, если не лень. Можешь никакого Бога не признавать, быть свободным от всех сверхъестественных сил. Кругом — материальная природа, и человек — венец мира». Красиво сказано. Человек — хозяин всего. Как ты понимаешь свободу? Как хочу, так и ворочу? Нет, ты будешь жить, как скажет марксистско-ленинская идеология. Не будет свободного места инакомыслящим. Пока старики живы, ты еще будешь кадить. Молодежь будет

жить по-другому. Вспомни историю 1905–1907 годов. Какие песни пели революционеры?

Не надо нам монахов,
Не надо нам попов.
Мы на небо залезем,
Разгоним всех богов.

А Ленин что говорил? «Религия — опиум народа». Жди добра от этих свобод! Нас поджимают. Диспуты на религиозные темы запрещены. Считают бесполезным трещать языками. Ведь две параллельных идеологии... Мы — попы — остаемся временными обитателями на земле. После нас будет другое понимание жизни. Древняя мудрость говорит: «Разделяй — и властвуй!» Наблюдаем в религиозном лагере староверов, раскольников-прогрессистов, староцерковников, обновленцев «живой церкви». Пока мы ратуем, толкуем, прогресс подводим, обновляемся, народ посмотрит на нас и уйдет, ничего не поняв. О чем попы спорят? Церковь отделена от школы. В школе воспитание антирелигиозное. Церкви не дают право на открытую пропаганду... Попы имеют право говорить только со своей церковной трибуны. Николаша! Ты идеализируешь обстановку и допускаешь некоторые вольности. Крылья для широкого размаха у церкви подрезаны. Атмосфера антирелигиозная. Это и есть то, что называют «царство антихриста».

Приходским общинам не прокормить священников. Возьми пример! В Шухтове церковники своим трудом добывают кусок хлеба. А приехавший регент Паша Трапезников чуть с голоду не сдох. Вот и все. Темна вода в облацех.

Недолго пришлось отцу Николаю доказывать справедливость обновленческих новшеств по церковным вопросам. Решения XV съезда партии быстро и активно стали реализовываться. При организации колхозов кулаки и «нетрудовые элементы», а в числе их были и церковники, выселены в малонаселенные места Архангельской области. Деревня освободилась от людей инакомыслящих и пошла по линии коллективизации. С помощью государства полу-

чила машинную технику, а государство стало получать централизованным путем продукты питания. Жизнь оформлялась по-новому. Хозяйство развертывалось по плану. Мужика научили жизнь понимать не по-нашему.

Павел Александрович Беляев

Мой дядя, мамин брат, был высокого роста, худощавый, атлетического телосложения, с высоким лбом, близорукий. Ходил в очках. Обладал хорошим голосом — бархатным басом. Окончил Вологодскую духовную семинарию. Пел в семинарском хоре. Любил петь. Играл на скрипке и фисгармонии. В семье был спокойным, уважительным к семейникам. Вина не пил. Много внимания уделял воспитанию первой своей дочери Александры. Мы ее звали Шурой Ельминской. Отец Павел хотел, чтобы дочь получила лучшее образование. Отдал ее учиться в первую Вологодскую гимназию, где воспитывали в светском духе. Посещал дворянские собрания в Вологде. Был знаком с высшим обществом. Умел держать себя с достоинством. Много читал. Ему нравилась постановка воспитания в гимназиях, где уделялось внимание физическому развитию, ловкости, привитию культурных привычек, умению держать себя в обществе. Идеализировал женщин, считая, что они не занимают в обществе должного места. Работой приходских школ на селе не был доволен, считая, что они мало дают народу. Отдавал предпочтение земским школам.

По окончании семинарии дядя Паша (так мы его звали) хотел бы продолжить учебу, но не было материальных средств. Он принял сан священника и был назначен батей в Ельминский приход.

Местность около Ельмы и Дягилева сплошь покрыта лесами, где расселились раскольники и староверы разных толков. Они не признавали никоновской реформы, не ходили в православную церковь. У них были свои часовни или избы, куда они собирались на моление. Детей они сами крестили. На исповедь приходили редко, а хоронить покойников должны были либо с попом, либо с урядником согласно государственному закону. Попа с рождественской

О. Александр и Елизавета Беляевы.

Фото конца XIX в.

Архив А.А. Турундаевского

или пасхальной «славой» принимали плохо. Часто выносили на улицу или на крыльцо гроши или хлеб и просили к ним не заходить. Доходы от прихода были скудными. Средства для жизни попы получали от государства и от своего приусадебного хозяйства. Держали корову. Сена накашивали около дома, огорода и в саду. В такой вот задрипаный уголок был направлен Павел Александрович Беляев с миссией миссионера для перевоспитания раскольников и староверов и приведения их в Православие.

Раскольники и староверы были враждебно настроены по отношению к иконовским реформам. Своих религиозных позиций не сдавали, не смотря ни на какие убеждения и оставались верными своим преданиям. К ним приезжали старшие начетчики-наставники, и тогда начинались дискуссионные разговоры. С одной стороны — православный священник с крестом и Евангелием, а с другой — фанатичный начетчик. Начетчики из раскольников были большими краснобоями, но не имели глубины мыслей для доказательства своих суждений и в дискуссиях бывали побеждены. Народ по традиции оставался при старых взглядах и убеждениях. К монахам и послушникам большого уважения не имел, особенно к странствующим с иконой. Почему? Трудно сказать. Я был недостаточно взрослым, чтобы разобраться в этом вопросе. Дядя не любил нытиков, попрошаек, лгунов, льстецов. В основе его жизни была христианская идея.

Дядя Паша помер в средних годах от туберкулеза легких. До самой смерти служил в церкви. Болезнь дядя заметил рано. По-

сле простуды было воспаление легких, а затем начал развиваться туберкулез. Лечился, консультировался, но болезнь взяла свое. Будучи больным, он соблюдал все правила бытовой гигиены. Не плевал на пол при кашле. Для мокроты у него была специальная стеклянная баночка с крышкой. Все семейники дяди после его смерти остались здоровыми. Так закончилась жизнь трудолюбивого муравья-мыслителя, борца против изуверства староверов и раскольников.

Когда смерть вырвала дядю Павла из жизни, его дочь Шура училась в 6-м классе гимназии. Пришлось девочку перевести на учебу в епархиальное училище, которое она и окончила. Мой папа — отец Анатолий — был советником и опекуном этой семьи. Вторая девочка — Ника — была еще малышкой. Не знаю, запомнила ли она своего папу. Далее — революционные события. Смутное время на Руси в церковном мире, а для семьи Анны Иннокентьевны — бедственное положение.

Тетя Аня — Анна Иннокентьевна — добрый спутник жизни дяди Паши. Занималась домашними хозяйственными делами. Она имела среднее образование. Окончила епархиальное училище вместе с моей мамой Анной Александровной. Спокойной добротной жизни мало видела тетя Аня. Всего десяток лет прожила она без большой печали. Это было до Германской войны. А далее — печаль, горе и слезы стали ее уделом. Плохая материальная обеспеченность создавала нужду. Приходилось во многом себе отказывать. Так было до 30-х годов, до переезда на жительство в Вологду.

Встреча братьев Беляевых: Ивана, Павла, Александра

Это было в Шухтове при жизни бабушки Елизаветы. Три ее сына по сговору приехали проведать свою маму-старушку. Редки были их встречи, а потому встреча братьев для всей семьи Беляевых стала большим праздником. Выглядели братья мужественно. Все три — высокого роста, как гвардейцы, атлетического телосложения. Вид их был прекрасен. На груди — значки, медали, кре-

Елизавета Беляева. Фото нач. XX в.
Архив А.А. Турундаевского

сты. У дяди Ивана — значок государственной капеллы и наперсный крест. У дяди Павла — миссионерский значок магистра богословия от духовной академии на золотой цепочке. У дяди Саши — медаль. Все три брата обладали хорошими голосами с широким диапазоном. Как старые семинаристы, вспомнили любимые песни: «Ты взойди, солнце красное», «Дубинушка», «Рябинушка», «Калинушка» и так далее. А для бабушки спели песню «Вечерний звон».

При встрече обменялись своими взглядами на жизнь. Дяде Ивану быт деревенского обывателя не по душе, и он устроил свою жизнь в городе. По окончании семинарии уехал в Питер. Устроился певчим в Александро-Невскую лавру, а затем в хоровую капеллу. Он любил искусство превыше всего. Дядю Павла интересовали философские вопросы, но учиться не довелось, и он устроил свою жизнь в деревне среди простого народа как просветитель-миссионер. Он был доволен сделанным выбором и не тяготился окружающей темнотой народных масс. Несколько раз в год ездил в город на собрания миссионеров. Проводил беседы на религиозные темы. Был доволен своим бытием. С искусством не порывал связи. Играл на скрипке и на фисгармонии. Дядя Саша, как младший из братьев, обосновал жизнь в логове своего отца — деда Александра. У него не было больших запросов. Жизнь в сельской местности устраивала его тем, что церковной земли было 80 десятин и доход от сельского хозяйства обеспечивал его потребности. Просветительством дядя Саша не занимался. У него был талант художника, и в свободное время он рисовал.

Августа кривоная

В бытность жизни дяди Паши в Приозерье проживала женщина средних лет, невысокого роста, повязанная платком, — Августа. В народе ее звали Густя. В поведении Густы — много странного, необычного. Она вела кочующий образ жизни. У нее не было ни дому, ни лому. Добрые люди одевали и обували ее. Хлеба она не просила и не от каждого брала кусок. Вечно разговаривала сама с собой, точнее, думала вслух. Летом ночевала где-либо в сарае, на сеновале, а иногда и под открытым небом проводила ночь, зарываясь в сено или в солому. Не в каждый дом она входила, а в некоторых семьях подолгу жила, помогала в работе, но денег ни от кого не брала. Иногда Густя безобразничала. Подойдет к дому, выбьет стекла в раме или посуду прибьет. Бывало, разбушуетя, матюгов нагнет, передерется с жильцами, дико высмеет и с шумом уйдет. Изредка посещала Спасо-Каменный монастырь. Обитала она около староверов Ельмы и Новленского. В Шухтово, Перебатыно, Лаптево не ходила. Народ заметил, что появление Густы с ее фокусами предвещает неприятности. Так, например, было на Ельме. Повадилась Густя ходить в дом дяди Паши. Придет, берет метлу и начинает мести пол, а сама обливается горячими слезами, ругается, что много грязи на полу, что хозяйка-лентяйка не хочет навести порядок. А потом подошла под благословение к дяде Паше помногу раз: «Надо успеть!» Через некоторое время дядя Паша помер...

Через несколько лет после смерти дяди опять повадилась Густя ходить в эту же семью. Придет — и песни с картинками поет, кукол наряжает, ругается. Получилась неприятность — выходка моей двоюродной сестры Шуры Ельминской.

Подходит как-то Густя ночью к церкви в Отводном. Встала около алтаря, молится, а затем как закричит: «Ой, жарко, жарко!» Сторож церковный услышал голос и выпроводил ее из ограды. Летом эта церковь загорелась от грозы.

Перед революцией Густя незалюбила портреты царя.

— Вишь, куда уселся — рядом с Боженькой! А сам неумытый! — И давай портреты водой поливать.

Бывала Густя и в нашей семье. Особо она шумела на Кланю, ругалась с ней, гнала из дому. Все это было за два года до выселения наших из дому. В то время я был на Пучке.

Густю следует отнести к группе людей ясновидящих. Они есть, хотя наука их и не признает. В годы коллективизации Густя замерзла зимой где-то в поле. Старый народ чтит память об этом странном человеке, считая ее святой-юродивой.

Смерть отца. 1929 год

В самом конце Великого поста папа почувствовал слабость. Сердечная недостаточность давала себя чувствовать. По внешним признакам, наблюдаемым над людьми, он понял, что приближается конец. Жил он один в заднем селе Кадниковского уезда недалеко от Грибцова. Умирать стремился домой, в родную семью, чтобы глаза были закрыты дорогими сердцу людьми. Таковы были его стремления.

Старушка-хозяйка в доме, где жил папа, рассказала: «Батюшка каждый день вспоминал своих домашних родных и всем сердцем стремился к семье. В одно из воскресений Великого Поста после обедни он обратился с пасторским словом к прихожанам. Батюшка каждый праздник говорил проповедь.

— Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби...

Вид священника был болезненным. Народ внимательно слушал добрые слова. У женщин на глазах слезинки проскальзывали. И вдруг слышат, что батюшка, прощаясь с ними, говорит:

— Вы поговели, получили от Бога отпущение грехов. Совесть ваша чиста. Вы чистосердечно признали свои ошибки. Я, как священник, отпустил вам грехи. Теперь прошу простить меня. Эта служба моя — последняя. Чувствую приближение смерти. Моя последняя к вам просьба — переправьте меня к семье. Хочу, чтобы кости мои были погребены на Пучке.

Село Пучка. Фото середины XX в. Архив Н.А. Плигиной

И поклонился в ноги народу. Народ понял просьбу старика. Была полная бездорожица. Добрые люди на волоках перевезли его до Кубенского озера, переправили на лед и по льду людской тягой перевезли на Пучку».

Спасибо доброму народу! С такими трудностями отец заканчивал свой жизненный путь.

Мама и Кланы удивились его приезду. Никак не могли они представить, что в такую весеннюю распутицу можно приехать через Кубенское озеро. С обеих сторон озера — закраины. Подступиться трудно. Снегу почти нигде нет. Время — пост. Отец под нервным возбуждением сам вошел в дом, приветствовал и благословил, говоря:

— Мать, я приехал умирать.

Устроился он в средней комнате. Лег отдыхать на кровать около железной печки-столбнянки. Над кроватью на стене висели стенные часы (эти самые, которые у нас на стене находятся)... Больше он уже и не встал.

Спокойно лежал старик. Боли в организме не чувствовалось, но силы постепенно таяли. Медицинской помощи ждать было неоткуда. Понятно, что советская власть здоровьем попа не была заинтересована, и бесполезно вызывать врача за 15 километров по бездорожью. Итак, жизнь догорала, как огарок свечи.

Народ, узнав, что отец Анатолий прибыл домой и лежит больной, как море нахлынул к дому. Волнами переливаясь, люди

*Александр Анатольевич Турундаевский во время учебы в семинарии.
Архив А.А. Турундаевского*

подходили к кровати умирающего, кланялись, просили прощения, плакали. Так продолжалось несколько дней. Прощаться с отцом Анатолием приходило все взрослое население прихода.

К постели умирающего отца Анатолия пришли люди, давшие ложные показания против него, посадившие попа в тюрьму. Мезенев Константин и Валяев Василий на коленях стояли у кровати, плакали, просили прощения, всенародно признавая свою вину. Отец попросил приподнять его. Сел на постель, благословил каждого, поцеловал в голову и сказал:

— Бог простит вас за ваши дела. Я прощаю вас. Пусть будет мир в ваших сердцах. Не делайте никому

вреда. Я обиды на вас не имею.

Через несколько дней у папы парализовало левую руку. Все время он был в сознании. В полусонном состоянии отвечал на вопросы посетителей. Он готовился к исходному дню жизни. Поговел, причастился, соборовался, дал советы маме и Клане. Нам с братом написал свое благословение. Просил жить дружно, мать не забывать и вести жизнь по христианскому закону. Мама говорила:

— Папа очень торопился, спешил, когда писал свои последние заветные слова. Жаль, что не сохранились эти листочки! Мысль не теряла логики.

Далее у него парализовало речевой аппарат. До последней минуты он слышал и видел. В пасхальную ночь 5 мая он слышал благовест храма. Между заутреней и обедней к нему приходил священник, приобщил святыми дарами, пропел «Христос воскре-

се!», поздравил с праздником, похристосовался. Во время обедни папа мирно испустил дух. Сердце остановилось, и жизнь прекратилась. Телеграмму о смерти папы я получил вечером 5 мая около 16 часов.

Праздник Пасхи в Вотковце. 5 мая 1929 года

У населения деревни чувствовалось старое религиозное пасхальное настроение. В каждом доме хозяйки напекли праздничных пирогов, наварили и покрасили яиц. Старики и старушки сходили в церковь. Детишек нарядили в новенькие светлые костюмы и платья. Служители культа с иконой и крестом шли по домам со славой «Христос воскрес!» Пели негромко, как бы остерегаясь кого-то. Люди с опаской приглашали попа в дом. Хозяин дома, где я жил, Григорий Антр., спросил меня: «Можно попа впустить славить?» Христославы вошли в дом, когда я был в школе. Не видел их. Хозяева остались довольны, что спокойно справили религиозный обычай. Я в душе позавидовал простому люду, отмечающему праздник Пасхи. Наблюдал особое состояние местных обывателей. Мне казалось, что старый деревенский народ жалел тех, кто не настроен с ними в унисон. Простые крестьяне в день Пасхи показались мне свободнее нас — провозвестников новой ленинской идеологии. Христианские лозунги поднимали настроение: «Да воскреснет Бог и расточатся враги Его!», «Простим вся Воскресением!», «Друг друга обнимаем!», «Пасха — новая жизнь!»

Никто из посетителей не заглянул в этот день ко мне в школу. Сидел весь день, как филин в клетке. Включил радио — не говорит. Проверил лампы на усилителе — перегорели. Взял скрипку, провел по струнам — струна лопнула.

Это был первый день моей жизни, когда Пасха христианская была изолирована от моего участка. Мое настроение было, как у Гоголя, когда он разбирал Божественную литургию. Прилег на постель и задумался. Может, даже задремал. Встревожила хозяйка-старушка: «Почту принесли, и тебе есть телеграмма!»

Истинные друзья познаются в трудные минуты

Старушка, выслушав мое известие о смерти отца, сочувственно прослезилась и нашла простые слова утешения:

— Твой отец — доброй души человек. В Пасху умирают только святые люди. Быстро собирайся и езжай схоронить своего родного батюшку. Поклонись ему. Оботри слезы матери и утешь ее добрым сыновним словом. Не медля, собирайся. Идти до станции придется пешком. Все поля — голые, а дорога в лесу — зимняя. Ехать нельзя ни на телеге, ни на санях. Не тоскуй. Пешком без хлопот добежишь за ночь до станции. В поезде отдохнешь. А там — дорога знакомая.

Встала перед иконой, перекрестилась и прочитала несколько слов молитвы: «Со святыми упокой раба Божия Анатолия... Вечная ему память!»

Положила питания на дорогу:

— Иди с Богом! Поторапливайся!

Разрешения на выезд получить не от кого: выходной день, да еще и праздник. В Климовской зашел к секретарю парторганизации и какому-то уполномоченному соглядатаю по подготовке к весенне-полевому сезону. Сказали: «Поезжай! Со школой успеешь справиться». Были эти идеологи малость «под мухой». Они и не разобрали толком, в чем дело.

— Надо — езжай. Долго не задерживайся!

Но все же они показывали вид, что они — хозяева.

Зашел в Климовской к Куприну Владимиру Ивановичу. Рассказал ему о своем намерении съездить домой на родину. Он несколько задумался и сказал:

— А как же школа? Получил разрешение от УНО на выезд? А как бы не было каких-либо репрессий? А может быть, без тебя похоронят?

Но вмешалась Лидия Михайловна:

— Володя, что ты говоришь!? У человека — несчастье. Отец умер, а ты толкуешь! Езжай, Александр Анатольевич! Школа не

убежит. Экзаменов у тебя нет. Сделаешь дело, и на душе будет спокойно.

После слов жены Владимир Иванович, подумав, грустно повесил голову и сказал:

— Да, Лида права. Человек умирает один раз. Посмотреть своего отца в последний раз надо. Езжай. Да, вот еще что... Попытайся зайти в Ануфриеве к Ширановым. Попроси. Может быть, они ночью подвезут волоком, и ты к поезду поспеешь.

Спасибо Владимиру Ивановичу за его совет, но выполнить-то его пожелания я не мог, так как не было денег. Лежали в кармане гроши на железнодорожный билет от Лухтонги до Вологды. Куприны не имели возможности дать мне денег, и я пошел дальше что-то соображать.

В деревне Узлово зашел к учительнице А.Т. Гришиной, рассказал ей о случившемся. Она, как сестра, поняла мое состояние душевной тревоги, сказала слова сочувствия. Как гостя угостила чем-то съестным и дала займы пять рублей.

Я пошел. Время позднее. В воздухе было свежо. Земля чуть-чуть подмерзла. В Ануфриеве пытался разбудить Ширановых. Никто даже не отозвался на мой стук. Пошел ночью лесной дорогой. Одно было стремление — быстрее добраться до железнодорожной станции. Идти трудно. После половины пути стал чувствовать усталость. Скорость пришлось уменьшить, и как я не напрягал силы, к утреннему поезду опоздал. На станции Лухтонга дал телеграмму, что нахожусь в пути следования. Телеграмма остановила похороны. На похороны ехал из Архангельска дядя Феодосий. В Лухтонге он не обнаружил меня в числе пассажиров и решил, что я запаздываю, так как поезд приходил сравнительно рано, и телеграмма подтвердила его догадки.

Церковная служба и похоронный обряд были совершены в намеченное время. После крестного хода вокруг церкви гроб был поставлен на паперты до моего приезда.

Самоблагание и мужество матери

Мама не растерялась при смерти отца. Ее действия и все распоряжения были краткими и точно рассчитанными. Известие о смерти отца она быстро передала через все виды связи. Домашние приспособления к ожидаемому и неизбежному были продуманы. Мать встретила меня спокойно, без истерики. Отца Анатолия похоронили на другой день после обеда.

Воспоминания современников об отце

Ближайшими друзьями папы были его соратники по кооперативным делам — Макин Александр Флегонтович, Валяев Михаил Дмитриевич, Копылов Андрей. Это были люди, религиозно настроенные и считающие службу в Кредитном товариществе и Кружевной артели делом, нужным трудовому человеку.

Валяев Михаил Дмитриевич говорил:

— «Кредитка» и артель избавляют от кулацкой кабалы трудового нуждающегося человека. Богатые мужики, как Житков Алексей, не любят отца Анатолия. Он подорвал их доходную статью. Алексей Платонович давал деньги в дом с расчетом нажать копейку на копейку. За долг заставлял отрабатывать в самую жаркую рабочую пору. Мы с отцом Анатолием даем крестьянину на легких условиях деньги, сортовое посевное зерно, машины и не отрываем человека от своих личных хозяйственных дел. Отец Анатолий показал, какими путями крестьянин может выходить из нужды и сделать свое хозяйство доходным. Вечная память отцу Анатолию.

Макин Александр Флегонтович, умный, наблюдательный человек, сказал:

— Большая сообразительная голова у отца Анатолия. Он хорошо понимает людей, их нужды и заботы и нашел хороший путь к восстановлению трудовых хозяйств. Среди трудового народа нет недоброжелательных людей. Отец Анатолий умел подойти к человеческой душе. Он был трудолюбив и не знал усталости. Работал, не зная корысти. Прощай, отец Анатолий. Твоя жизнь принесла народу много добра.

Копылов Андрей из деревни Шилово говорил:

— Женщины-труженицы больше всех обязаны отцу Анатолию за то, что он помог им освободиться от кабалы и перекупщиков их кружевных изделий. Артель дает им право получать материал для работы и сбывать продукцию по более высоким ценам через кооперативную систему. Женщины знают цену отцу Анатолию как справедливому человеку, правдиво оценивающему труд. Никто не остался в обиде на отца Анатолия. Светлая память сохранится об отце Анатолии среди людей на века. Пусть будет пухом земля над твоим гробом отец Анатолий.

Губайловский из Отводинского прихода:

— Отец Анатолий обладал замечательной организационной способностью. Намеченные мероприятия у него проводились безошибочно. Он был тактичен в обращении с людьми. У отца Анатолия — замечательная память и быстрота счета. Большую часть вычислений он делал в уме. Всех людей — клиентуру Кредитного товарищества и кружевниц — он знал в лицо, помнил по имени-отчеству. Справедливость, правдивость, вежливость, чуткость и уважение к людям были отличными чертами отца Анатолия. Он никогда не был в раздраженном состоянии. Склоняю перед тобой свою голову. Нам есть, что перенять от тебя. Прощай, отец Анатолий! Начатое тобой доброе дело приносит людям счастье.

Люди, по разным мотивам враждебно настроенные по отношению к отцу Анатолию, — Мезенев Константин Васильевич и Валаев Василий Дмитриевич — тоже помянули его добрым словом.

К.В. Мезенев сказал:

— Вначале я предполагал, что отец Анатолий из корыстных целей интересуется вопросом кооперации. Я был обижен тем, что под руководством отца Анатолия сделана ревизия моей счетоводной деятельности, и за некоторые мои хитроумные махинации я был снят с работы. Но под суд я не был отдан. Теперь я только благодарю отца Анатолия. Я погиб бы в этих махинациях и, безусловно, сидел бы в тюрьме. Своими решительными правдивыми действиями отец Анатолий спас меня. Зло я был настроен. Тяжело

мне было признавать свою вину. В церковь я ходил с целью поймать попа в проповедях. Но теперь у меня другой взгляд на отца Анатолия. Отец Анатолий — откровенный, добрый и правдивый человек с сильной волей, умеющий перестраивать жизнь. Он сделал много доброго народу. Прости, святой отче, меня за мои злодеяния.

Валяев Василий Дмитриевич сказал:

— Долгое время я представлял попов как пауков-паразитов, присосавшихся к народу и готов был всякими способами уничтожать их, причинять им зло, сживать их с лица земли как негодный элемент, но не думал о христианской нравственности и морали. И, всматриваясь в жизнь отца Анатолия, я сделал другой вывод. В жизни отца Анатолия — не кадило, не кропило, не крест были главными орудиями труда, а христианское евангельское учение с практическим применением в жизни. Он указывал, что труд — основа жизни человека, а лень — мать всех пороков. Хозяйствам маломощным он указывал путь выхода из нужды через кооперацию — Кредитное товарищество и артель. Добрую память о себе оставил. Не забуду его слов, сказанных в начале революции: «Трудовому человеку должно принадлежать все то, над чем он трудится. Труд должен быть хорошо оплачен. Надо уметь трудиться. Надо учиться трудиться. Надо применять в труде науку и знания, приобретенные из книг. Книга — друг человека». Я только теперь стал понимать его мысли. Мудрый был человек отец Анатолий. Не стыдно мне, что я плакал у постели умирающего отца Анатолия.

Комсомольцы Шарапов Николай Константинович, Курилов Алексей, Ручников Василий (Попик) не были враждебно настроены к отцу Анатолию. Они интуитивно чувствовали плодородные зерна нового кооперативного дела, начатого отцом Анатолием, удивлялись его стойкости и последовательности. Они вспоминали ответы отца Анатолия на их вопросы: «Что произошло раньше — закон или преступление?», «Курица или яйцо?» и прочее.

— Спасибо батюшке. Толково ответил и заставил задуматься над шумливыми вопросами и не храбриться своей политической ученостью.

Пастыри духовные, отцы церковные, священники из соседних церквей так говорили об отце Анатолии:

— Доброй души был наш собрат отец Анатолий. Веселый характером, серьезный при исполнении обязанностей. Твердый в слове. Правдивый и честный в обращении с людьми. Открытая душа. Хорошо знал психологию простого труженика деревни — крестьянина. Умел утешить страждущего, утереть слезы плачущему. У него было слово для каждого встретившегося на жизненном пути. Кругозор миропонимания у него широкий. Он видел людское горе, знал причины, искал пути улучшения жизни тружеников. Он говорил, что, когда бедняка забывает нужда, «у бедного мужичка все двадцать два очка». В своем приходе отец Анатолий был экономистом и агрономом, духовным пастырем и миссионером. Безобидчивый был человек. Ни на кого не сердился. Для всех людей он был другом. Хорошим учителем, наставником, врачом душ и сердец, духовным пастырем в своем приходе был отец Анатолий. Он — в числе первых священников, понявших вред деления служителей церкви на два лагеря — староцерковников и обновленцев. Лозунг современности «разделяй и властвуй!» он понял как призыв к идейному разгрому религиозных основ общества. Все реакционные элементы общества примкнули к старой церкви, возглавляемой патриархом Тихоном. Отец Анатолий был в лагере церковников-обновленцев, возглавляемым митрополитом Александром Ивановичем Введенским при церковном Синоде православной церкви. Крепко дружил отец Анатолий с книгами. Много читал. Его выступления на наших собраниях были содержательными и внимательно прослушивались. Не было у отца Анатолия корысти, зависти и стяжательства. Он оставался предан христианской идее и главным своим делом считал служение народу. Среди людей, окружающих его, не осталось ни одного не примирившегося с ним. Он думал, мечтал и стремился к миру во всем мире и к торжеству христианской идеи на земле. Отец Анатолий был глубоко религиозным и искренне верующим в Христа. Он считал фундаментальной основой евангельские слова: «Удобнее верблюду войти сквозь игольное ушко, нежели бога-

тому войти в Царство небесное». Зависть, корысть, стяжательство, ненависть есть злейшие враги человечества. Капитализм — смертельный грех. Мир твоему праху и вечный покой твоей мятущейся душе. Прощай, дорогой брат. Царство небесное твоей душе. Вечная добрая память о тебе остается в наших сердцах.

Ни один из прихожан общины не мог сказать про попа Анатолия, что у него карманы большущие, а руки загребущие. Не занимался он вымогательством или какими-либо комбинациями. Свой пастырский долг выполнял честно. Много внимания отец Анатолий уделял поминовению умерших и поминовению во здравие живущих на белом свете. Имена поминаемых людей заносились в церковную книгу Синодик. За поминовение вносились некоторые суммы денег: 2,5,10 копеек с каждого имени. Поминовение давало небольшой доход служителям культа, но главное — оно было средством воспитания чувства уважения к старшим, подкрепляло авторитет предков, возбуждало патриотические чувства, заставляло детей подумать о прошлом и серьезнее относиться к настоящему. «Вспомни задняя своя и вовеки не согрешишь». Имел отец Анатолий свой личный синодик, где были записаны имена его рода и рода Беляевых. С простыми людьми — прихожанами — у него было полное взаимопонимание. В основе жизни, как считал отец Анатолий, — трудовые процессы. Труд облагораживает человека.

Отец Анатолий стремился создать благолепие в церковной обстановке. Любил стройное пение на клиросе. Обладал хорошим голосом, имел музыкальный слух и память. У него был бас широкого диапазона — в две октавы. Голос у отца Анатолия никогда не обрезывался. Не знал он ни горловых, ни легочных заболеваний. Пение любил. На праздниках в кругу своих родных и знакомых все слышали его голос. На музыкальных инструментах не играл, но любил слушать музыку. Был у нас граммофон с большим набором пластинок. Для нас, своих детей, он купил фисгармонию, гармошку, гитару, балалайку и скрипку. Его стремлением было создание условий для развития музыкального слуха и освоение техники игры на музыкальных инструментах.

Покровский храм в Пучке. Современное фото. Архив Н.А. Плигиной

Охрану памятников старины, сбор редких предметов, икон старого письма отец Анатолий считал кровным делом. В 20-х годах из Спасо-Каменного монастыря были переданы на Пучку библиотечные книги. 6 июля 1926 года согласно указаниям церковных властей в храм перевезены мощи прп. Иосафа. Иконы старинного письма, кресты, кадила, подсвечники помещались в одном приделе теплой церкви и находились под особым наблюдением.

Отец Анатолий смотрел на жизнь ясными трезвыми глазами христианина. Не был нытиком и ханжой. Отличительная черта его характера — жизнерадостность. Жизнь он представлял кипучим котлом. В свободные минуты читал книги, журналы и газеты. Следил за событиями жизни общества, религиозными течениями.

Целью своей жизни отец Анатолий считал служение народу и церкви в качестве проповедника христианского учения и служителя культа. Хорошая память среди народа осталась о тебе, дорогой мой отец!

Василий Анатольевич Турундаевский

На Пучке осталось полное хозяйство. Жили мама и Кланыя. Обстановка складывалась такая, что нам с братом нужно было меньше всего показываться на глаза «ярим ревнителям революции», для которых поповские хозяйства были бельмом на глазу. Брат Василий с общего согласия поехал в Ленинград. Он не сразу перешел на ленинскую платформу в идеологических вопросах. Глубоко занимался вопросами христианской и вообще религиозной жизни общества. Много читал. Был в дружеских отношениях с Александром Ивановичем Введенским. Изучал обновленчество. Учился пению. У него был бас с хорошо отработанными верхними регистрами. Свободно читал по нотам. Не любил заниматься политикой. Изучал историю философии разных времен и народов, нравственные правила, моральные законы. Долго искал свое место в жизни. Хотел познать внутреннюю жизнь человека, настроения верующих и неверующих, психику живого существа. Брат был идеалистом, и окружающую жизнь воспринимал через «оптические линзы, фильтры и призмы». Жизнь не представлялась ему полноценной без религии, без существования высшего идеала — Бога. Некоторое время он думал посвятить свою жизнь служению в православной обновленческой церкви. Брат Василий не пережил репрессий от власти советов и партийных идеологов. К ним он относился лояльно, и они его не трогали. Он держался лозунга: «Отойди от зла, сотвори благо». Военную службу отбывал в трудовой армии под Ленинградом в отряде топографов по съемке местности. Жил на частной квартире. В праздники посещал старых знакомых. Жизнь его не была спокойной. Вечные искания. Борьба мотивов. Борьба за существование. Тернистый путь. Встреча с людьми разных убеждений и взглядов. Наблюдения над жизнью общества. Религиозные страдания близких родственников. Репрессии к родственникам. Заточение многих служителей культа в тюрьмы и дальнейшая их ссылка. Закрытие церквей. Планы культурной революции. Отношение властей к людям, религиозно настроенным, заставило брата изменить курс жизни.

Реальная обстановка для людей, религиозно настроенных

Руководящая партия проводит курс на антирелигиозное воспитание народных масс. Предоставляется свобода вероисповедания без права свободной пропаганды. Религиозные диспуты не рекомендуются и прекращаются. В жизнь проводится лозунг «Религия — опиум народа». В религиозных общинах концентрируются контрреволюционные элементы, враждебно настроенные к советской власти и под прикрытием религиозных убеждений делающие разные пакости. Партия и власть смотрят на религиозно настроенного человека, а особо на служителя культа как на ненужный элемент в обществе, как на паразита.

Под влиянием общественного мнения порвали связь с церковью чиновники, работающие в учреждениях государственного аппарата. Посещаемость церковей уменьшилась. Мероприятия, осуществляемые в ходе культурной революции, возымели действие. Личность попа в обществе стала пугалом, и не каждый человек находил смелость поздороваться с попом, ответить на приветствие. Через налоговую систему служители культа поставлены в затруднительное материальное положение. Надо было иметь большую сообразительность, чтобы не попасть в тюрьму за неуплату налогов. Многие попы погибали в тюрьмах от голода, болезней, душевных потрясений.

Попы — грамотный народ. Некоторые из них стали заниматься кустарничеством и ремеслами. Так, отец Николай Марков соорудил маленький свечной завод. Начал отливать свечи и продавать религиозным общинам. Монах отец Феодосий — хороший сапожник. Организовал сапожное производство и продавал свои изделия на рынке через знакомых. Некоторые попы занялись изготовлением бумажных кульков для торгующих организаций.

Брат сделал вывод: «Плыть против общественного течения в бурный период культурной революции опасно — собьет с курса». Решил поступить на гражданскую службу. Выбрал профессию учителя глухонемых. Окончил спецкурсы при Ленинградском уни-

верситете и был назначен в костромскую школу глухонемых. На память об отцовском доме взял с собой папин письменный стол и книги из библиотеки.

Феодосий Васильевич Турундаевский

Дядя по отцу. В семье деда Василия выделялся своим поведением, манерами и умением держать себя в обществе на соответствующей высоте. Жизнь его прошла в городах. Он окончил Вологодскую духовную семинарию и по традиции своего рода пошел служить священником. Был настоятелем собора в городе Онеге, а затем кафедрального собора в Архангельске. Дядя Феодосий любил музыку, играл на скрипке и на пианино. У него пианино стояло в своей квартире. Пел, занимался фотографией. Был фотоаппарат бельгийской фирмы. Во время церковных раскольничьих движений, деления церковных иерархов на группы обновленцев-прогрессистов и староцерковников (тихоновцев) он остался в группе староцерковников. Так и ушел со сцены жизни. Много раз его подвергали арестам. Видимо, он закончил свою жизнь в тюрьме. В Архангельске (в Соломбале) у него был небольшой дряхленький домик, на ремонт которого он продал любимое им и его семьей пианино.

Аринодор Васильевич Турундаевский

Брат моего отца — дядя Доря. Среднего роста (пикнической конституции). Полный мужчина с короткой шеей, серыми глазами, в очках, волосы русые, на голове — плешинка, окладистая борода, брюхастый пузатик. Вес его был больше шести пудов. Ходил с тросточкой. Быстро передвигаться не мог: одышка, сердце отказывало. Голос — баритон. При разговоре своеобразно побрякивал. Курил папиросы и табак. Любил лежа почитать.

Окончил он Вологодскую духовную семинарию. Женился. Принял сан священства и служил священником в Верхне-Раменской церкви Кадниковского уезда Вологодской губернии — в вер-

*Вологодские семинаристы с квартирной хозяйкой. Фото нач. XX в.
Архив А.А. Турундаевского*

хнем течения реки Уфтюга. В прошлом это лесное захолустное местечко, с неграмотным населением.

Он говаривал так: «Если посидеть с медведями год без выезда, то и сам будешь медведем». Дядя Доря не стремился покидать свою «берлогу». Местное население нравилось ему простотой нравов, высокой справедливостью в быту, верностью слову, гостеприимством, честностью, добропорядочностью, религиозностью.

— Живу я в медвежьем уголке, но народ вокруг меня хороший, добрый, сердечный, отзывчивый. Имеет совесть. В домах нет запоров. Амбары, чуланы, кладовки закрываются на деревянную завертку. У народа нет понятия о замках. Хотелось бы видеть, чтобы у всех людей была такая нравственность.

Домашнее положение и быт

Дядя Доря рано овдовел. Жена умерла при первых родах. Сын жил несколько месяцев, а дальше наступило одиночество. Со-

ветовали ему идти в монастырь, быть аскетом, углубиться в мечты о высоких материях, изнурять плоть в посте и молитвах, носить вериги на плечах, уйти от мира сего, стать отшельником... Индивидуалистом. Искать Царства Небесного для себя. Жить во имя своего спокойствия.

Дядя Доря сказал:

— Нет. Я так сделать не могу. Я молод. Мне двадцать четыре года. Имею все данные, чтобы жить и работать, помогая другим устраивать свою жизнь. Я должен быть среди людей, как светильник, освещающий дорогу жизни, как путеводитель.

И он решил остаться жить в лесном медвежьем уголке.

В Верхне-Раменском приходе не было церковной земли. Служитель культа — поп — получал жалованье от государства через госбанк по 25 рублей золотом в месяц. Это достаточный минимум для существования. Был у него собственный дом с садом и огородом. Держал корову и кур. Обряд по дому и уход за коровой проводили две старушки, которые жили у него как родственницы. Летом старухи ковырялись в огороде, а зимой пряли лен, ткали холст, половики, шили и кропали белье. И были довольны своим житьем.

Душевное состояние и цель жизни

Жизнь — сложное биологическое состояние. Дядя Доря задумался. Как прожить жизнь, чтобы она не была бесцельной? Не с животным прозябанием, с утолением голода и жажды: поел, попил — и в стайку, но чтобы жизнь была человеческой. После смерти жены и сына дядя почувствовал самое тяжелое состояние — одиночество. Чтобы не впасть в уныние, он нашел удовлетворение — радость жизни в общении с народными массами в роли просветителя. Он занялся вопросом организации школ грамоты в Кадниковском уезде, был их попечителем. Добился штатной должности фельдшера в Раменской волости. Заботы о строительстве школ, подборе учителей, обеспечении их инвентарем, книгами, бумагой (чувствовалась нужда в деньгах) заняли все свободное время дня.

По натуре дядя был жизнерадостным человеком. Любил шутить. Особую привязанность испытывал к детям. Каждую зиму ездил за покупками, а попутно проводил своих родных и знакомых, проживающих в Кубинозерье. Поездка давала ему возможность освежиться, поразвлечься в кругу близких людей. Много впечатлений оставалось у него от этих поездок. Так шла жизнь одинокого дяди.

В должности полкового священника во время войны 1914 года

В империалистическую войну каждый полк — войсковое подразделение — имело штатную единицу служителя культа (попа). В полку поп был на правах офицерского состава: получал жалованье, носил одежду офицерского покроя, шинель, шляпу (летом) и шапку (зимой). В полевых условиях полковые попы жили в отдельных палатках. Им полагались денщики из нестроевых солдат. Местный епархиальный владыка благословил дядю Дорю в полковые батюшки, и дядя был в войсковых подразделениях до конца войны.

Впечатления о войне 1914 года

Во время пребывания на фронте в Германскую войну дядя вращался большую часть времени с офицерским составом. Видел их быт: кутежи с игрой в карты, фальшивость, раболепство и подхалимство перед начальством, а с другой стороны — чванство, деспотизм и грубость с подчиненными. А каково было положение попа? Что нужно сказать солдатам? «Повинуйтесь наставникам вашим и покоряйтесь, потому что они заботятся о вас»? А забота часто выражалась в зуботычинах. Вот тебе и благодать Божья. Тяжело быть миротворцем.

1917–1930 годы

Революция нанесла тяжелый удар по жизненному пути дяди. Почва из-под ног вылетела. Большую часть времени дядя прово-

Людмила Васильевна Турундаевская.
Фото конца XIX в.
Архив А.А. Турундаевского

дил в школах (как попечитель) или среди народа, а тут в школе ему нечего делать. Направление идеологии — противоположное. Положение его среди народных масс изменилось. На многие вопросы стало трудно отвечать.

— Как считать советскую власть: от Бога она или от черта? Признавать ли советскую власть? Отпускать ли детей в школу, где иконы нет, а учителя молиться не велят? Кресты с детей снимают, носить не позволяют, молитвы не учат.

Разговаривать с народом почти невозможно. Того и смотри, чтобы не поняли твой ответ по своему разумению — каталажка обеспечена как контрреволюционеру. И шабаш. Ответ мог быть один:

«Всякая власть от Бога. Подчиняться власти надо».

Народ стал сомневаться: как понимать ответ попа? Власть — от Бога, и поп тоже — от Бога. А власть не в ладах с попом, не признает его, считает врагом народным. Как понимать обстановку?

Среди религиозных идеологов появились явления прогрессивного порядка: живая церковь, староцерковники и прочие. Ни к каким группировкам дядя не примыкал.

— Мудрить сейчас не время. Когда жизнь войдет в колею, видно будет.

В 1927 году началось решительное наступление на остатки капиталистических элементов. Были приняты крутые меры по проведению культурной революции. Надо было освободить умы людей от влияния чуждых идеологий, задерживающих решение

вопросов о перестройке системы сельского хозяйства, о переходе крестьянина на социалистический путь. На крупные, крепкие крестьянские хозяйства, применяющие наемную силу, а также на попов наложен индивидуальный налог. За неуплату главы хозяйств репрессированы, а хозяйства ликвидированы. Дядя Доря был некоторое время в тюрьме. Затем поселился жить у сестры тети Люши и в скором времени умер.

Людмила Васильевна Турундаевская

Моя тетушка, крестная. Сестра папы. Это была женщина небольшого роста с карими большими глазами. Носила длинные платья, как и все женщины того времени. Окончила Вологодское епархиальное училище и работала учительницей в церковно-приходской трехлетней школе. Я учился у нее в третьем классе. Тетя — женщина глубоко религиозная, до фанатизма. Она не занималась историей и теорией религиозных вопросов. Просто верила в Бога и надеялась на Великое Провидение. В религиозных вопросах царствовал догматизм. Ее жизненный лозунг — «Веруй, надейся и жди!» К революции она относилась скептически, отрицательно и не интересовалась ходом событий до тех пор, пока жизненная экономика не заставила ее осмотреться кругом. Она была погружена сама в себя. Мало читала светской литературы, да и некогда ей было заниматься чтением книг. После смерти бабушки Ольги она осталась главной хозяйкой в доме деда Василия. Тетя аккуратно ходила в церковь молиться. Дома утром и вечером справляла религиозный режим. В воскресенье и в праздничные дни приглашала нищую братию и в кухне-зимовке кормила их обедом. «Алчущего накорми, жаждущего напои, страждущего успокой, приюти, одень, обуй, обогрей».

В должности учительницы

В начале XX века в селе Воздвиженском построена церковно-приходская школа. Первой учительницей этой школы грамоты была Людмила Васильевна, а заведующим — дед — отец Василий.

Вологда.—Vologda. № 3.
Общий видъ города и р. Вологда.

Епархиальное женское училище в Вологде. Открытка нач. XX в.

По Положению о школах заведующим назначался служитель культа. Здание было построено на два класса, с комнатой для сторожа и мезонином для квартир учителей.

Школы плохо обеспечивались учебными пособиями. Бумаги недостаточно. Мало тетрадей. Посылали бумагу нелинованную. Учительница делала карандашом для каждого ученика разлиновку в тетради на каждый день. Задачи и примеры решали на грифельной доске грифелем. На грифельных досках выполняли и письменные домашние задания. Ученические столы — парты — делались из расчета на четыре или шесть мест. В переднем углу класса висела икона с лампадой, а сбоку на стене — портрет царя и часы. Лозунги не полагалось развешивать на стенах.

Одежда на учениках была домотканой, лапти — березовыми. Сумка для книг и грифельной доски сшита из холстины. Учебный год начинался после «Здвиженья» — 14 сентября по старому стилю — и кончался с началом полевых сельскохозяйственных работ. Ученики, окончившие школу, получали свидетельство, а особо отличившиеся — похвальный лист.

Вспоминая тетю Люшу как учительницу, следует сказать, что она работала, как каторжная. Была очень трудолюбива. Ее день начинался в шесть часов утра и заканчивался за полночь. Трудовая деятельность редко кончалась в одних сутках.

Хорошо удавались у тети Люши уроки чтения, письма — изложения, чистописания, а методикой арифметики она владела слабо. Старая школа давала навыки в технике чтения, отработывала каллиграфию, обучала грамотности при письме, научала устно считать. Я помню даже книги по обязательному чтению — «Селятель». По арифметике — задачник Цветкова. Грамматические упражнения Некрасова. Я любил решать задачи и дополнительно пользовался задачками Арженикова, Юрьева и Гельденберга.

В школах-трехлетках дети учились самостоятельно работать с книгой, списывая упражнения, усваивая то или иное правило написания слова. Учебный материал был пропитан христианской моралью. Учебный день, учебный час-урок начинались и оканчивались молитвой. Стихотворения, разученные в школе, всю жизнь не забываются человеком.

Вечер был. Сверкали звезды.
На дворе мороз трещал.
Шел по улице малютка,
Посинел и весь дрожал.
— Боже! — говорит малютка:
Я прозяб и есть хочу.
Кто накормит и согреет,
Боже добрый, сироту?
Шла дорогой той старушка.
Услыхала сироту,
Приютила и согрела,
И приют дала ему.
Уложила спать в постельку.
— Как тепло! — промолвил он.
Закрыв глазки, улыбнулся
И заснул спокойным сном.
Бог и птичку в поле кормит,
И кропит росой цветок.

Бесприютного сиротку
Не оставит также Бог.

Стихотворения, стихи и рассказы, помещенные в книге «Сельский», настраивали детей на мирную жизнь с христианским моральным законом. «Без Бога — не до порога!» На первой странице книги — стихотворение Лермонтова «Молитва».

В минуту жизни трудную,
Когда на сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть...

В стихотворениях рисовалась романтическая картина зимней деревни.

Весело сияет
Месяц над селом.
Белый снег сверкает
Синим огоньком.
Месяца лучами
Божий храм облит,
Крест под облаками,
Как свеча горит.
Тихо, одиноко
Сонное село,
Вьюгами глубоко
Избы занесло.
Тишина немая —
В улицах пустых,
И не слышно лая
Псов сторожевых.
Помоляся Богу,
Спит крестьянский люд,
Позабыв тревогу
И тяжелый труд.

Грамота давалась на материале стихотворений и рассказов, рисующих красивую природу и жизнь трудовую под сенью Божьего храма.

День в дореволюционной школе

Начало урока. При входе стоят учителя и ученики. Дежурный читает молитву «Царю небесный». Конец урока отмечается молитвой «Достойно есть». Перед обедом молитва — «Отче наш». После обеда — «Благодарим Тя, Христе Боже наш...»

В 1910-1911 годах я учился в третьем классе в Крестовоздвиженской школе. Из товарищей по классу помню тех, с кем сидели на одной парте.

1. Коровин Александр из д. Евлашево. Черноглазый парень с ласковой улыбкой на лице. Имел хорошие способности. Отличался каллиграфией.

2. Малеев Николай из д. Евлашево. Выше Коровина ростом. Грамотно писал и хорошо решал задачи из задачника «1001 задача».

3. Патин Александр из д. Патинская, в полуверсте от школы. Небольшого роста с приветливым лицом.

4. Горбунцова Софья из деревни Абросово.

Все эти товарищи после начальной школы больше не учились и с грамотностью, полученной в школе, пошли в жизнь. Горбунцова вышла замуж за Мурахина Александра Васильевича из д. Виселкино.

Отъезд тети Люши в Вологду

Летом до революции к Воздвиженью каждый год съезжались проведать отца сыновья деда с женами и детьми. Такова была традиция, установившаяся в роду. Летом тете Люше дела хватало больше, чем зимой. Никогда у нее в жизни не было отдыха, свободной минуты. За день она так уставала, что, свалившись в постель отдохнуть, засыпала не раздевшись. Крестная была незамужней девицей. После смерти деда Василия она оставила дом и хозяйство дяде Косте, а сама уехала жить в Вологду к старой своей тетке Екатерине Александровне. В жизни она всех любила, как братьев, была нестяжательной. У нее никогда не водилось лишних денег. Она щедро давала подаяния нищей братии, так что денежный баланс к концу месяца всегда равнялся нулю. Когда крестная жила

в Вологде, большая часть ее времени была посвящена церкви. Вечером она ходила к всенощной, а утром — к ранней обедне.

Дом у тетки Катерины, где жила крестная, был пристанищем всех родных, приезжающих в Вологду. Всегда наполнен людьми, как постоянный двор. Никакого покоя не было, и женщины к этому беспокойству привыкли. Одних встречают, других провожают. Зато всё знают о жизни родственников. Правда, и своеобразная польза была им. Из деревни каждый что-либо привозил из своего хозяйства — кто, чем богат.

Религиозная настроенность тети Люши

В семье деда Василия воспитание детей было построено на религиозной основе. Особенно это сказалось на двух детях деда — Людмиле и Афанасии. Крестная не представляла себе жизни без мысли о Боге. Все ее движения санкционированы Божьим велением. Начиная работу словами «Господи, благослови!», заканчивала — «Слава Тебе, Господи!» В комнату входит, за стол садится — осеняет себя крестным знамением. Перед молитвой и ужином прочитывает молитву «Отче наш». Особенно боялась она «лукавого» (беса, дьявола), чтобы не заскочил ей в сердце. Когда зевала при переутомлении, то обязательно крестила рот. Каждый день читала страницы из Евангелия. Утром и вечером перед иконой откладывала определенное число поклонов. Изнуряла плоть недоеданием, постом и молитвой, чтобы меньше было в сердце земных помыслов. «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей».

Психика крестной под влиянием дум извратилась и стала как бы ненормальной (по нашему пониманию). Все думы земные были для нее обременением. Одна мечта о Царстве Небесном сверлила ей мозги. Она помышляла о жизни вечной, где нет ни печали, ни воздыхания. «Веруй, надейся и жди».

Мне кажется, что для крестной все дневные хозяйственные дела были тяжким бременем, сильно ее утомляли, заставляли задумываться. Решая какой-либо вопрос, она широко открывала гла-

Вологда.—Vologda. № 9.
Желунцовская ул. кь вокзалу.

*Желунцовская улица в Вологде, где находился дом тетки Екатерины.
Открытка нач. XX в.*

за. Лицо отражало сильное внутреннее переживание, и она была готова молиться кому угодно... вплоть до милиционера, который приказывал ей чистить мостки и наводить порядок около дома. А потом, чуть-чуть справившись, она шла в церковь. Молитва ее успокаивала.

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный.
Звонят ко всеобщей,
К молитве благостной,
И звон смиряющий
Всем в душу просится,
Окрест взывающий,
В полях разносится.

Духовный наставник крестной

В 20-х годах появился в Вологде иеромонах Феодосий с братом диаконом Антонием. Служили они во Владимирской церкви

около Пятницкого пруда. Феодосий росту выше среднего, сухощавый с длинными волосами на голове и скудной растительностью на лице. Черные глаза прожигают взором его поклонниц, старых дев. Он малоразговорчив. Иногда бросался непонятными словами, а простой доверчивый народ почитал его ясновидящим, прозорливцем. На своих «жен-мироносиц» он действовал взглядом, и они все его поручения выполняли беспрекословно. К числу его «жен-мироносиц» принадлежала и тетя Люша. Отец Феодосий поручил ей должность мытаря — сборщика денег по церкви. В ее обязанности было приходиться в церковь рано утром и вместе со своей помощницей зажигать свечи, лампы, продавать просфоры и свечи богомольцам. После обедни, получив благословение от Феодосия, она занималась мирскими делами. Около шести часов вечера она приходила к всенощной. Итак, вся ее жизнь была окутана религиозным туманом. Чему доброму мог научить безграмотный пройдоха монах Феодосий? Мutil он сознание добродушных старых дев и вдовушек баснями о втором пришествии, об Антихристе, учил их меньше заниматься мирскими делами, готовиться к вечной жизни во Христе, думать только о вечной жизни в Царстве Небесном.

— Живите, как птицы небесные. Они не сеют, не жнут, не собирают в закрома. Отец Небесный питает их. Не заботьтесь о завтрашнем дне. Если Господь благословит вас жить завтра, то и хлеб будет у вас. Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Небесное.

Верил ли эти словам Феодосий? Трудно сказать. Монахи были первоклассными сапожниками. На дому у себя они шили обувь, а девы-мироносицы на базаре обменивали эту обувь на продукты.

Тетя Люша — добрая душа

Завет бабушки Ольги был для крестной путеводной звездой: «Будьте внимательными к людям. Любите людей. Оказывайте помощь страждущим в жизни. Успокойте волнующееся сердце ближнего. Убогого приютите. Нагого оденьте и обуйте. Находящегося в темнице (тюрьме) посетите. Каждый день дело доброе произве-

сти надо. Живите по Божьему Закону. Бог заповедал праотцу Адаму трудиться — в поте лица снести хлеб свой».

До революции дом деда Василия стал для странников, паломников и нищей братии бесплатной харчевней. Крестную Людмилу Васильевну с ее простотой, сердечностью, доброжелательством, милосердием, состраданием, гостеприимством знали люди-братия, промышленяющие Христа ради. А крестная была довольна тем, что она творит милостыню.

Среди нищей братии были разные люди. Одни из них — обремененные судьбой калеки: хромые, слепые, глухие, немые, не имеющие возможности заработать себе кусок хлеба и потому обреченные кормиться Христовым именем. Их общество не обеспечило прожиточным минимумом. Другие — слабоумные. Физически здоровые, но от роду не работающие, не знающие физического труда. Государство их не обеспечило работой, не заставило работать. Вот они и нашли себе способ пропитания — ходить по избам и кланчить кусок хлеба: «Подайте на пропитание хлебца, Христа ради». Нищая братия третьей категории — праздно болтающаяся нероботь, не приспособленные к жизни люди, часто неудачники, потерявшие веру в себя и пустившиеся в пьянку. Это были люди из разных социальных прослоек. Реже из крестьян. Эта братия свысока поглядывала на себе подобных и считала себя высшим сословием. Они просили: «Подайте на пропитание». Собранные куски хлеба продавали и на вырученные копейки покупали водку.

С переменой места жительства при переезде в Вологду в жизни тети Люши много изменилось. Это годы с 1917 по 1930-е. Время революции и культурной революции, в частности. Все братья, за исключением Александра и Николая, прошли через «чистилище» и на известные сроки побывали в тюрьме. По каждому из них она проливала слезы горести, когда уходили они за решетку, и слезы радости, когда возвращались.

Через некоторое время после смерти деда Василия крестная, переехав в Вологду, поселилась на улице Лассалья. Тетка (а нам — двоюродная бабушка) Троицкая Екатерина Александровна

обеспечила в своем флигеле квартиру всем братьям Турундаевским во время их учебы в Вологде. На семейном совете Турундаевских было решено обеспечить ей старость: «Тетку Катерину поддерживать вниманием, уходом, питанием».

Выполнение этой миссии доверили доброй душе тете Люше. Крестная со смирением приняла эту обязанность и выполняла ее до смерти тетки Екатерины.

Двоюродная сестра — Ольга Анатольевна Едская — после смерти отца осталась человеком, совершенно неприспособленным к жизни. Крестная жалилась над ней и поселила ее в свою комнату, помогала бороться за существование. Иногда кормила ее из своего скудного пайка.

В 1917-1930-е годы братья Анатолий, Афинодор, Константин, Афанасий, зять Николай с тетей Катей и многие другие знакомые побывали в тюрьме. Всех их тетя Люша проводывала, носила передачи, вместе с ними переживала горе. В 1930-е годы обеспечивала приютом мою мать Анну Александровну. Дала возможность детям дяди Афанасия учиться в Вологде, обеспечив их жилплощадью. Дядя Афинодор встретил в ее квартире последние минуты жизни. Нашел приют дядя Костя. Жил на чердаке и в дровянике, но все-таки под крышей. О своем брате Косте, оторванном судьбой от семьи, тетя грустила втихомолку. Дом на улице Лассаля навечно запомнится роду Турундаевских. В нем находили приют и гостеприимство три поколения.

Афанасий Васильевич Турундаевский

Афанасий Васильевич — младший сын деда Василия. Среднего роста, сухощавый, с крепкими мускулами, взгляд с прищуром. При разговоре как-то особенно произносил звук «с». Это не было пришепетыванием. С юных лет был требователен к себе. Следил за состоянием здоровья. По утрам занимался гимнастикой и обливался холодной соленой водой. Наблюдал за зубами (все зубы у него сохранились). Не курил, не пил вина, был вегетарианцем. Любимое его кушанье — овсяная крупянка.

Воспитание в семье деда Василия

На дядю Фоню сильное влияние оказала семья. Его отец и мать (в особенности), наши дед и бабушка, были религиозны до фанатизма. Для них, а дальше и для дяди Фони слова русской поговорки «Без Бога — не до порога» были догматом жизни.

Дядя Афанасий с детских лет отличался религиозной настроенностью. Мыслями парил в заоблачном мире. Молитву понимал как общение с Богом — Существом, создавшим мир, вселенную, космос. Он был убежденным христианином. Стремился уйти от мира в монастырь. Был аскетом. Изнурял плоть постом и молитвой. Христианскую идею понимал по внутреннему содержанию, а не с обрядовой стороны. От бабушки Ольги (его мамы) он унаследовал любовь к ближнему и основу христианской морали — «заповеди блаженства» и далее: «Оставь отца и мать свою и следуй за Мной».

Семинарский период жизни дяди Фони

Это период окончательного формирования взглядов дяди на окружающий мир и на жизнь. Из предметов, изучаемых в семинарии, основной интерес в нем вызывали Священное Писание, логика, философия и медицина. Дядя Фоня хотел познать сущность бытия человека на земле, понятия «душа», «вечная жизнь», «Царство Небесное». Он считал, что конечной целью существования человека является подготовка к загробной жизни, где нет ни печали, ни воздыхания. С этого времени начали проявляться у дяди эгоистические настроения и сугубый индивидуализм. Произведение Достоевского «Братья Карамазовы» оставило в его душе глубокий след. Духовные наставники XX века Иоанн Кронштадтский, Амвросий Оптинский, старцы и схимники Троице-Сергиевской и Троице-Печерской Лавры, Почаева и других монастырей своими проповедями о приближении времени антихриста и страшного суда создавали атмосферу, дыша которой человек как бы отделялся от мирских земных забот и жил иллюзией будущего небесного рая. Так получилось и с дядей Фоней.

Правда, изучая психологию и анатомию человека, он не обнаружил присутствия души, но исследовал органы, через которые человек познает окружающий мир. Через практическую медицину он имел связь с земным миром, а через молитву и религиозный экстаз возносился к небесному состоянию.

Период искания правды

По окончании духовной семинарии дядя Фоя был псаломщиком, носил длинные волосы до плеч и продолжал вести аскетический образ жизни. Он хотел быть бессеребренником и серьезно не поладил с настоятелем церкви, в которой служил. Изучая религиозное настроение общества, он дал оценку работе пастырей церковных:

— По данным книги «Исповедальные ведомости» явствует, что очень большой процент мирян (прихожан церкви) не выполняют христианского долга, не приходят на исповедь к попу. Наблюдаются случаи, когда отдельные граждане из мужчин по 15–20 годов не очищают свою совесть и не бывают в церкви. Души их черствеют, не слышат слова Божья, не испытывают чудодейственного влияния силы молитвы. Религиозность среди людей падает. Огонек христовой веры затухает в сердцах простых людей-груженников.

Надо прямо сказать, что в церкви люди не слышат пастырского слова истины. В церкви исполняются только обряды, да и то часто наспех. Пастыри больше заинтересованы материальными вопросами и не видят, что в души наших христиан просачивается чуждый дух, злой дух неверия, сомнения, неудовлетворенности. Как вы думаете, кто виноват в том, что наши церкви мало посещаются?

Совет дяде Фоне от деда Василия и родных братьев

— Афоня! Ты правильно понимай жизнь и Священное писание. В Евангелии сказано: «Живите как птицы небесные. Они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, а Отец Небесный питает их». Понимать эти слова в прямом смысле нельзя. Бог сказал

Адаму: «В поте лица снеси хлеб свой». Быть бессеребренником человеку невозможно. Начнешь жить самостоятельно, почувствуешь, что манна небесная с небес не сыплется без труда. Трудись, а за твой труд и награда тебе должна быть. Хочешь убежать от мира? Не советую. Во-первых, тебя в монастырь не примут. Молод идти на казенные хлебы. Во-вторых, страсти плотские тебя будут мучить. В-третьих, жизни не испытал и не потрудился на ниве Христовой, куда тебя готовили. У тебя мысли хорошие. Проведи их в жизнь. Женись. Принимай сан священства, иди на приход. Пять твоих братьев пошли по дороге отца. Так будь шестым попом в роде Турундаевских.

Близкие родственники сказали:

— Ты имеешь все данные быть служителем церкви Христовой. Нам кажется, что кроме службы церковной, ты никуда больше не приспособлен. Будь попом. Присмотри себе подругу жизни. Волнующаяся твоя душа успокоится. Когда будет семья, будешь человеком, как и все попы. «Объездят Карька крутые горки». Афоня! Посмотри на жизнь земными глазами!

Жизнь дяди Фони до вступления в семейную обстановку

Перед вступлением в семейную жизнь дядя Фоня некоторое время занимался проверкой состояния своего здоровья. Побывал он у терапевтов, хирургов, невропатологов, урологов и прочих. Беседовал с ними. Здоровье его признано хорошим. Не было никаких отрицательных факторов для вступления в брак и в семейную жизнь. Далее он имел беседу с архиереем о разрешении принять сан священника, не вступая в брачный союз. Архиерей указал на каноны православной церкви, где ясно сказано, что служители церкви (священники) должны состоять в единственном брачном союзе с девицей.

Некоторое время дядя Фоня был в раздумье. Организация своей семьи была для него проблемой номер один. Он сильно переживал, волновался, проводил бессонные ночи в размышлениях,

в молитвенном экстазе. Просил помощи Всевышней Силы в указании ему правильного пути. Усталый, измученный ночными размышлениями, засыпал к утру тревожным сном.

Изучил жизнь и обстановку семейных и одиноких своих братьев и, наконец, решил устраивать свою жизнь с семьей. Женился на Марии Николаевне Озерковой из Грибцова Кадниковского уезда Вологодской губернии.

Свадьба дяди Фони по воспоминаниям племянника Михаила Николаевича Баженова

— Была она в Вологде. Свадебный стол накрыли в большом зале, специально снятом для этого случая. Официанты были в белых перчатках и фраках. С невестинной стороны родственников приехало мало. Запомнил мать Марии Николаевны. Зато со стороны жениха собрались почти все во главе с дедом Василием. Дед сидел рядом с новобрачными и во время чаепития макнул указательным пальцем в чашку невесты. Дед любил шутить, иногда, бывало, и грубовато. Что значит эта примета, я до сих пор не знаю. Но запомнил, что невеста вспыхнула вся, а гости закричали «Горько!»

Продолжение свадебного стола было в Раменье у дяди Коли, за 12 километров от Вологды. До вокзала ехали на извозчиках, а дальше — до разъезда Заоникиево — в вагоне. День был ясный, теплый, солнечный, обстановка торжественная.

В Раменье тетя Серафима Николаевна устроила радостный прием. За столом было достаточно всяких яств, вина и елеч. Каждому — по потребности.

Все прошло чинно, весело и спокойно. Пели песни, проводили традиционные игры. Много шутили и чувствовали себя «в своей тарелке». Через два дня разъехались по домам. Дядя Фоня с тетей Маней сделали ответный визит родне. Так прошло две недели.

В сан священника дядю Афоню посвятили в церкви Афанасия Александрийского.

Когда разразилась война с кайзером, три брата Турундаевских Николай, Афинодор и Афанасий ушли в действующую армию

в качестве полковых священников. Почему дядя Фоя пошел на войну от молодой жены и детей? Что заставило его принять трудности военных походов? Он не был безмозглым царским сатрапом, а все же ушел. Был на передовой линии. Попал в плен. Жил на чужбине. После войны возвратился в Грибцово к своей семье. Служил священником.

Приход в Грибцово

В Грибцово была церковь Ильи Пророка. Престольный праздник — Ильин день. В приход входило несколько деревень. В церкви служили два попа, диакон и псаломщик. Прихожане — крестьяне, землепашцы, имеющие подсобное ремесло — катальщики. Земли грибцовские — тощие, бедные, холодные. Урожаи маленькие. Со своего клочка земли хлеба хватало до Рождества. Мужики и парни на зиму уходили на отхожий промысел. Катали валенки. Крепкие хозяева организовывали валяльное производство в специально оборудованных помещениях. Женщины в свободное время занимались плетением кружев коклюшками на специальных подушках. В Грибцове были и бедные, питающиеся некоторое время года Христовым именем. С корзиной в руках выпрашивали хлеб на пропитание.

Дядя Фоя, видя просящих милостыню ради Христа, готов был отдать все, что имел. Но вставал другой фактор жизни — семья. Еда, одежда и прочие потребности заставили пересмотреть отношение к «бессеребренничеству». Жизнь потребовала справедливого взгляда на земные естественные нужды. Манна с небес не сыпалась. В семье появлялись неувязки, нервозность.

В Грибцовском приходе были люди, одаренные певческим голосом. Любительским церковным хором руководил псаломщик Трапезников Павел, выходец из монастырских послушников. В праздничные и воскресные дни церковная служба сопровождалась слаженным многоголосым пением хора. Пели по нотам, что было редкостью в сельской местности. В каждый праздник дядя Фоя выступал перед верующими с пастырским словом.

Во время религиозных движений он твердо занял позицию патриарха Тихона и в последствии примкнул к группе староцерковников. Дядя Фоня был начитан. На религиозных диспутах выступал в защиту религии. Его много раз арестовывали, сажали в тюрьму. Обрато выпускали, а затем потеряли.

Взаимоотношения с семейниками

Дядя Фоня любил и уважал свою семью. Да, любил, но «странною любовью». Он стремился в первую очередь создавать хорошие санитарно-гигиенические условия. В Вологде, у крестной, там, где жили Леля и Шура, позаботился об удобстве квартиры. Не было форточки — он сделал. Дверь скрипела немилосердно — под «пята» подложил кусок кожи. Из легких реек сделал подставку под матрац для приезжающих. Починил мостки около дома и так далее.

Мало времени пришлось ему побыть вместе с женой и детьми. Жизнь складывалась так, что он был оторван от близких. Но свое воспитательное влияние на детей он стремился оказать даже через мертвые, неодушевленные предметы.

Из Грибцово была привезена настольная лампа под металлическим абажуром. На абажуре дядиной рукой выцарапана надпись: «Леля! Будь всегда правдива, люби труд». На жестяной коробке из-под ландрина, на мыльнице и зубной щетке можно было встретить подобные изречения воспитательного характера. Так же и на книгах, альбомах, открытках. Любая вещь отражала любящую, заботливую руку отца.

Отношение к современному техническому прогрессу

У дяди Фони в доме был радиоприемник. На шест антенны прикреплен зеркальный крест, блистающий в ясные дни на далекое расстояние. Это говорит о том, что дядя Фоня следил за новейшими достижениями науки и техники. Не пугался и не чуждался технического прогресса.

Набор деталей для сборки детекторного приемника он подарил своему племяннику Мише Баженову.

Дядя говорил:

— Открытия, сделанные наукой, через технический прогресс должны быть преданы народным массам для их пользования и всеобщего блага. Мы очень мало знаем природу и тайны окружающей жизни. Надо, работая, на ходу учиться.

Отношения с народами

Дядю Фону считали в Грибцове человеком высоко образованным, с широким кругозором знаний. Знали его как оратора, способного участвовать в диспутах. Знали как медика, лекаря, оказывающего действенную помощь. Знали его как наставника, способного успокоить мятущееся сердце. Слыл он в Грибцове великим проповедником слова Божия. Много было у него поклонников и поклонниц. Отец Афанасий — человек не от мира сего. Современники не понимали его психического состояния.

Трудные дни жизни дяди Фони — борьба мотивов

В декабре 1927 года XV съезд партии указал путь развития народного хозяйства. Дал санкцию к революционному наступлению на идеологическом фронте для расчистки пути по укреплению новой общественной формации — социализма. Были запрещены диспуты и дискуссии по религиозным вопросам. Считалось ясным, что религия есть «опиум народа» и дискутировать не о чем. Вопрос о религиозных идеологах поставлен был как о врагах, тормозящих построение социализма. А если враг не сдается, то его уничтожают.

В 30-е годы дяде Фоне пришлось испить горькую чашу. Он сидел в тюрьме на Архангельской улице. Крестная носила передачи. Он умудрялся и там не терять бодрости духа. Во время прогулок во дворе на свежем воздухе занимался гимнастикой. Однажды обнаружилась в корзине, в которой носили передачи, загадочная

записка: «У Афанасия Александровича сняли главу». Лишь впоследствии узнали, что его остригли.

Положение служителей культа в 30-х годах было катастрофическим. Церкви закрывали, а попов отправляли в «уютные места», в леса, подальше от кипящей жизни и стройки нового быта. В тяжелом положении были семьи. Материальный вопрос поджимал. Детей в школу не брали. Появился лозунг: «Спасайся, кто как может».

После освобождения из тюрьмы дядя Фоя заболел, уехал лечиться в Уфу «на кумыс» и пропал без вести. Можно предположить, что он ушел из семьи, чтобы освободить близких от неприятностей преследования. Остались в семье жена Мария Николаевна и дети: Ольга, Шура, Сергей и Николай. Материальное положение было крайне тяжелым. Существование стало возможно за счет брата Марии Николаевны — Леонида Николаевича Изеркова, ректора Пермского университета.

В 60-е годы выяснилось, что дядя Фоя жив и находится в Загорске. Принял монашество под именем Александр. Его посещают старые поклонницы из Грибцова. В 1965 году паломницы сделали дяде Саше Беляеву передачу. Разговаривать не захотели. Я попробовал липовый мед дяди Фони. Его состояние здоровья соответствовало возрасту. К церковной службе он выходил. После смерти дяди Саши я получил небольшую реликвию «Христос в терновом венце» с надписью: «Слава, Господи, страстям твоим!» Надпись сделана на обороте рукой дяди Фони. Почерк устойчивый. Дрожания руки незаметно. Просит помянуть усопшую девицу Людмилу.

Воспоминания о дяде Фоне

— Я встретил дядю Фоя в году 1911 или в 1912 в селе Воздвиженском. Он был человеком, полным жизни и энергии, стремящимся разбудить в людях добрые чувства взаимопонимания и уважения друг к другу. Он хотел, чтобы дети развивались все-сторонне. Однажды он заметил, что я заинтересовался его камертоном. Держал камертон в руках, подносил к уху, ударял о руку,

ставил на стол, слушал звук и потихоньку его воспроизводил. В общем, возился я с камертоном, как мартышка с очками или как медведь с чурбаном. Дядюшка говорит: «Шура, у тебя есть любознательность, есть музыкальный слух, есть голос. Видимо, пойдешь в белаяевскую породу. Занимайся, милоч. Толк получится. Помни пословицу: „Терпение и труд все перетрут“».

Кажется, это простой разговор, а на меня совет дяди оказал направляющее действие. В Вологде я начал серьезно заниматься музыкальной грамотой. Научился играть на народных музыкальных инструментах, на скрипке. В 30-е годы скрипка давала мне «хлеб насущный». Я запомнил наказ дяди Фони — «Будь мастером на своем деле».

В один из приездов дяди Фони с тетей Маней на Пучку дядя Фоня говорил: «Учись глазами видеть, ушами слушать, а сердцем понимать жизнь».

В тот момент он был сильно взволнован. На граммофоне проигрывал пластинки с громкой музыкой наподобие «Персидского марша». А тетя Маня научила меня играть на балалайке песенку «Во поле березонька стояла».

Прошло много времени. Освоил я технику игры на народных инструментах. Руководил оркестрами, участвовал с учениками в художественных олимпиадах с большими репертуарами. Много поставлено концертов, а песни «Калинка» и «Во поле березонька стояла» остались любимыми.

В 20-х годах я был в Грибцове. Из обстановки запомнился мне один предмет — барометр. Дядя объяснил, что этот прибор предсказывает погоду.

При встрече в Вологде, когда я работал на телеграфе, он загадочно сказал: «Ты умеешь делать приемники? Услышишь по радио фамилию Троцкий, послушай и запомни его слова».

Пошутили и дружелюбно расстались.

Екатерина Васильевна Баженова (Тюриндаевская)

Моя родная тетя, дочь деда Василия, родилась в 1870 году. Росту она была маленького, с черными глазами, боязливая, болезненная, будто бы запуганная и забитая, с натянутыми, как струны, нервами. Она всегда чего-то остерегалась, боялась. Она росла и воспитывалась в такие годы, когда принято было думать, что грамота и образование для женщин необязательны. Была бы девушка здоровой, хозяйственной, способной выполнять семейные обязанности и стать матерью. Тетя Катя в школу не ходила и только дома научилась немного читать по слогам и писать каракулями, крупным шрифтом. Тетя Катя получила религиозное воспитание и твердо соблюдала заповеди Божии. Отправляла постные дни недели (среду и пятницу), держала посты. Она была человеком доброго сердца, любила людей, никогда не отказывала нищим, считала своим долгом накормить голодного, лечить больного, успокоить в горе. Жизнь ее до замужества прошла в домашних хозяйственных делах. Все окружающие события есть промысел Божий. Кому какая судьба достанется? Что на роду написано, то и будет. «Без Бога — не до порога». Смирение, кротость, непротивление злу были заложены традиционным воспитанием.

Тетя Катя вышла замуж за Баженова Николая Апполинарьевича. Тетя Катя и дядя Коля (отец Николай Баженов) жили в селе Дары, в 12 километрах от Грязовца, недалеко от железной дороги. Приход был бедным. Средства к существованию добывались, главным образом от сельского хозяйства. Были у них лошадь (хорошо откормленная), несколько коров с телятами, овцы и куры, небольшой садик (десять яблонь). Землю дядя обрабатывал сам, без наемного труда. Земельный участок примыкал к усадьбе вице-губернатора Вологодской губернии.

Дядюшка имел своеобразный, крутой характер. С простыми людьми он был гордым и нервным до истерики. Смотрел на мужиков свысока. Вид у него благообразный, представительный, в обществе — грубоватый. Не признавал шуток. По положению дядя был законоучителем в школе. С учениками суров, строг.

Применял физические меры воздействия — и за ухо, и за подволоски. Прихожане, просто говоря, боялись его. Шумно он с ними разговаривал. Отец Николай был глубоко религиозным человеком. Службу правил по уставу церковному. Проповедовать слово Божье не считал своим долгом — это дело миссионеров. Его обязанностью было требоисправление и служба в церкви. Жил он в своих Дарах почти безвыездно. Круг его интересов узок. Читал он только церковную религиозную литературу и журналы, выпускаемые Синодом: «Кормчий», «Паломник», «Церковные ведомости», «Епархиальные ведомости». Его прихожане в вопросах общественной жизни стали разбираться лучше своего пастыря. На грубость и строгость своего попа стали отвечать грубостью и в церковь перестали ходить. Стадо духовных овец стало разбегаться.

*Женский праздник дореволюционной России —
Богородицын день (8 сентября по старому стилю)*

В сельской местности лето — страдная пора. Одна работа сменяет другую, подгоняя и торопясь. После сева яровых посадка картошки, сев корнеплодов, вывозка навоза, сенокос. Незаметно летит время, а в конце лета наступает «бабье лето» (с 1 по 8 сентября по старому стилю).

С Семенова дня до Богородичного дня в сельском хозяйстве была самая жаркая пора: копка картошки, жнивья, уборки хлебных культур с полей. Женщины в это время работали, не разгибая спины. А вот день 8 сентября был для всех женщин праздником — Богородицыным днем. В этот день не работали.

Тетя Катя особо отмечала Богородицын день. Утром рано справляла хозяйственные работы по дому, пекла пироги и, одевшись в праздничное платье, шла в церковь помолиться Богу. Так же поступали и многие женщины из деревень.

После обедни в домашней обстановке накрывали столы. Многие женщины, доброжелательницы и подружки по возрасту, приходили навестить матушку. Дядюшка, отец Николай, служил молебен, и все присутствующие торжественно пели: «Рождество

твое, Богородице дево, радость возвестит всей вселенной. Из тебя возсия солнце правды Христос Бог наш и, разрушив клятву, даде благословение и, упразднив смерть, дарова нам живот вечный... Пресвятая Богородице, спаси нас». Пели с умилением, с чувством и искренней верой.

В конце молебна целовали крест, икону Богоматери и подходили под благословение к батюшке. Дядюшка поздравлял с праздником. Затем кропил святой водой яства, питье на столах, и люди, усаживаясь за стол, приступали к праздничному обеду. Спиртных напитков никогда не было за столом. В спокойной обстановке ели, пили чай и вели мирный разговор на житейские хозяйственные темы.

Обряд религиозный на некоторое время создавал атмосферу, в которой успокаивались человеческие страсти и чувства, забывались невзгоды, трудности жизни. Так было до революции на Русской земле.

Тетя Катя – матушка отца Николая

Это было в 1900-х годах. Дядя Коля (Николай Апполинарьевич Баженов) принял сан священника и назначен был в церковь Ильи Пророка села Дары Грязовецкого уезда Вологодской губернии. Поповка, где жили церковные служители, находилась в полукилометре от церкви. Дядя построил дом и завел небольшое хозяйство. Так началась семейная жизнь. Первые годы у них была домработница, которая управлялась со скотом. А тетя вела кулинарное дело.

Тетю Катю как молодую матушку прихожане очень уважали. Она была приветливой. Знакомилась с бытом крестьян. Всегда находила темы для разговора. Тетя Катя имела познания в области медицины. Были у нее дома лечебник, аптечка с лекарствами, так что она могла оказать помощь страждущему человеку. Летом тетя собирала лекарственные растения, сушила, приготавливала отвары, чай, порошки. И редкий день к ней кто-нибудь не заглядывал. Она нужна была людям как лекарь, как советчик, как Человек с боль-

шой буквы. В праздники матушка — желанная гостья в любой семье. Для хозяев было счастьем, если матушка зайдет к ним, попьет чайку, поговорит. Тетя Катя отличалась стремлениями к народничеству, просветительству, была усердной заступницей обиженных. Доброй души человек.

Село Дары

В 1900-е годы село представляло собой захолустное лесное поселение. Приход церкви Ильи Пророка состоял из десяти маленьких деревень. Крестьяне — бывшие крепостные помещика, усадьба которого находилась рядом с церковью. Избушки крестьян были маленькими, с тулошными окошечками. Печки — без труб, отопление — по-черному. В избах держали скот. Грязь, духота, вонь от животных. У домов — соломенные крыши. Население сплошь неграмотное. Школы не было. Грамотеи встречались среди стариков — отставных солдат. Свирепствовали болезни: корь, коклюш, оспа. Среди населения была большая смертность. Царили темнота, невежество, отсутствовала всякая культура. Колдуны, ворожеи, знахарки терроризировали народ, держали в страхе.

Крестьяне имели малые наделы земли. Подзолистые поля получали недостаточно навоза. Урожаи хлебов были низкими. Многие престарелые люди и дети ходили с корзинкой в руке, просили милостыню и питались «Христа ради».

Орудиями обработки земли были деревянная соха, деревянная борона, деревянное молотило. Домашняя утварь — чашки, ложки, поварешки и т.п. Все из дерева: прялки, веретена, трепала. Обувь — лапти, одежда — из домотканины. Население по экономике — голь перекатная.

Дядя Коля, получив приход с полуголодными духовными овцами, нервничал (доходов почти не было), а затем занялся сельским хозяйством, которое стало основным источником дохода.

Семья дяди Коли и тети Кати Баженовых

В 1900 году в семье родился сын Михаил. Пришли в семью и радость, и горе. Ступни ног у мальчика были развернуты внутрь. Медицина оказалась бессильна. Мальчик так и рос косолапым. Не ходил, а только ползал. Прошло время. Ноги окрепли, и малец заковылял.

В семье был только один ребенок, и поэтому все внимание родителей обратилось на него. Мишу лелеяли, оберегали от вредных влияний. С деревенскими крестьянскими детьми он не общался. Покровительствовала над ним семья вице-губернатора. В их дом Миша часто заходил к своему ровеснику, с которым они вместе играли. По сравнению с крестьянскими детьми Миша развивался быстрее. Его детский кругозор был шире. Читать он научился еще до школы. Воспитание в семье отличалось религиозностью. День начинался с утренней молитвы, каждое дело — с Божьего благословения. Кончался день молитвами на сон грядущий. И так шли дни за днями, годы за годами. Баженовы держались лозунга «Без Бога — не до порога» и не заметили перемен в жизни общества. На одном религиозном фанатизме далеко не уедешь. Где сядешь, тут и слезешь. Народ сказал: «Бог-то Бог, да будь и сам не плох». Такие наступили времена.

Из письма Миши от 24 марта 1969 года

«Как было бы хорошо, если бы жива была мама. Я часто сожалею о том, что огорчал ее при жизни. Но она все мне прощала и любила меня. Я тогда не очень ценил это. Отца я меньше вспоминаю и жалею, хотя он много выстрадал безвинно в последние годы жизни... Так сложилась моя жизнь, что не знаю, благодарить ли мне судьбу, что она наградила меня большим семейством, или печалиться от этого. Дело в том, что я в детстве и в юности жил в маленькой семье, был одиночка и неженка, а вот теперь в зрелые годы испытываю все трудности содержания большой семьи».

Константин Васильевич Турундаевский

Мой родной дядя по отцу. Человек среднего роста, крепкого сложения, с развитой мускулатурой. Любил крепко пожать руку. Глаза карие. В чертах лица наблюдалась скрытая улыбка. При серьезных разговорах у него широко открывались глаза, в голосе появлялись резкость, твердость и убежденность в высказываемых суждениях. Он считал неоспоримыми приводимые им доказательства. Характер у него вспыльчивый, горячий, но отходчивый. Дипломатические разговоры не всегда у него получались. Люди, знающие его характер, не обижались на прямоту и резкость суждений. В душе дядя был добрым, внимательным и отзывчивым человеком. Он окончил Вологодскую духовную семинарию. Был диаконом в Спасо-Всеградском храме города Вологды, а потом служил священником в Крестовоздвиженской церкви около села Кубенского до 30-х годов.

В семье деда Василия детям давали религиозно-трудовое воспитание. Отсюда у дяди сложился свой взгляд, и появились свои искания в жизни. Он видел, что прожить доходами и сборами с прихода трудно, и решил сделать свое сельское хозяйство рентабельным, доходным, выгодным. Применил племенное улучшение стада. Лошади у него были с казенных заводов (Спасское-Куркино недалеко от села Кубенского). Первым в округе завел свинью английской породы и выкармливал поросят по 18 пудов весу. Имел коров ярославской породы и романовских овец.

Среди населения дядя пользовался авторитетом. К его словам прислушивались. В решении хозяйственных вопросов люди брали с него пример. В начале революции хозяйство дяди считалось культурным и первое время не облагалось особым налогом. С гражданами своего прихода у дяди было полное взаимопонимание. Он слыл хорошим хозяйственником и давал толковые советы по вопросам рационального ведения сельского хозяйства. По его совету в приходе стали заниматься улучшением садоводства, ягодничества, огородничества и полеводства с подсевом трав — вики,

timoфеевки и клевера. Показ возделываемых культур был лучшим средством агитации.

Дядя Костя был человеком энергичным, жизнерадостным, подвижным, предприимчивым, хорошим наездником. Выражаясь современным языком, дядя Костя любил спортивно проехать на лошади. Каждый день он устраивал променад своей лошади на выезд. Особенно зимой. Запряжет лошадь в легкие санки и делает проезд-путевочку километров на пять. Так он отработывал ход лошади. До революции кони дяди Кости считались лучшими в округе около Кубенского. Бывал он на своей лошади и на беговых дорожках в селе Спасское-Куркино, как опытный наездник, получал призы и дипломы на лошадь. Дядя Костя ездил верхом, как добрый кавалерист. «Из седла не вышибить нашего попа», — говорили прихожане. Красиво сидел в седле. Лошадь чувствовала седока. А наездник, зная характер лошади, умел управлять ей. С требами в дальние деревни дядя выезжал верхом. Экономил время, рассуждая так: «На кляче проползешь целый день, а на своей лошади управисься за два часа».

Зимой во время ночных поездок дядя пользовался фонарем «летучая мышь». Привяжет фонарь к оглобле около дуги (жестким креплением) и таким путем освещает дорогу, как современная автомашина фарами. В то время это казалось диковинкой.

Дядя Костя не был фанатиком, но не был и материалистом. Считал, что религия нужна человеку для самосовершенствования, а религиозный закон — заповеди блаженства — положены в основу жизненного быта. Сложившуюся обстановку по отношению к церкви он считал Божьим наказанием — испытанием для очищения душ и телес наших от всякой пагубы.

Многие религиозные люди приходили к нему на совет. До революции прихожане считали попа своим главным идеологом. В народе, особенно среди женщин, была сильна вера в Бога. Сказывалось религиозное воспитание старого поколения.

К событиям государственного переворота дядя был подготовлен в том отношении, что старый строй будет перестроен, а как по-новому будет протекать жизнь, ясно не представлял.

В 1917 году, в период революции, гражданская власть к дяде никаких гонений и репрессий не применила. Его отношение к власти определялось лозунгами: «Всякие власти от Бога учинены суть», «Воздадите убо кесарю — кесарево, а Богу — Божье».

В трудовое пользование он получил землю согласно местным нормам и пользовался этой землей до 30-х годов. Участок обеспечивал его прожиточный минимум. Гражданские власти и партия предлагали дяде отречься от церкви, снять сан и обещали предоставить ему хорошую работу, обеспечивающую спокойную жизнь. «Будешь у нас работать как агроном. Ты много знаешь по сельскому хозяйству, и у тебя получается. Нам польза будет. Мы у тебя учиться будем». Дядя Костя категорически отказался принять предложение.

Во время церковных религиозных движений 1917–1930-х годов дядя Костя примкнул к староцерковникам с главой патриархом Тихоном и считался «тихоновцем», выполняя службу по старому дедовскому уставу.

Семейное положение

Семья дяди Кости состояла из 4 человек. Жена Елизавета Петровна родом из села Устья-Кубенского, дочь диакона Петра Попова. Женщина умная, образованная. Окончила епархиальное училище с оценками «отлично», имела математические способности. Изучила счетное дело и работала бухгалтером в потребительской кооперации до 30-х годов. Его сыновья Пантелеймон и Алексей росли в пору социальных переворотов. Трудная доля им досталась. В школу их не принимали до всеобуча. Учились они дома по методу самообразования. Создавшееся положение научило их самим добывать знания, пробивать путь в жизни, приобретать профессию. В Вологде они окончили школу 2-й ступени.

В 1917-1930 годах для лиц духовного звания сложилось положение «спасайся, кто может!». Буря Отечественной войны застала их в Ленинграде, где они погибли в блокаду. Потомства после дяди Кости не осталось.

Трудный период жизни дяди Кости

В период подготовки крестьянских масс к коллективизации хозяйство дяди было отнесено к группе нетрудовых как поповское, обложено индивидуальным налогом и за неуплату налоговых платежей в положенные сроки хозяйство было ликвидировано. Имущество продано с торгов, дом и домашний скот переданы колхозу. Дядя оказался «пролетарием» и уехал в Вологду, где устроился работать истопником в одну из поликлиник, а тетю Лизу с детьми Паней и Алешей приютили сестры тети Лизы — Александра, Марья, Ольга и брат Сергей Поповы.

Дядя жил в общежитии, так как квартира Поповых была маленькой, тесной. А главное, он оказался ненужным своей семье. Даже когда приходил, был нежелательным гостем. Дядя Костя стал отщепенцем, почувствовал одиночество — состояние ненужного никому человека, лишнего среди людей. Он быстро потерял физическую силу. Нервная система стала расшатываться. Потерялся нормальный сон. Появились головные боли, ночью кошмарные сны и галлюцинации. Он потерял веру в самого себя и надежду на восстановление нормальной человеческой жизненной обстановки.

— Не рак, не рыба, не морская гадина. Видимо, рак на мели. А работать надо.

Зимний отопительный сезон в поликлинике закончился. Дяде предложили быть конюхом-возчиком-грузчиком, перевозить грузы по городу. Лошадь дали сильную, крепкую, но с безобразным норовом. Куда наплет, не своротишь. Как говорит русская поговорка: «На бедного Макара с неба шишки валяются».

Дядя возил грузы по городу и организациям. Однажды, везя воз, лошадь встала на дыбы, бросилась на забор-палисадник и сломала ногу. Лошадь была орловской породы и стоила больших де-

нег. Этот факт посчитали вредительством. Трибунал его судил при закрытом заседании, и на этом закончилась история дядиной жизни. Приговор суда остался неизвестным. Дяди Кости после этого никто не видел. Суд был в 1937 году. После суда на квартире тети Люши (по улице Лассалья, дом 27), где временно проживал дядя Костя, был повальный обыск. Все имущество, не принадлежащее крестной, было реквизировано и продано в покрытие убытков стоимости лошади.

Воспоминания о семье дяди Кости

Тетя Лиза в Вологде сначала устроилась на работу в подсобное хозяйство. Выращивала огурцы и другие овощи. В дальнейшем ей удалось устроиться учительницей в школу для взрослых, а потом работала библиотекарем. До пенсии в 150 рублей она так и не дослужила. Стаж был достаточный, а возраст не подходил. В конце декабря 1941 года она заболела сыпным тифом и в январе 1942 года умерла в больнице. Тетя Лиза имела спокойный рассудительный характер. В семье она была умиротворительницей бушующих страстей. Находила выход в трудно складывающейся обстановке. Не поддавалась отчаянию. Влияла на своего мужа дядю Костю, который был порывистым в своих действиях.

Алексею пришлось по окончании 2-го класса начальной школы из Воздвиженья переехать в Вологду. Дальше учиться в школе ему как сыну попа, не разрешали. Леля был мальчиком серьезным, сосредоточенным, замкнутым, малообщительным (гулять не любил), в свободное время что-либо мастерил или читал книги. После окончания школы в 1938 году поступил в химико-технологический институт имени Ленинградского совета. Война в 1941 году застала его на четвертом курсе. Погиб он в действующей армии под Ленинградом.

Паня (Пантелеймон) по характеру был спокойным, жизнерадостным, подвижным, веселым. Ему не удалось устроиться на постоянную работу в Вологде — не принимали. Временно определился в лес. Сам себе пробивал дорогу в жизни. Строил дороги

Александр Иванович Беляев.

Фото нач. XX в.

Архив А.А. Турундаевского

в Ленинграде. Окончил курсы, женился и до начала войны работал техником. В 1941 году по мобилизации его взяли на фронт. Погиб Паня при обороне Ленинграда.

Беляев Александр Иванович (1842-1910)

Род Беляевых известен с 1729 года.

Александр Иванович жил во времена крепкой религиозной веры при жизненном лозунге «Без Бога — не до порога». Принадлежал к сословию «духовных». Окружающие массы народа вели хозяйство натурального вида. Все необходимое для жизни получали от своего хозяйства: хлеб, одежду, обувь. Патриархальный семейный быт утверждался на законах совести и на морально-нравственных христианских указаниях. Поп был человеком, без которого не обходилось ни одно серьезное трудное дело. Песня пелась: «С попом мы родились, с попом мы живем, с попом повенчались, с попом и умрем».

Елена Александровна (1867-1931) — тетя Лена (в замужестве Каплина) — старшая дочь в семье деда Александра Беляева. Она была среднего роста, пикнической конституции, полная, с короткой шеей. Трудолюбивая, бережливая и в то же время очень добрая женщина, прекрасная портниха. Сложные фасоны знала безукоризненно: кринолины, бисерную вышивку. Когда дети были маленькими, тетя ногой качала люльку, а руками шила заказы и для себя. Богатства не имели, а детей учить надо. Тетя умела только написать свою фамилию. Училась, когда преподавали азбуки, веди и так далее.

Муж Елены Александровны, мой дядя, Митрофан Константинович Каплин, имел духовное образование. Окончил Вологодскую духовную семинарию и служил священником в приходе Семистрельная. Он был человеком исключительной доброты. Родом из бедной семьи. Во время учебы жил на бурсе. Здоровьем не богат. У него всю жизнь наблюдались желудочные боли. Умер 59 лет от рака желудка.

Иногда Елена Александровна сетовала на своего мужа, если он приходил из церкви без гроша: «Уж, отец, ты скоро семью по миру пустишь». А он только скажет: «Не могу ж я просить с них, когда ребятишек куча — и наги, и босы». Тетя, конечно, больше не возражала.

Наемной силой никогда не пользовались. Какую землю имели, сами обрабатывали. Когда не было коня, брали из деревни Петрильщево мужика с лошадей. Мужики — косая сажень в плечах, а лодыри, каких поискать. Они только и ждали, когда поп позовет пахать. Напоит, накормит и заплатит хорошо. Елена Александровна каждый день выпекала квашню хлеба и кринку опарную пирогов. Собиралась семья по шестнадцать человек, и Елена Александровна успевала со всеми справляться.

После смерти мужа тетя Лена жила несколько лет у Семистрельной. Потом продала дом и переехала в Вологду на Подлесную улицу к дочери Тоне. Умерла тетя Лена от сердечной водянки 64 лет от роду.

Пантелеймон Митрофанович Каплин

Родился 3 июля 1886 года в селе Вожбал Тотемского уезда Вологодской области. У него от рождения правая ступня была уродливой, и потому он хромал. Видимо, мама его ушибла, когда носила в утробе. В 1898 году окончил Покрово-Пурхаловскую школу и поступил в духовное училище в Вологде. Окончил училище в 1902 году и поступил в семинарию. Из второго класса в числе 80 семинаристов был уволен за бунт. Они протестовали против проекта Учебного комитета при Священном Синоде о преобразовании

духовной семинарии в пастырскую школу. В 1907 году назначен псаломщиком в Воскресенскую церковь Вологодского уезда. Женится в 1912 году, но в супружестве жил один год. Овдовел. Жену звали Александра Ивановна Смирнова. Она была из крестьян. Детей не осталось. Больше не женился. Приход был бедный, маленький, не обеспечивающий прожиточного минимума. Пантя занялся приработком. Научился столярному делу и стал настоящим столяром. После смерти отца Пантелеймон переехал к Семистрельной и помогал маме хозяйствовать. Так протекала его жизнь. Когда у мамы взяли землю под какое-то конное хозяйство, маме с Пантелеймоном разрешили продать дом, и они переехали в Вологду. Мама жила у дочери Сони, а потом у дочери Тони, где и умерла. Пантелеймон жил у сестры Евстолии, работал в мебельной мастерской. В 1938 году в беседе со случайными людьми рассказал анекдот про Сталина и вечером был арестован. Осужден на 8 лет лагерей, выслан на Белое озеро, где и погиб 1941 году.

Евстолия Митрофановна Каплина

Родилась 5 июля 1887 года в селе Возбал Тотемского уезда. Детство прошло как у всех наших, а выросла и стала первой помощницей маме: стирала, мыла полы, коров доила, во всем маму поддерживала и водилась с маленькими, которые родились. Начальную школу окончила в Пурхалове в 1896 году, а в 1902 году Вологодское епархиальное училище. Сначала жила дома, а потом ее назначили учительницей в Аксентьевскую школу. Затем перевели в Коробовскую школу в Вологодском уезде, откуда мешками возили домой клюкву и сушеные грибы. Толя была мастерица брать клюкву и морошку. В 1921 году вышла замуж за Василия Петровича Гусева. Муж был намного старше Толи. Работал он в милиции, а потом агентом по увеличению фотографий. После ареста Пантелеймона арестовали и Василия Петровича, так как он присутствовал за столом во время разговора.

До замужества тетя Толя бывала у нас на Пучке. Интересен ее разговор-выговор. Она произносила слова очень быстро. Однаж-

ды Тоня с Кланей были в лавке. Толя спрашивает: «Дайте мне вязальные прутки» (спицы). Продавец отвечает: «У нас нет вязаных портков».

Ее муж, Василий Петрович, до революции служил чиновником в каком-то учреждении. Взгляды его были мелкособственническими. Имел он дом с земельным огородным хозяйством, корову, и все его интересы связаны с рынком. Никакой идейности он не признавал. Был скопидомом.

У Евстолии и Василия Петровича было двое детей — сын Сергей и дочь Ангелина. Сергея вскоре взяли в армию. Ангелина окончила медицинские курсы. Была демобилизована на фронт и служила на санитарном поезде. Сергей — сейчас в Перми, а Ангелина — в Погорелове Вологодского района, на пенсии. Живет с сыном.

Ангелина узнавала, за что был арестован отец. И прокурор (седой старик, очень интеллигентный, видимо, сам бывал «там») помог найти концы. Ей пришло письмо из Ленинградского военного округа, где указывалось, что Василий Петрович Гусев осужден по ложным показаниям и после смерти реабилитирован. Выдали семье 90 рублей денег. Погиб Василий Петрович на Севере, в местечке Медвежья Гора. Ему был дан 20-летний срок. Во время ареста ему было 60 лет.

После ареста Толя продала дом и хотела уехать к брату Клавдию Митрофановичу в Майкоп. Началась война. Новый хозяин переехал, занял дом, а денег не заплатил и выжил ее из дома. Жили они с Ангелиной на частной квартире. Не хлопотали. Боялись ареста. Так и остались без денег и без дома. Толя работала в бане, в санпропускнике. В 1947 году умерла. Похоронена была в Вологде на Введенском кладбище.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Города, церковь и монастыри владели 0,1 % процента северных земель. Составная часть частного землевладения занимала 0,003 %. Надельные крестьянские земли составляли 0,4 %¹. Около 80 % населения были крестьянами — христианами, православными земледельцами. Особенно остро недостаток пахотных площадей в личном и общинном владении ощущался в пределах Каргополья и Вологодчины. Со временем — всё большее значение в экономике приобретала лесная промышленность, но в каждой местности складывалась своя ремесленная или промысловая специализация, являющаяся дополнительной по отношению к сельскому хозяйству и основанная на преобладающих природных ресурсах.

В невыгодном материальном положении находились семьи, потерявшие кормильцев во время войны с немцами или же не имевшие детей мужского пола. В 1917–1920 гг. экономическое неравенство побуждало активистов из молодежи и демобилизованных солдат к стремлению перераспределить общинную землю «по справедливости» — по количеству едоков, а не на «душу» (мужчину) и «полдуши» (женщину). Распределение земли на «душу» и «полдуши» было отменено в честь 300-летия Дома Романовых, но любая попытка реформирования уклада «сверху», даже из самых благих намерений, объективно способствовала разрушению основ крестьянского быта и дестабилизации общественной жизни.

Во время войны 1914–1918 гг. катастрофически нарастало недоверие народа к правительству и официальной церкви. Священ-

¹ Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г. СПб., 1895. Вып. 1. С. 6.

ники нередко отождествлялись с государственными чиновниками. Между тем, среди духовенства появлялись молодые деятельные священники, остро сознающие необходимость экономических перемен в деревне и помогающие пастве эффективно организовать хозяйственную деятельность: сеять лучшие семена, вводить агрономические новшества, разводить пчел, создавать кооперативы и общества взаимопомощи. Не миновал сельских клириков интерес к новым идеям и ценностям. Коммунизм для атеистов — это свобода от власти религии, а для обновленцев — возврат к идеалам равенства и братства, свойственных раннему христианству. Революция в деревне имела ярко выраженное духовное содержание и объединила силы, противостоящие государственной власти: молодежь, не желающую жить по-старому, ссыльных, бедняков, духовную оппозицию, староверов, сельскую интеллигенцию. Каждая социальная группа надеялась в результате модернизации деревенского уклада решить свои политические и экономические задачи, но в проигрыше оказались все. Кратковременная либерализация жизни и опьянение свободой привели к похмелью смуты и катастрофе Гражданской войны. В Каргополье и Вологодчине крестьяне жили беднее, чем в Кенозерье, Лекшмозерье и Поонежье, а потому их социальная активность была наиболее интенсивна и политизирована. На Русском Севере в целом Гражданская война имела локальный и вялотекущий характер. В Онежском уезде «белые с красными в одних окопах сигарки курили». Враждующие стороны стремились «разбудить» крестьянство, втянуть его в классовую борьбу.

Укрупнение территориального деления, облегчающее административное управление волостями, подразумевало размывание представлений о собственности, о земле «своей», обрабатываемой («куда рука ходила») и «чужой». «Всё вокруг советское — всё вокруг мое», а следовательно ничье. Пусть лучше ничье, чем моего соседа. Развитие этой логики объясняет происхождение в современных селах, деревнях и погостах заброшенной с колхозных времен техники, разрушающихся ферм, заросших полей. Феномены общинного сознания в новый исторический период, лишенные

идеала соборности как выражения христианской любви, оправдывают воровство в прошлом и коррупцию в настоящем: «Если от многого взять немножко, то это не кража, а дележка»; «Что с возу упало, то пропало».

Стремление к единому умонастроению при потенциальной готовности к расколу, свойственное менталитету русской культуры, побуждало коммунистов всюду искать «чужих»: большевиков-меньшевиков; кулаков-бедняков; врагов народа и социально им близких. Дробление общества на «лишенцев», «нетрудовых элементов», «служителей культа», «уклонистов», «каэров», «троцкистов», «оппортунистов» позволяло большевикам разделять народные массы и эффективно управлять ими. От ярлыка, вычеркивающего личность из категории «своих», не спасали ни заслуги перед советской властью, ни пролетарское или бедняцкое происхождение. Советская пропаганда навязывала и утверждала в массовом сознании идею борьбы с внутренними и внешними врагами, перед лицом которых необходима мобилизация сил и трудовых резервов. «Принудилровка» мало отличалась от крепостного права, которого северяне прежде не знали, но в эпоху индустриализации ощутили на себе в полной мере.

В механизме памяти участвует забвение, отбор информации. При смене идеологии традиционные ценности «обнуляются», что порождает, с одной стороны, нигилизм, отсутствие желания жить и действовать, с другой — неукротимую разрушительную энергию. В результате культурной революции крестьянская (христианская) вера замещалась советской идеологией. Перемены происходили по инверсионному признаку. Культовые здания становились культурными учреждениями — клубами или школами. Место икон заняли портреты советских вождей.

Для строителей нового мира светлое будущее неизмеримо значительней темного прошлого. Христианская эсхатология, вошедшая в плоть и кровь русских людей, побуждала молодежь к самопожертвованию во имя счастья человечества. Соборность преобразовалась в коллективизм, исповедальность — в наушничество.

Перемены в хозяйственной сфере происходили одновременно с культурной революцией, раскулачиванием и коллективизацией.

Разорение деревенских храмов, репрессии по отношению к «попам» и «кулакам» (наиболее зажиточной и дееспособной части сельского населения) опрокинули расшатанные устои крестьянского мира. Все новое — хорошо, все старое — плохо. Предпринимались попытки выращивать нетрадиционные для Севера культуры и осваивать новые технологии. Все это было эффективно, но экономически неэффективно. Полиресурсная экономика, основанная на сочетании земледелия и скотоводства (одно без другого невозможно), промыслов (морских, озерных, речных и лесных), ремесел (кустарного производства) с отходничеством и лесным делом сменилась моноресурсной экономикой — эксплуатацией лесных богатств. Остальные виды деятельности со временем приобрели рудиментарный характер.

Осмысление публикуемых воспоминаний, свидетельствующих о жизни северной деревни в начале XX века, приводит к мысли о духовных основаниях революционных перемен. Многочисленная часть российского общества — от атеистов до обновленцев — объединилась на основе коммунистической идеологии не столько за новую жизнь, сколько против старой жизни.

В истории действует закон наказания за преступление. События во времени словно бы рифмуются, повторяясь в неожиданных, казалось бы, вариантах. Обществу нужна «точка сбора» — идеология, основанная на высоких идеалах. Абсолютные ценности нельзя придумать и навязать, но можно выстрадать и вспомнить как традицию — способ сохранения и архивации народной памяти. Прошлое и будущее — это два крыла. Опираясь на них, человек может полноценно жить в настоящем, испытывая счастье полета и радость от умножения добра и смысла. В ином случае нас ожидает скольжение вниз, заканчивающееся неизбежным падением.

Научно-популярное издание

**ИСТОРИЯ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА:
мир северной деревни начала XX века
в письменных свидетельствах сельских жителей**

Исследования и материалы

Составитель *Василий Николаевич Матонин*

Оригинал-макет: *С.В. Рапенкова*

Редактор *И.М. Кудрявина*

Формат 60×90/16.

Печ. л. 22,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 1110

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера».

163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52

www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

Корба

Оз. Булозь

Оз. Сегозеро

Оз. Выгозеро

Коркоя

Перогуба

Повенець

Выгозерской

Оз. Салозеро

Тобузерскій

Рускія

ПЕТРОЗАВОДСКЪ

Пудожъ

Саммиль

Соми

Мадожское

ОЛОНЕЦЪ

ВЫТЕГР

озеро

Ладейное Поле

Куур

Шльинское я

Новая Мадоба

Мондра

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Улково

Тилвинъ

Мойда

Вольской

***«В том-то и сила,
что прошло да было».***

Дневник крестьянского мальчика Яши Пронина и письменные воспоминания сельских жителей Архангельской и Вологодской областей, опубликованные в этой книге, рассказывают о жизненном укладе северной деревни начала - середины XX века.

